

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

На что жил наш выдающийся «народолог-белл»? За какие шиши исколесил всю европейскую половину империи, сверяя время по золотым швейцарским часам и балуя прокопченное нутро гаванской сигарой и обедами у петербургского ресторатора Вольфа?

НАХЛЕБНИК. «Как на что? — возразят мои разозленные оппоненты. — Да ведь Тарас был известным поэтом и модным художником! Разве вы не знаете этого, господин Бузина?»

Конечно же, знаю! Но подтверждений оной растиражированной версии в прижизненных документах о Великом Кобзаре не обнаруживаю. Напротив, в воспоминаниях современников наш герой предстает чаще всего банальнейшим обпивалой и объедалой из богемы.

Да и был ли он этим самым преуспевающим мастером? Могли ли осаждать процветающего деятеля культуры гастрономические галлюцинации, вроде тех, которые описывает Шевченко 31 января 1843 г. в послании своему другу Якову Кухаренко? Воистину страшная картина! «Як будете ви мені розказувати про вареники та проче, — жалується Тарас, — то я вас так вилаю, як батька рідного не лаяв. Бо проклятуха ота страва, що ви розказували, неділь зо три снилась. Тільки що очі заплющу, вареник так, так тобі і лізе в очі»...

Скажем прямо: как художник определенным успехом Тарас пользовался только в среде провинциальных украинских помещиков. Его имя не гремело на петербургских выставках, его работы и сегодня не становятся сенсацией международных аукционов. Шевченко — не Рембрандт, не Ренуар и не Репин. Обычный подмастерье живописного цеха, хоть и не без способностей.

ДЕШЕВЫЙ КОПИИСТ. Немногочисленные заказчики портретов ценили в нем только умение передать внешнее сходство. Цветной фотографии тогда еще не изобрели, а обладать своим изображением в красках уже хотелось. Заезжий из Петербурга выпускник Академии художеств подходил для создания семейной галереи «панских рыл» идеально. Платили ему скромно. За

Тарас Шевченко:

«Тільки що очі

заплющу, вареник

так, так тобі

і лізе в очі»»

две (!) копии портрета своего соседа — князя Репнина. Заказали с оригинала, написанного швейцарским художником Горнунгом и хранившегося в доме у Репнина.

Казалось бы, чего проще — попросить князя позировать Тарасу лично? Но не удостоил. Хоть и продержал при себе во флигеле почти три месяца! Да и кто такой этот Шевченко, чтобы написать портрет Его Сиятельства — героя наполеоновских войн и бывшего губернатора Малороссии? А копию — пусть старается!

Вся разрекламированная биографами Шевченко история пребывания «великого» Кобзаря «в гостях» у Репниных имеет прозаичнейшую изнанку: Тарас как ремесленник просто «тиражировал» работу своего куда более ценимого швейцарского собрата, а заодно кормился с барского стола.

Результат этого высокохудожественного «размножения» и сегодня можно увидеть в Киевском музее Шевченко. Небольшая такая работенка — 63,6 x 50,5 см. Тут же собрано и большинство других оригинальных и неоригинальных «шедевров» из творческого наследия гения. Никому, кроме профессиональных шевченкоманов, они не нужны. Даже музейным вора. Но отдадим должное Тарасу. В отличие от его лживых посмертных хвалителей, ограниченность своего дарования он хорошо понимал. «Я и прежде не был даже и посредственным живописцем. А теперь и подавно», — запишет он 26 июня 1857 г. в дневнике.

Довольно быстро Шевченко сообразил, что акварельками (по словам мемуариста Д. Григоровича, «единственным его средством к существованию» в молодости) много не заработаешь. Хотелось чего-то более существенного, чем профессия «вольного художника».

Совершенно секретно! ■ Источники существования Тараса Шевченко до сих пор тщательно скрывают. Дабы народ не догадался, что Великий Кобзарь «отъедался» в основном за счет царского самодержавия и панов-крепостников

«КОБЗАРЬ» ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Автопортрет. Тарас знал свою настоящую цену

1-е издание «Кобзаря» вышло за счет помещика Мартоса

А второе пропоспировал буржуй Платон Семеренко

ФИНАНСОВОЕ ФИАСКО ОТЦА «ГАЙДАМАК»

■ Не больше доходов приносила и литературная деятельность. Первое издание «Кобзаря» вышло за счет помещика-крепостника Петра Мартоса тиражом 1000 экземпляров. Особой прибыли эта «спекуляция» не принесла. Шевченковеды скрупулезно исчислили ее экономический эффект — чистая прибыль издателя составила примерно 400—500 руб. Сколько из этой суммы получил автор — точно не известно. Имеются две версии. По словам Мартоса, «с изданием «Кобзаря» у Тараса завелись денежки и он начал кутить». А Шевченко, наоборот, жаловался, что получил «непомерно малое вознаграждение». Как бы то ни было, больше Тараса Мартос не издавал. Их пути разошлись. Следу-

ющее произведение — «Гайдамаки» — вышло уже за счет автора. Тем же тиражом, что и предыдущее, — 1000 штук. Расходилось оно туго, хотя 800 «Гайдамаков» Тарас весьма удачно загнал оптом книготорговцу Лысенкову. Тот же Лысенков сгоряча купил у Тараса еще и права на стихи, напечатанные в мартосовском «Кобзаре» — «в вечное и потомственное владение». Эта авантюра обошлась в полторы тысячи рублей о чем, прогоревший на Шевченко Лысенков впоследствии неоднократно жалел. Кроважидные «Гайдамаки» зависли в магазинах. Нераспроданные экземпляры этих разбойников пришлось срочно сбросить с допечатанным «Кобзарем» и (чтоб добро не пропадало!)

толкнуть под обновленной вывеской «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Две поэмы на малороссийском языке». Случилось это в 1844 г., и больше до самого ареста в 1847-м никаких новых украиноязычных произведений Шевченко, если не считать тошную, буквально на двух листиках, «поэму» «Гамалия», отдельными изданиями не выходило! (Забегая вперед, добавим: когда Шевченко уже будет сидеть в крепости, Лысенкову придется забирать из магазинов нераспроданные экземпляры своего хитроизданного в обнимку с «Гайдамаками» «Чигиринского Кобзаря»). Рынок оказался полностью затарен выдающимся народным стихотворцем! Хотя цензура не мешала, а критика даже хвалила, Шев-

ченко понял, что его литературное предприятие находится в глубоком экономическом кризисе. Оставалось надеяться только на помощь благотворителей. Первые в жизни гонорары Тарас получил, рисуя портреты любовниц своего пана. Павел Васильевич Энгельгардт, по словам поэта, награждал его иногда за это «рублем серебра, не более». Мог бы и вовсе не платить. Но гвардейский полковник был неплохим психологом. Он полагал, что финансовое поощрение необходимо даже крепостному. Теперь «вольному художнику» нужно было найти нового «пана», который предоставил бы ему сносные и, главное, стабильные условия для творчества. Лучшее всего на эту роль подходило государство.

ПТЕНЕЦ В ГНЕЗДЕ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

■ Ресурсы частных лиц Тарас Григорьевич к этому времени основательно исчерпал! Гранты и грантоеды существовали уже в его время. Что это такое, он хорошо знал, ибо с января 1839-го по июль 1842 г. состоял пансионером петербургского Общества поощрения художников – благотворительной организации, призванной поддерживать молодые дарования. Два с половиной года эта богадельня выплачивала ему содержание в размере 30 рублей в месяц – сумму по тем временам огромную! Бывший крепостной Энгельгардта получил за свое студенческое житье столько же, сколько тогдашний майор. Ежемесячно без особых усилий ему перепадало рубликов больше, чем оказывалось в карманах

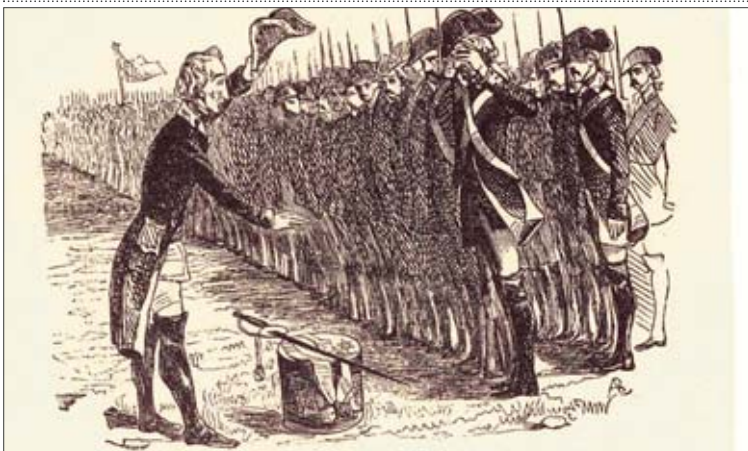
прапорщика, поручика или капитана. Общество поощрения художников еще и подбрасывало ему время от времени «воспомоществования» — то на лекарства, то еще на что-то. Но к лету 1842 г. кредит доверия этого почтенного заведения Тарасом был почти полностью растрочен. Шевченко учился все хуже. Из первой пятерки учеников уверенно сполз в первую двадцатку, и Общество переключилось «поощрять» других – не менее достойных молодых людей. Конечно, с точки зрения ярких шевченкоманов было бы, наверное, лучше, чтобы конкуренты Тараса в борьбе за халяву перемерли с голоду, а высвободившийся капитал пошел исключи-

тельно на содержание ненасытного Кобзаря. Но у меценатов имелось на этот счет иное мнение. И менять его они не намеревались. В 1844 г. Шевченко предпринял последний набег на Общество, испрашивая субсидию на издание серии эстампов «Живописная Украина». Филантропы согласились раскошелиться в обмен на один экземпляр гипотетического первого выпуска. Правда, «поэт-живописец», как именovala его газета «Северная пчела», пытался впарить Обществу сразу 100 штук своих еще неизданных «Живописных Украин». Но благотворительная контора не признала нужным «приобрести означенное число экземпляров, по неимению в виду никакого для них употребления».

Гениально! Тарас рисовал «Катерину», сидя на госдотациях

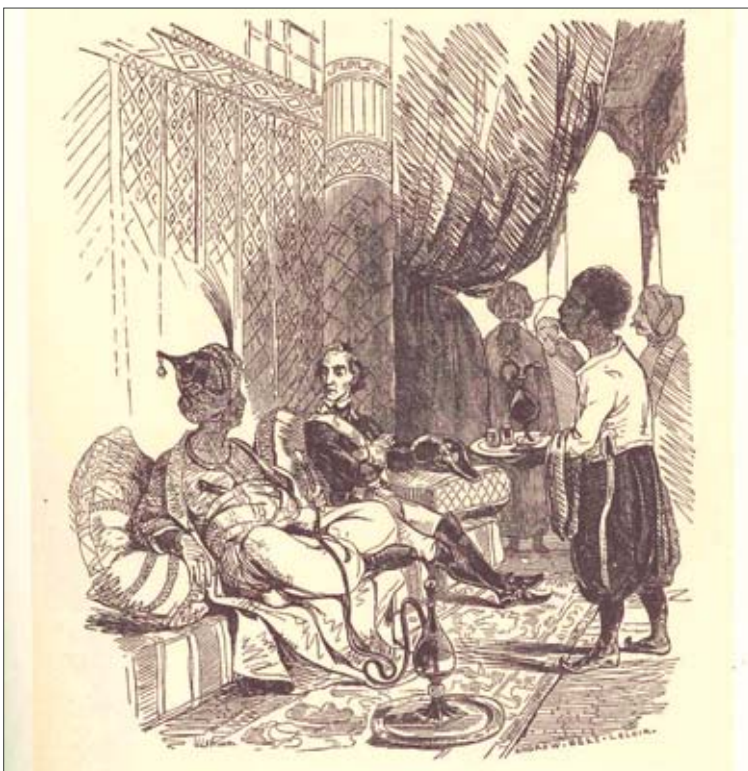
ИЛЛЮСТРАЦИИ ШЕВЧЕНКО К «ИСТОРИИ СУВОРОВА»

Врут, что Шевченко не любил царскую армию!

Однажды Тарас даже проиллюстрировал на заказ «Историю Суворова»

И как видите, у Кобзаря получилось угодить царскому самодержавию

ХОТЕЛ НА СЛУЖБУ ЦАРСКУЮ, ПРИВОЛЬНУЮ, «КАЦАПСКУЮ»!

■ К декабрю 1845 г. «свободный художник» смертельно устал от свободы. Попытка издать за собственный счет серию гравюр «Живописная Украина» окончательно подорвала его иммунитет. Он даже подцепил какую-то горячку и на всякий случай накатал «Заповіт». Тот самый. С общеизвестными строчками: «Поховайте та вставайте!» Выглядел Тарас отвратительно – бледный, с выбритой после болезни головой, в черной бархатной шапочке на голом черепе. Воистину живой труп! Именно таким увидел его приятель-поэт Афанасьев-Чужбинский. В Нежине Шевченко даже не хотело пускаться в зал Дворянского собрания. Афанасьеву пришлось долго уговаривать распорядителей, нажимая на то, что такой человек как Тарас делает честь любой компании в любом виде.

Кроме издательской, наш герой потерпел в том году еще одну неудачу, которую его биографы обычно замалчивают, — Великому Кобзарю отказали в звании академика. «Літопис життя і творчості Т.Г. Шевченка» (Київ, «Дніпро». — 1976, с. 64) пишет по этому поводу: «Березня 22. Заява Шевченка до ради Академії художеств з проханням надати йому звання художника». Это не совсем правда. На самом деле, в тот день Тарас претендовал на нечто несоизмеримо большее! Он требовал присвоить ему «звание академика».

Однако Академия амбиции Тараса пресекла, ограничившись предоставлением ему куда более скромного звания — «неклассного художника» с правом «пользоваться с потомством его вечною и совершенною свободою и вольностью и вступать в службу, в какую сам как свободный художник пожелает».

Это был провал. Звание академика, по Табели о рангах, давало право на чин титулярного советника — гражданского чиновника 9 класса, равнявшийся армейскому капитану. В строго иерархической системе империи оно обеспечивало высокий общественный статус и крупное жалованье.

А «неклассный художник» по

сути не означал ничего — только свидетельство об окончании курса наук. Если бы Шевченко захотел поступить на государственную службу, он должен был начать путь вверх с самой низкой ступени — коллежского регистратора — чиновника 14 класса.

А именно на государственную службу — в тихий бюрократический уют — ему и хотелось. Ведь, как известно, особенно приятно критиковать несправедливый общественный строй, пользуясь всеми его привилегиями...

Сделав две копии
портрета Репнина,
Тарас понял:
«Я и прежде не был
даже посредственным
живописцем»

На некоторое время Тарасу удалось устроиться художником во Временную комиссию для рассмотрения древних актов при Киевском генерал-губернаторе — с окладом в 150 рублей в год. Работа тут сулила беспечное житье — разъезды по трем губерниям за казенный кошт, осмотр достопримечательностей на свежем воздухе и участие в археологических поисках. О том, чем в основном занимались молодые люди, трудившиеся в комиссии, свидетельствует веселый рисунок народного поэта с раскопок кургана Перепахиха под Фастовом — деревянная церквушка, какая-то хата под соломой и жизнеутверждающая шевченковская подпись: «В Перепахі у ямі копали там х...ми».

Эх! До чего же хорошо бороться с правительством за пра-

вительственный счет! «Борец» постепенно приобретает приятные округлые очертания, отмеченные большинством очевидцев, и с пера его как бы сами собой соскальзывают вдохновенные строки: «Не роблю нічого ніяк, лежу собі та й годі»...

Единственное, что беспокоит его, — как бы «притулиться до университета», где открылась вакансия учителя рисования и, следовательно, еще один источник финансирования. «Коли б то Бог дав», — облизывается он в письме к историку Николаю Костомарову, предвкушая, как будет сидеть сразу на двух стульях. Влюбленная в Тараса княжна Варвара Репнина нажимает на все доступные ее пальчикам бюрократические пружинки. Высших учебных заведений в Российской империи не так уж много, вопрос о назначении решается на самом верхе — в Петербурге. Но министр просвещения граф Сергей Уваров идет навстречу княжне — Тараса берут преподавателем «в виде опыта на один год, для удостоверения в его способностях»... (Письмо С.С. Уварова попечителю Киевского учебного округа от 21 февраля 1847 г.)

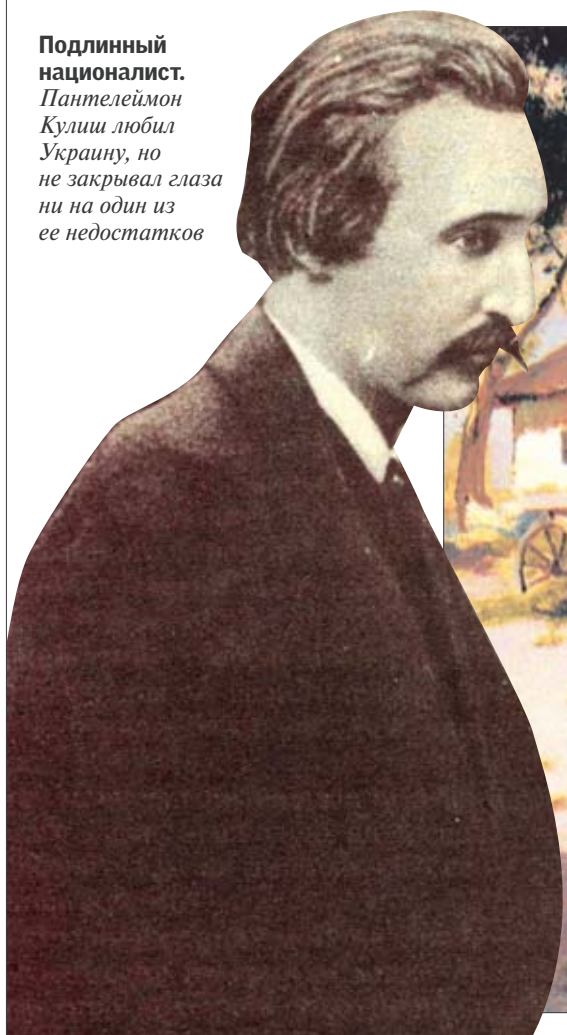
Все складывалось, как нельзя лучше. Так славно, что на протяжении почти всего 1846-го и начала 1847 гг. Тарас даже почти перестал писать стихи. От переиздания не пелось. Ни о любви. Ни о народном горе. Жизнь шла по кругу и сама становилась вкусной, как блин.

И тут последовала катастрофа — весной так хорошо начавшегося года господного бездельника на госслужбе заинтересовалась политическая полиция. Ну, а что случилось дальше, вы знаете, читатель. Не будем пересказывать известное. Добавлю только, что второе (и последнее) прижизненное издание «Кобзаря» уже после возвращения Шевченко из армии тоже вышло за счет спонсора — известного сахарозаводчика Семеренко. На титульной странице его так и значится: «Коштом Платона Семеренка». Умел все-таки Тарас развести «новых украинцев» на бабло!

субботные истории для взрослых от Олеси Бузины

Подлинный
националист.
Пантелеймон
Кулиш любил
Украину, но
не закрывал глаза
ни на один из
ее недостатков

Уроки фольклора. Повидав немало европейских стран, писатель прекрасно понимал убожество своей Родины

ПРОЗРЕНИЕ ХУТОРСКОГО ФИЛОСОФА КУЛИША

Забывтый провидец ■ Из-за политических кризисов в прошлом году совершенно незамеченным прошло 110-летие со дня смерти одного из самых украинских и одновременно «антиукраинских» писателей — Пантелеймона Кулиша

До сих пор его боялись переиздавать в полном объеме. Несмотря даже на то, что именно он придумал современное украинское правописание и сочинил первый украинский исторический роман. Чем же так не устраивает Кулиш наших нынешних инквизиторов от культуры? Независимостью!

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ. К этому желчному и острому на язык писателю лучше всего подходит определение: свой среди чужих, чужой среди своих. С одной стороны — ярый казакофил и собиратель народного фольклора. С другой — его же беспощаднейший критик, назвавший всех кобзарей скопом «п'яними і темними», а их творчество — «п'яницькою бредурнопеєю про люджерів-козаків».

Таким же двойным было и происхождение Кулиша. Самого себя он считал аристократом. Но какое-то подозрительное дворянство имел только его дед. А уже отец Пантелеймона потерял право быть причисленным к благородному сословию и записался в обычные казаки, несмотря на то, что владел родовым хутором в Черниговской губернии и даже крепостными мужиками. Из-за отсутствия свидетельств о дворянском происхождении Кулиша исключили из

Киевского университета св. Владимира. Во времена Николая I там имели право учиться только дворянские дети.

История с исключением Кулиша со второго курса — достаточно темная. По видимому, поступая на учебу, он назвался дворянином и пообещал предоставить соответствующие документы в надежде, что администрация об этом забудет. Но в ректорате не забыли, и молодой полуказак-полухлятич отправился на вольные хлеба, вынырнув уже в столице Российской империи в должности старшего учителя гимназии и одновременно преподавателя русского языка в Петербургском университете. Как его туда приняли, остается загадкой. Ведь сам Кулиш не имел не только высшего образования, но и среднего. Он успел закончить только пять классов гимназии в провинциальном Нежине, оставив ее то ли из-за нехватки средств, то ли из-за отсутствия воли бороться со скукой, которую навевали общеобразовательные предметы.

ГЕНИЙ БЕЗ ДИПЛОМА. Недоученности героя этой статьи Украина обязана упрощенным правописанием, которое он придумал. До великой орфографической реформы Панька Кулиша (так чаще всего его называли приятели) украинцы пользовались общерусским правописанием,

оставшимся еще со времен Киевской Руси. Они тоже употребляли «яти», «еры», не знали апострофа. Кулишу все это казалось очень сложным, и он предложил так называемое «фонетическое» правописание. По принципу: «пишемо, як чуємо». Как, пользуясь им, можно делать ошибки — уму непостижимо! Тем не менее, многим нынешним школьникам не по зубам даже примитивная «кулишовка», соз-

абсолютно не умела читать. Поэтому сборник получился самый, что ни на есть подлинный, истинно народный, свободный от любых книжных влияний.

Профессор Максимович свел фольклориста-недоучку с инспектором училищ Киевского учебного округа Юзефовичем. Вспоминая впоследствии об этом полезнейшем знакомстве, Пантелеймон писал, что Юзефович опекал его просто на удивление: поставлял книжки и рукописи, помог напечатать в университетской типографии исторический роман «Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад» и даже предоставил за казенный счет командировку в Киевскую губернию. Кулиш путешествовал по ней с перерывами целых два года. Результатом научной экспедиции стал сборник народных песен и легенд «Записки о Южной Руси». Молодой автор приобрел литературное имя.

Но на склоне лет Кулиш отзывался о тех благословенных временах с сарказмом:

*З того ж то ми часу Вкраїну
Вибріхувати почали,
І на Петра й на Катерину
Хулу та клевету верзли.*

Написано это было явно в пику Шевченко и его поэме «Сон» со знаменитыми строчками о Петре Первом, который «розпинав нашу Україну», и Екатерине II, которая, по Тарасовой версии, «доконала вдову-сиротину».

Кулиш:

«Пощо Господь
велів родитись
тут між стадом
без'язиким?»

данная специально для просвещения отсталых мужиков.

До весны 1847 года Кулишу необыкновенно везло. В Киевском университете он познакомился с профессором русской словесности Михаилом Максимовичем. Сблизило их помещательство на украинском фольклоре. Кулиш показал профессору самодельный сборник песен, которые он записал от своей матери. Мать, кстати,

КАТАСТРОФА 1847 ГОДА

■ Полоса везения закончилась, когда Третье отделение — политическая полиция Николая I накрыла в Киеве Кирилло-Мефодиевское братство, замышлявшее преобразование Российской империи в федерацию славянских республик. Следствие показало, что Кулиш находился в переписке с большинством членов братства. И не только находился, но еще и подписывал свои послания титулом «гетман».

Во все времена жандармам не хватало чувства юмора. Сборище интеллигентных болтунов они приняли за глубоко законспирированный подпольный центр. Кулиш был арестован в Варшаве в тот самый момент, когда вместе с молодой женой он направлялся за границу хлебнуть европейского воздуха и набраться туристических впечатлений. Вместо Берлина и Праги пришлось оказаться в Петербурге на допросе у начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта. Вопрос генерала: «Правда ли, что вы намеревались быть гетманом украинским?» Кулиш запомнил на всю жизнь.

Глупая шутка стоила ему двух месяцев в крепости во время следствия и ссылки в Тулу. Это было чисто символическое наказание. В подмосковном городе малороссийский литератор редактировал «Тульские губернские ведомости» и жил за панибрата с губернатором Козодоевым, о котором в автобиографии отозвался: «Человек, как человек». Там же он сдружился с местным жандармским капитаном Гусевым и даже переселился вместе с женой в его особняк, где полицейский и ссылный

вместе гоняли чай. Вот так в старые времена переплетались в России политические преступники и те, кому по долгу службы надлежало за ними присматривать!

Тульская ссылка продолжалась три года. А потом Николай I простил Кулиша. Доброжелатели показали царю рисунки неудавшегося «гетмана». Император расчувствовался и разрешил ссылному редактору вернуться в Петербург. Правда, запрет на публикации Кулиша не был снят. Но он тут же нашел выход, засыпав петербургские журналы своими переводами иностранных авторов под различными псевдонимами.

Смерть Николая I и приход либеральных Александровских времен вернули Кулишу былую свободу. Начало 60-х годов застало его маститым литератором. К этому времени он опубликовал два варианта романа «Черная рада» (на русском и украинском языках), отредактировал и издал собрание сочинений Гоголя, получив за это три тысячи рублей (10 процентов от прибыли), совместно с Николаем Костомаровым издавал первый украиноязычный журнал в Петербурге «Основа», довел до ума рукописи сбежавшей от мужа Марии Маркович, сочиняв-

шей под псевдонимом Марко Вовчок...

Кулиша считали главой «украинской» партии, ярким националистом и вдруг он сжигает все, чему поклонялся, и поклоняется всему, что сжигал. Одно за другим из-под пера писателя выходят уже не романы, а исторические исследования на документальном материале — трехтомная «История воссоединения Руси», «Мальована гайдамаччина» и «Отпадение Малороссии от Польши».

Жена писателя
Ганна Барвинко
прощала ему измены
и щедро делилась
деньгами

Отныне Кулиш не видит ничего прогрессивного в запорожском казачестве, которое воспевал в молодости. Теперь казаки для него — просто бандиты и убийцы. Ни о каком государстве они не мечтали. Их идеалом было выпить и пограбить. Единственной же прогрессивной силой на Украине, покончившей и с татарскими набегами, и с ляшским засильем, вчерашний казакофил признает Российскую империю. Нет ничего удивительного, что с такими мыслями даже в независимой Украине Кулиш остается полузапретным автором. «Черная рада» включена в школьную программу. Но уже предис-

ловие к ней, где писатель говорит о политическом ничтожестве гетманов, ученикам не показывают. Что же касается исторических сочинений Кулиша, то их боятся даже вспоминать.

ЗА РУСЬ ТРИЕДИНУЮ!

► На протяжении всех лет после 1991-го в Украине только то и делают, что ищут «национальную идею». А ведь она давно есть! Ее сформулировал еще Кулиш в своем позднем стихотворении «Национальный идеал». Сначала он описывает распад единой Руси после нашествия Батыя:

*Як налягло на Русь татарське лихолітте,
Зісталось в Києві немовби тільки сміття.
На Клязьму й на Москву позабігали люде
І визирали, хто з киян туди прибуде.
І всі, що руської єдиності жадали,
На Клязьму й на Москву помалу прибували.*

Московской Руси, по мнению Кулиша, удалось сохранить духовное наследие погибшей Руси Киевской. Именно туда произошла миграция славянского населения с Киевщины. И он прав — носители древнерусской культуры переселились именно под защиту московских князей. А дальше наступил период петербургской империи Петра Первого. Для автора стихотворения — это глубоко прогрессивный государственный механизм, в отличие от гетманских междоусобиц периода Руины:

*Імперія — се власть була над ворогами,
Над ханом, турчином, Литвою і ляхами...
І що б там ні було гіркого на Вкраїні,
А густо забував наш нарід на руїні.
Де нас десятками за Паліїв лічили,
Там міліонами край рідний ми осіли.*

Кулиш понимает, что только империя обеспечила процветание и самоуважение украинского народа. Только благодаря ей и ее победам он смог расселиться на территории разгромленного Крымского ханства. А в будущем автор «Национального идеала» прозревает обновленную триединую славянскую империю:

*Уставши з попелів козацької руїни,
Кликнімо до синів слов'янської родини:
Топімо ж у Дніпрі ненависть братню дику,
Спорудьмо втрьох одну імперію велику,
І духом трьох братів освячений диктатор,
Нехай дає нам лад свободи імператор.*

В отличие от Шевченко, который ничего не знал о будущем, кроме банальной уверенности, что «буде син і буде мати», Кулиш имел совершенно определенный общественно-политический идеал, который и проповедовал в своей поэзии.

Из первых рук. За казенный счет Пантелеймон провел целых два года в экспедиции по селам вокруг Киева

АВТОР ТЕРМИНА «ХУТОРЯНСТВО»

■ Ни один из украинских классиков не говорил своим землякам таких жестких и нелюбимых истин, как Кулиш. В трактате «Хуторская философия» он писал: «Ми залишалися татарськими недобитками навіть і тоді, коли татари, в свою чергу, були нами побиті і придушені».

Кулиш первым начал разоблачать пропитанные дешевым нарциссизмом украинские исторические мифы. Сколько перевели у нас чернил на восхваление Киево-Могилянской академии! Каким святыищем наук ее только не описывали. А требовательный автор «Хуторской философии» вынес уничижительный приговор этому захолустному учебному заведению на задворках Европы: «Мо-

гилянська академія не дала нам жодного чудового таланту». И попробуйте с ним поспорить! Ведь и Сковорода, и Феофан Прокопович — самые известные выпускники Могилянки — в перечень всемирно известных ученых не входят. Оба они — всего лишь начитанные подмастерья западных философов, так и не создавшие оригинальные мировоззренческие систем, — звезды провинциального масштаба.

Даже Богдана Хмельницкого Кулиш называет «украино-польским Батыем», вспоминая «жахливе винищення народу, подібне до того, що над нами вчинили татари на чолі з Батиєм та його наступниками, а згодом на чолі з Богданом і Юрієм

Хмельницькими». Он хорошо знал по мемуарам XVII столетия оборотную сторону «национально-освободительной войны» — то, как Богдан расплачивался своими же земляками с крымскими союзниками, разрешая им собирать ясыр по селам.

Кулиш словно предчувствовал, к чему приведут бредни его коллег-романтиков уже в XX веке. Отдав долг юношеской идеализации казачества, в зрелые годы он сумел развенчать те фантомы, которые в эпоху Кирилло-Мефодиевского братства сам порождал вместе с Шевченко и Костомаровым.

субботние истории для взрослых от Олеся Бузины

Старое и новое ■ До марта 1918 года Украина жила еще по старому стилю. Поэтому датированный 11 января IV Универсал Центральной Рады, который объявлял независимость, по новому летоисчислению, выпадает на 24 января

СТАЛИН И НОЧНОЙ БРЕД IV УНИВЕРСАЛА

Пропагандистский шедевр. Таким плакатом Грушевский и компания собирались победить красного дракона

Рада. Всю революцию ее депутаты так и провели в здании Педагогического музея с двухглавым орлом на фасаде

Украинские «гроші». Таких бумажек Центральная Рада напечатала на свое содержание миллионы!

Календарь этот ввели, как известно, большевики в Петрограде, Раду очень не жаловавшие и даже объявившие ей войну. Выходит, что Грушевский и компания отставали от своих врагов во всем — и в организации войск, и в государственном строительстве, и даже в календарных экспериментах. Одним словом, плелись в хвосте у Ленина и Троцкого, как первоклашки за старыми опытными школьными хулиганами.

СХОДНЯК ПОЛУНОЧНИКОВ. Сама же «велика подія» прошла так, что ее почти никто в Украине и не заметил. Дело происходило ночью, как на воровском сходняке. Заседание Центральной Рады открылось ровно в час по полуночи, когда все нормальные люди в Киеве спали. Тот, кто бывал в Доме учителя, где тусовался в революционные дни «перший парламент», знает, что зал заседаний там маленький, почти камерный. Здание строилось до Первой мировой войны и предназначалось для Педагогического музея. По замыслу архитектора, в лучшем случае там должны были праздновать различные бюрократические мероприятия преподаватели киевских гимназий.

Но теперь тут давал открытый урок «прохвесор» Грушевский. Он вылез на трибуну и разинув рот, украшенный неопрятной, как дворницкий веник, бородой, начал зачитывать по бумажке: «Високі збори! Українські Установчі збори, призначені 3-м Універсалом нашим, не могли зібратись у призначений день 9 січня тому, що останніми днями виникли всякі заколоти... Народ наш прагне миру. І Українська Центральна Рада доложила всіх зусиль, щоб дати мир негайно. Але петроградське правління, Совіт народних комісарів, оголошує нову священну війну... це правління насилує війське своє, червоногвардійців та більшовиків, на Україну і веде з нами братовбивчу війну.

Щоб дати нашому правлінству змогу довести справу миру до кінця і захистити від усяких замахів нашу країну, Українська Центральна Рада постановила не відкладати до Установчих зборів ті справи і в цій цілі Українська Центральна Рада вже з 9 січня відбувала перманентне, безперервне засідання аж до цього часу і постановила важну річ — видати оцей Універсал».

ДЕПУТАТ НЕРОНОВИЧ СБЕЖАЛ В ТУАЛЕТ! Речь Грушевского была застенографирована. Как легко заметить, «пан прохвесор» говорил на суржике — до конца жизни он так и не выучил толком украинский язык, хотя на протяжении трех десятилетий до этого важного исторического события снимал пенки с «української справи». Слушали председательствующего сорок девять членов Рады. Тридцать девять из них — высказались «за». Четверо — против. И еще шесть — воздержались. По партиям это выглядело так: три украинские фракции (социал-демократы, эсеры и социалисты-федералисты) Універсал поддержали, русские меньшевики и еврейская партия Бунд, тоже входившие в Раду, высказались против. Русские

эсеры и еще одна еврейская фракция — Поалей Цион, несмотря на то, что среди них не было ни одного украинца, заявили, что их хата с краю. А депутат Неронович, узнав, что голосование будет поименным, на всякий случай сбежал из зала. Хитрый Неронович уже предчувствовал, что скоро из Питера приедут в лихих бескозырках матросики на бронепоезде и надают всему честно-му собранию по шапкам.

ПО КОЙКАМ! Потом все разошлись спать, так как было уже очень поздно и депутаты устали. Вся церемония вместе с чтением Універсала заняла всего полчаса. Как написала 13 января 1918 года киевская газета «Нова Рада»: «За пізнім часом о пів на другу засідання переривається до слідуючого дня».

«Прохвесор»

Грушевский:

«Останніми днями

виникли всякі

заколоти!»

— Как же это так? хозяин, — кажись, я, а они без меня землю делить стали.

Рис. М. Андреева.

Дележ империи. Карикатура времен гражданской войны

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД «ПЛАГИАТОРОВ» ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

■ Сам же Универсал, как минимум, наполювину состоял из обычной политической брехни. «Ми, Українська Центральна Рада, — гласил он, — обрана з'їздами селян, робітників і салдатів (так и написано в документе — через «а») України... Никакие съезды, никаких крестьян и рабочих, а, тем более, солдат Раду не избирали. Полсотни «депутатов», включая и сбежавшего «по нужде» Нероновича, были самозванцами. Они собрались еще весной 17-го года от различных общественных организаций и, если кого и представляли, так это себя. Многие в стране даже не догадывались, что в Киеве сидит такая контора.

Другая часть документа представляла собой бесстыжий плагиат с ленинских Декретов о земле и мире, провозглашенных двумя месяцами ранее в Петрограде сразу после Октябрьской революции. Но она не дотягивала до него по решительности. Ленин и большевики пообещали землю и мир по всей бывшей Российской империи, в том числе и в Украине, сейчас и сразу, без бюрократических проволочек. Мол, берите, сколько сможете, и тащите, куда хотите! И народ потащил! Солдаты толпами обсели вагоны и бросились с немецкого фронта по деревням делить помещичью землю. На немцев, наступавших с запада, никто не обращал внимания. Все стремились успеть к дележу — а вдруг без него поделят?

А Центральная Рада в IV Универсале только загребла себе на бумаге побольше территории, заявив, что «ліси, води і всі багатства підземні, як добро українського трудящого народу, переходять в порядкування Української Народної Республіки». Что же касается конкретных участков, то простой человек пока ничего не получал. Документ расплывчато гласил, что «в справі земельній комісія, вибрана на останній сесії нашій, уже виробила закон про передачу землі трудовому народові без викупу... Закон сей буде розглянемо за кілька день в повній Центральній Раді».

Комиссия... Сессия... Закон, который разработали, но еще не приняли... Все это навевало на простого человека, как всегда ждавшего всего и сразу, такую тоску, что и слушать не хотелось. Ленинская короткая бумажка ложилась на душу куда лучше!

С миром, как явствовало из Универсала, тоже было ничего не ясно. Он только предписывал «Правительству Республіки нашої... від сього дня вести розпочаті переговори про мир з Центральними Державами цілком самостійно і довести їх до кінця»...

И, наконец, последняя ложь заключалась в том, что принятый 11 января документ Рада датировала двумя днями ранее — 9 января. Ей очень хотелось ускорить исторический процесс.

ПРЕМЬЕР ВИННИЧЕНКО ПОЗДРАВИЛ УКРАИНУ С ГРЯДУЩЕЙ КАТАСТРОФЕЙ

■ Но реальной силы эта бумага с любой из двух дат не имела. Репортер «Киевской мысли» — самой популярной газеты города С. Сумский описывал эту ситуацию в воспоминаниях «Гражданская война в Киеве»: «Январь 18-го года. Борьба большевиков за власть была не только угроза, она уже начиналась... За исключением специальных украинских янычар, — а их было очень мало, — все войсковые части требовали захвата власти советами. Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, настроившая против себя города — своей националистической политикой, деревню — боязнь разрешить земельный вопрос, солдат — продолжением войны, была уже властью призрачной. Министры произносили речи, требуя защиты республики, а по улицам, угрюмо поглядывая по сторонам, бродили, именно бродили, а не ходили серые шинели. Правительство Рады играло в солдатики, украинизировало армию, вводило в моду оселедцы и бритые головы, полковников переименовывало в старшин, а поручиков — в хорунжих. Плохие актеры играли роль запорожцев».

Другие очевидцы чувствовали примерно то же. Дмитрий Дорошенко — видный украинский деятель, впоследствии министр иностранных дел гетманского правительства, а в начале 1918-го один из комиссаров, назначенных Центральной Радой, оставил интересные мемуары о том, как в Кие-

ве отметили новогодние праздники: «В помещении Украинского клуба на Большой Владимирской собралось около сотни представителей украинского и общественного, и литературного мира встретить Новый год. Явились и некоторые из генеральных секретарей (недавно переименованных в министры) с В.К. Винниченко во главе. Настроение у всех было подавленное — отовсюду приходили недобрые вести. Пробыл 12-й час, и никто не решился поднять бокал и провозгласить традиционный тост. Все взоры устремились на главу украинского правительства — на Винниченко; дамы стали упрашивать его сказать хоть несколько слов. «Что я могу сказать вам? — начал он. — Разве то, что варвар с севера стоит у наших дверей и грозит смять, уничтожить все наши достижения»...

Вся речь Винниченко была проникнута предчувствием катастрофы. А министр почты Н. Шаповал вообще каркнул, как ворона: «Morituri te salutant!» Этим возгласом в римские времена гладиаторы обращались к императору перед поединком. В переводе она означала: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»

По словам Дорошенко, «такое

настроение членов правительства передалось всем присутствующим, и на другой день тревога распространилась по всему городу».

Даже Грушевскому становилось понятно, что такого премьер-министра пора менять. Разложившегося Винниченко отправили в отставку. Вместо него 18 января глав-

ной кабина назначили Всеволода Голубовича.

Но кандидатура нового главы исполнительной власти вызвала искреннее недоумение у всех в Киеве.

Его правительство состояло в основном из украинских эсеров — членов той же партии, к которой принадлежал

Грушевский. Но кто такой Голубович, никто не знал. Дорошенко в воспоминаниях даже патетически восклицает: «Как вообще мог выдвинуться и занять пост премьера этот кретинообразный

субъект, не умевший связно произнести даже коротенькой речи?.. Злые языки утверждали, что профессор Грушевский, истинный режиссер всех таких махинаций как «министерский кризис», «формирование кабинета» и т.д., умышленно выдвигал людей бездарных и безличных, чтобы ему легче было самому ими управлять».

Премьер

Винниченко:

«Что я могу

сказать вам?»

Надо делать ноги!

НАРКОМНАЦ СТАЛИН РАЗДЕЛИЛ УКРАИНСКИЙ НАРОД И РАДУ ГРУШЕВСКОГО

■ А вот петроградские большевики не испытывали недостатка в сильных личностях. Уже 23 ноября (6 декабря) 1917 года в «Правде» появилось интервью с только что назначенным народным комиссаром по национальным делам товарищем Сталиным. Нарком заметил, что центральная власть, которую «избрал Всероссийский съезд советов», признает за всеми национальностями бывшей Российской империи право на полное самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельного государства. Но воля нации должна определяться путем референдума. Власть же в Украине должна принадлежать не просто кучке людей, а «всей совокупности рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». «Мы все думаем, — заявил

Сталин, — что абсолютно необходимым есть съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Нам непонятно то недоверие, с которым украинцы относятся к идее такого съезда. Мы все считаем, что вы — киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и другие, должны немедленно взяться за созыв такого съезда, конечно, совместно с Радой. Если же она откажется сотрудничать с нами в этом деле, то созвать его без Рад».

В том же интервью нарком обвинил Центральную Раду в империализме: «Это видно еще из того, что Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все тут думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть развязан только самим населением путем референдума. Поскольку Рада этого не делает, а сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя, как организацию недемократическую».

Война между Радой и Совнаркомом «за губернии» была неминуема. Через две недели в той же «Правде» появилась статья Сталина, в которой он совершенно справедливо напомнил, что Центральная Рада встала в Киеве на сторону белых, пропустив верные Временному правительству войска на Дон к генералу Каледину, а революционные войска против Каледина «не пропускает». «Только в этом дело, — писал Сталин. — Между народами России, между русским и украинским народами нет никакого конфликта. Вместе боролись они против царизма и керенщины, вместе же доведут они нынешнюю революцию до полной победы.

Конфликт существует только между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Генеральным секретариатом Рад».

Бестселлер. В 1936 г. все статьи Сталина про Украину вышли 100-тысячным изданием

субботние истории для взрослых от Олеса Бузины

Юбилей мифа ■ 90-ю годовщину Крут решили отметить с особой помпой.

Сегодня на поле под этой железнодорожной станцией сойдутся даже киевские военно-исторические клубы, изображающие войска УНР и большевиков. Акцию патронирует лично президент.

Но для большинства граждан Украины это событие так и остается мифическим

КОМАНДИР БОЯ ПОД КРУТАМИ ЗАКОНЧИЛ В ДИВИЗИИ СС «ГАЛИЧИНА»

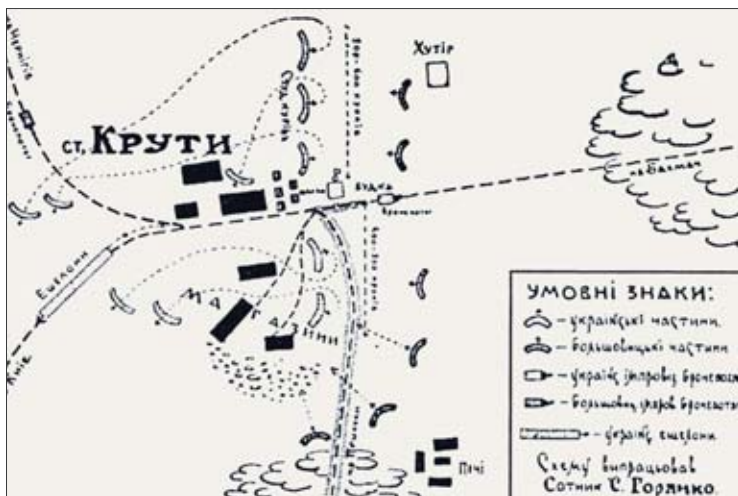
ОЛЕСЬ БУЗИНА

Кроме Крут, в январе 1918-го украинская армия дала множество боев. Она потерпела все поражения, какие только смогла. Потеряла кучу народу. Кстати, не так убитыми, как разбежавшимися от животного ужаса перед «москальскими варварами» с красными ленточками на шапках (ведь известных всем звездочек в начале Гражданской войны еще не придумали), но в историю вошла только одна перестрелка — Круты. Почему?

Да, в общем благодаря только одному человеку, погибшему там, — студенту из очень влиятельной киевской семьи Владимиру Шульгину. Этот молодой человек приходился племянником члену Центральной Рады и министру иностранных дел Украинской Народной Республики Александру Шульгину. Поэтому, когда уже в марте 1918 г. Грушевский и его соратники с помощью немцев вернутся в Киев, официальная украинская пропаганда станет раскручивать именно Круты. Как говорится, болело! И глава Рады, и члены правительства чувствовали вину перед своим близким знакомым. Это была действительно «государственная» трагедия. Министры переживали за министра!

Тела 27-ми расстрелянных на станции Круты студентов и гимназистов перенесут в Киев и торжественно в присутствии членов правительства и самого «батяка нации» Грушевского перезахоронят. А Павло Тычина — тогда еще не советский, а национальный поэт, слегка округлив цифру, напишет конъюнктурные строчки: «На Аскольдовой могиле похоронили их, тридцать мучив украинских, славных, молодых... Что он при этом чувствовал, сказать сложно. Может, был искренен. А может, ловил момент, как и тогда, когда в 30-е будет писать «Партія веде» и «В полі трактор дир-дир-дир, ми за працю, ми за мир». Ловкий был стихотворец!

А ДРУГИЕ БОИ ЗАБЫЛИ. Кто вспомнит январские бои за Чугуев, Екатеринослав и Одессу, предшествовавшие Крутам? Или героическую попытку поручика Бондаревского организовать сопротивление красным в Сумах и расстрелянного большевиками? Или стоившее больше 50 убитых и 120 раненых трехдневное сражение за Бахмач, в котором украинскими частями руководил командир полка имени Дорошенко хорунжий Хмелевский, погибший годом позже? Не имел бедняга Хмелевский родственников в правительстве! Так что спите спокойно, пан хорунжий! Никто о вас ни в секретариате Рады в 1918 году, ни в нынешнем президентском сек-

Карта боя. Бронепоезд красных сдерживала одна пушка на платформе

«Госсправедливость». Даже в «Киевской мысли» всем крутянам был только один некролог. А Шульгину сразу три, причем один из них по-русски

ретариате не вспомнит. Как написал другой поэт Александр Олесь:

Державні місії,
Контроль, комісії,
Пілати, дипломати,
Вся Україна тут...
Клопочуться, збираються
Просять, вітаються,
Стрівають, виряджають,
А ввечері — вино...

А там деє на позиції,
Без зброї, без муніції,
У полі босі й голі
Вмирають козаки...

Александр Олесь, современник тех событий, не преувеличивал. К примеру, в Екатеринославе во главе группы офицеров на телеграфном узле забаррикадировался подполковник Дмитрий Абриньба. Он отстреливался от красных до последнего патрона и слал отчаянные телеграммы в Киев. А там «державні діячі» никак не могли понять, началась уже война с большевиками или еще нет? И отвечали: мы ни с кем не воюем! Так и погиб георгиевский кавалер еще с Первой мировой. По одним данным — застрелился. По другим — был застрелен красными. И никто не оценил его подвиг.

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА. Война между красной Москвой и желто-голубым Киевом разгорелась из-за того, что Центральная Рада поддержала белогвардейцев, скапливавшихся на Дону. Всех, кто уходил в Добровольческую армию, она беспрепятственно пропускала через территорию Украины. А отряды красной гвардии, которые Совнарком направил на подавление контрреволюции, заворачивала.

Но Ленин и его приятели оказались энергичнее и организованнее. Пока Рада почивала на лаврах, радуясь, что в ноябре 1917-го ей удалось так легко захватить власть в Киеве и прищучить местных большевиков, их друзья в Москве оперативно сколотили импровизированную армию и двинулись устанавливать на Украине советскую власть.

Войск у Центральной Рады, и у красных было мало. Военные действия разворачивались не на широком фронте, а вдоль железных дорог, по которым передвигались немногочисленные отряды, которые их сторонники громко именовали «армиями», а противники — «бандами» и «ордами». Поэтому 29 января и разгорелся бой за расположенную на ветке Бахмач—Киев станцию Круты. Захватив ее, можно было двигаться прямо на украинскую столицу.

НАСТРЕЛЯЛИ КРАСНЫХ, КАК РЯБЧИКОВ. Наиболее полный анализ этого боя сделал военный историк Ярослав Тинченко:

«Совнарком направил на Украину ряд отрядов в помощь местной красной гвардии, которую разоружали войска Центральной Рады. Это были отряды петроградских, московских и тверских красных гвардейцев, отряд балтийских матросов. С немецкого фронта были сняты два наиболее обольщенных полка — 60-й и 25-й Сибирские стрелковые. Общее командование осуществлял Антонов-Овсеенко — старый партизан, а до 1905 года кадровый офицер, который перешел на сторону революционеров. Непосредственно под Крутами командовал подполковник Муравьев — тоже офицер бывшей царской армии. Его назначили только после взятия Бахмача.

У красных в бою под Крутами участвовало примерно 3 тыс. чел. и бронепоезд. Оборону против них заняла 1-я Украинская военная школа и отряд Вольного казачества. Вместе их было примерно 400 человек. Так как украинские юнкера понимали, что их явно недостаточно, то в Киев отправили делегацию за помощью. Помощи никакой им не дали. Но когда делегаты зашли в казармы своего училища на Печерске, то обнаружили, что там формируется Студенческий курень. Первоначально его предназначали для охранной службы в самом городе. Но юнкера подбили первую сотню куреня (118 человек) ехать с собой под Круты. Большинство ее членов составляли ученики старших классов Кирилло-Мефодиевской гимназии и студенты. Еще под Крутами со стороны украинцев участвовало одно орудие на железнодорожной платформе, которое

по своему почину привел артиллерийский офицер-подпоручик Лошенко.

Все эти силы оборонялись очень умело. Перед Крутами справа и слева от железной дороги были отрыты окопы. Установлены и пристреляны пулеметы. Стреляли юнкера очень точно. Орудие на платформе долгое время умелыми выстрелами сдерживало бронепоезд, который мог атаковать только в лоб. Непосредственно в поле украинцами руководил капитан Гончаренко — командир куреня Военной школы им. Хмельницкого. В целом это был очень удачный бой для украинской стороны. На поле под Крутами было убито не меньше трехсот наступавших красных».

Пропаганда
«раскрутила»
Круты только
потому что там
погиб племянник
министра
и иностранных дел!

ОТСТУПАЮЩИЕ ЮНКЕРА УНЕСЛИ ДАЖЕ ТРУПЫ СВОИХ

19 марта 1918 г. Похороны погибших крутян

■ «Перелом наступил, — продолжает Тинченко, — ближе к середине дня. Красные пристрелялись по станции Круты, где находился эшелон с боеприпасами и штаб во главе с сотником Андреем Носенко. К этому времени штаб уже был пьян. И Носенко приказал отвести поезд глубже в тыл. По-видимому, чтобы было комфортнее закусывать. Из-за этого на позициях возникла нехватка патронов. Гончаренко отдал приказ отступать. Защитники Крут организовано двумя отрядами, унеся всех своих раненых и убитых, обошли станцию и соединились за ней в поле со своим эшелоном. После чего погрузились и уехали в Киев. В плен к красным попало

только 34 человека — одна чота (взвод) Студенческого куреня, непосредственно в бою не участвовавшая. Она охраняла станцию. Семь раненых большевики пощадили и отправили в Харьков. А остальных пленных раздосадованные огромными потерями в бою расстреляли. Не думаю, что их кто-то пытал. Неглубоко присыпанные землей трупы весной разрыли собаки. Данные эксгумации ничего о пытках не говорят. Все легенды о зверствах возникли уже потом. Они созданы людьми, в бою не участвовавшими. Зато известно, что студент Шульгин был захоронен, обнявшись со своим школьным другом Наумовичем. Их тела так и перевезли в Киев.

Как вы представляете, можно ли пытать сразу двух обнявшихся людей? Если бы что-то подобное было, их конечно бы разделили. А так они просто обнялись перед расстрелом». Остальные потери защитников — непосредственно боевые — были мизерными. Всего человек пятнадцать. Да и то больше во время отступления. И около 50 раненых. Их положили в два вагона. Такова реальность. За пятнадцать убитых в бою под Крутами юнкеров красной гвардейцы заплатили тремя сотнями своих. А под раздачу попали наименее подготовленные. Те, кто первоначально был оставлен в тылу и не сумел сориентироваться во время отступления.

«Стратеги-украинизаторы». А военное министерство беспокоилось, как бы переименовать ветеринарное управление в «Військо-Ветеринарний Уряд»!

Универсальная казарма. Тут находилось Константиновское военное училище, потом 1-я украинская военная школа. Теперь институт связи

РУССКИЙ КАПИТАН ГОНЧАРЕНКО — КРУТЯНИН И ЭСЭСОВЕЦ

► Судьбы военных порой складываются причудливо. Капитан Аверкий Гончаренко, непосредственно командовавший в поле под Крутами, прожил 90 лет. Он родился в селе Дощенки на Полтавщине в 1890 г. Окончил при царе Чугуевское военное училище и даже не подозревал, что станет офицером УНР. Первую мировую встретил командиром роты 260-го Брацлавского полка. К 1916-му он уже штабс-капитан, командир батальона. А с лета — курсовой офицер 2-й Киевской школы прапорщиков. Осенью 1917 г. Гончаренко украинизировал свой курс, осуществив первый выпуск украинских офицеров — «старшин». Его профессионализму и педагогическим способностям можно приписать меткость пулеметной стрельбы, которую проявили юнкера (по украинской терминологии — «юнаки») и организацию обороны под Крутами. Но после Крут и уличных боев в Киеве Гончаренко, по-видимому, не особенно снова лез в мясорубку. Осенью 1918-го он — Летичевский уездный комендант. Потом — штаб-офицер для поручений военного министра УНР и снова курсовой офицер Каменец-Подольской юнацкой школы. После Гражданской войны Гончаренко жил в Станиславове и работал в сельскохозяйственной кооперации. В 1943 г. 53-летний отставник тряхнул стариной и вступил в дивизию СС «Галичина». Окончил службу в ней штабным офицером. А потом эмигрировал в Великобританию и, наконец, в США, где и умер в 1980 г., оставив мемуары.

ИСТОРИК ЯРОСЛАВ ТИНЧЕНКО: «НАСТЯЩИЙ МЕМОРИАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАПРОТИВ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДВОРЦА!»

■ Главный миф о Крутах — то, что несчастных детей правительство бросило в пасть озверевым большевикам. Но вся Гражданская война вынесена на плечах юнцов! Из советской истории мы помним Аркадия Гайдара, который в 16 лет командовал полком в Красной Армии. И в войсках Центральной Рады было много подростков. Мужики, возвращавшиеся с фронтов Первой мировой, воевать не хотели. Вот и сражались юноши, «болевшие» различными политическими идеями! Красными, белыми или самостийными.

Одновременно с боем под Крутами в Киеве против Центральной Рады восстала местная красная гвардия. В значительной части она состояла из рабочей молодежи. Многие из юношей-красногвардейцев погибли. Хочу напомнить, что комендантом обороны Арсенала был студент Киевского политеха Саша Горвиц.

Его тело нашли растерзанным в середине февраля 1918 года на киевских склонах. Перед капитуляцией Арсенала часть его защитников по подземным ходам пыталась проникнуть к Днепру. Некоторых из них выловили солдаты Центральной Рады и ликвидировали. По всей видимости, в их числе был расстрелян и 21-летний Горвиц.

Во время боев в Киеве между большевиками и сторонниками Временного правительства в конце 1917-го основную тяжесть боев вынесли с одной стороны молодые красногвардейцы, а с другой — ки-

евские юнкера. Тогда погибло более 60 юнкеров Константиновского училища. Потом именно в его здании была создана 1-я украинская военная школа им. Богдана Хмельницкого, сражавшаяся под Крутами. И в этом же здании формировался Студенческий курень, некоторые из ребят которого были расстреляны после того же боя.

Сейчас, по прошествии 90 лет, есть смысл чтить всех павших в Гражданскую войну, независимо от их политических взглядов. Отрицать жертвенность юношей-красногвардейцев и их ровесников-белогвардейцев, которые тоже похоронены в Киеве, неэтично.

У нас ведь прямо напротив Марининского дворца и Верховной Рады целый участок парка им. Ватутина — это громадная братская могила, где покоятся останки погибших в Киеве во время Гражданской войны. Это единственное место, которое могло бы стать объединяющим для всех сторон. Над захоронениями большевиков там есть памятник — рабочий со знаменем. А прямо напротив входа в Марининский дворец находится захоронение, которое довоенные киевляне называли «Могилой 500 неизвестных офицеров». Когда войска Муравьева после Крут пришли в Киев, они учинили массовую расправу на Липках, считавшихся буржуазным кварталом. В первую очередь, погибали офицеры, люди хорошо одетые или имевшие документы от Центральной Рады. Или те, кто пытался помешать погрому. Напри-

Ярослав Тинченко: «У погибших в Киеве в Гражданскую войну должен быть общий памятник, независимо от их политических взглядов»

Без подписи. Под этой табличкой вместе с другом — Шульгин

мер, погибла группа рабочих, защищавшая от большевиков свою пекарню. Всего погибло около 2500 человек. В марте 1918 г., после того, как немцы выбили красных из Киева, была проведена эксгумация. Тела, которые опознали, родственники забрали и перезахоронили на различных кладбищах. А 500 неопознанных, в основном в военной форме, снова закопали. Так возникла «Могила 500 офицеров». После Второй мировой войны, когда население Киева на 99 процентов поменялось, о ней забыли. А в 1957 г. даже установили урну якобы в память убитых красных. Рядом есть захоронения сечевых стрельцов, погибших в 1918-м во время антигетманского восстания.

Настоящий мемориал в память жертв Гражданской войны, причем всех жертв без исключения, должен быть именно тут — в парке им. Ватутина.

УБИТЫ И ЗАБЫТЫ

500

неизвестных

офицеров»,

похороненные прямо у Верховной Рады

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Атаман.
Во время
январских боев
1918 года
бывший
журналист
Петлюра
проявил себя
агрессивным и
одновременно
благородным
лидером

Финал.
После занятия
Киева войсками
Муравьева
9 февраля
1918-го красные
устроили
торжественные
похороны
погибших
в Январском
восстании

КАК ПЕТЛЮРА С «АРСЕНАЛОМ» ЗА КАНАЛИЗАЦИЮ ВОЕВАЛ

Великое и смешное ■ До чего жаль, что в Украине не снимают кино! Какой материал пропадает! Хотя бы Январское восстание в Киеве, вылившееся в битву между красными и петлюровцами за «Арсенал» и... городскую канализацию

Завхват Крут открыл красным дорогу на Киев. В прошлую субботу Виктор Ющенко помянул добрым словом polegших там студентов, по своему обыкновению многократно завывив их цифру. Впрочем, президенту простительно. Ведь он в истории дилетант, а хороших историков в его окружении нет.

СТУДЕНТЫ-ВЕТЕРАНЫ. От себя добавлю: под Крутами сражались еще те «студенты». Например, студент Омельченко — в прошлом штабс-капитан российской императорской армии, имевший за плечами Первую мировую войну. Этот опытный головорез студентом стал только в 1917 году, поступив в Украинский народный университет. Именно он командовал 1-й сотней Студенческого куреня. Его заместителем был вообще гимназист последнего — восьмого класса — Павел Кальченко. Просто слезами обливаешься, пока не узнаешь, что этот «школьник» по совместительству имел еще и чин прапорщика. К учебникам он вернулся прямо из окопов.

Подавляющее большинство «крутян» — отнюдь не детки, как кому-то кажется, а тертые калачи, обладавшие уже до Крут солидным боевым опытом. Меньше всего они похожи на нынешних

чахлах учащихся вузов, отравленных «дринками» и драпом и избавленных от необходимости служить в армии. Нет! Не таблетками «экстази» вставлялась тогдашняя молодежь! У нее были «наркотики» покруче — уличные бои и ночные налеты.

Те же, кто действительно смахивал на тинейджеров, вели себя, как настоящие спецназовцы. Уже во время подавления Петлюрой Январского восстания в Киеве два гимназиста, только что вернувшиеся из-под Крут, подкрадывались к красногвардейцам в районе Золотых ворот с тыла, набив свои ранцы ручными гранатами. У рабочих-большевиков на них рука не поднималась — как же можно убивать мальцов? А те вытаскивали вместо школьных чернильниц гранаты и отправляли сторонников учения Маркса-Энгельса к праотцам, чтобы они могли проверить: действительно ли правы материалисты или загробный мир все-таки существует? Много народу на «переменках» положили!

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ. В начале XX века назвать Киев украинским можно только условно. Большинство жителей города считало себя либо великороссами, либо малороссами — представителями двух ветвей единого русского народа. Фраза из летописи: «Киев — мать

городов русских» была не историей, а действительностью. В 1917 году разделение внутри этой группы произошло не по этническому, а по классовому признаку. Рабочие поддерживали большевиков. Интеллигенция, буржуазия и дворянство стояли за белую «единую и неделимую Россию».

Значительную часть киевлян составляли поляки, оставшиеся тут еще со времен Речи Посполитой. И, естественно, очень мощной и многочисленной группой была еврейская община. Состоятельная ее часть держалась от революции в стороне, выжидая лучших времен, а малоимущий, но горячий и преимущественно вкусивший образования элемент бросился в революцию, поставив кадры для парторганизации и чекистов. Дора Иткинд, Яков Гармарник, Александр Горвиц, Исаак Крейсберг — имена вождей киев-

кого Январского восстания говорят сами за себя.

По сути, украинцы в 600-тысячном городе были в меньшинстве. Центральную Раду поддерживали только некоторые военные части. Как известно, под те же Круты отправилось только 118 студентов и гимназистов — преимущественно из Кирилло-Мефодиевской гимназии и Украинского народного университета. А где же остальные? Где студенты Политехнического института, Университета св. Владимира — крупнейших киевских учебных заведений?

Где старшеклассники более чем тридцати казенных и частных гимназий? Где не меньше десяти тысяч бывших царских офицеров, находившихся на тот момент в городе?

НЕЙТРАЛЬНЫЙ КИЕВ. Подавляющее большинство из них осталось в стороне от противостояния «красные — украинцы», не чувствуя его своим. Только некоторые из них

присоединились к петлюровцам. Например, упоминаемый в мемуарах штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, приставший к гайдамакам и воевавший на их стороне с боль-

шевиками в своих серебряных погонах и бело-желтой фуражке. Удивительно он смотрелся в одном строю с гайдамаками в красных кожаных штанах и шапках со штыками! Этот офицер погиб в последний день киевских боев. Но слова этого молодца вошли в историю: «В таком виде и желаю умереть!» Он был прав — значительную часть из тех офицеров, кто не вышел тогда на улицы, большевики расстреляли сразу же после вступления в Киев.

Восстание на «Арсенале» должно было начаться не 15 января по старому стилю, как это произошло в действительности, а, по крайней мере, неделей раньше. Но среди сторонников Центральной Рады оказался очень энергичный и инициативный человек — комендант Киева Ковенко. Он разнюхал, что на заводе готовится выступление и в ночь на 5 января с отрядом вольных казаков после короткой перестрелки ворвался на завод и захватил все оружие. В ту же ночь его люди отобрали винтовки и пулеметы на судостроительной верфи, механическом заводе и в мастерских «Политеха». Весь конфискат свезли в дом №7 по Московской улице — буквально рядом с «Арсеналом».

И тут украинцев предали. Причём солдаты части, носившей самое украинское название, какое только можно представить — Полк имени Шевченко! «Шевченковцев» поставили охранять склад на Московской, а те слили информацию киевскому партийному комитету да еще и пообещали немедленно поддержать восстание.

Комендантом
завода «Арсенал»
был 20-летний
студент
«Политеха»

КРАСНЫЕ ВЫЛЕТАЛИ ИЗ ГОСТИНИЦЫ «ПРАГА», «ЯК ЖАБИ»

■ Впрочем, этому есть объяснение. Солдат-шевченковцев не купили за сало. Они действовали из идейных побуждений. Большинство из них совсем недавно служили в Петрограде в лейб-гвардии Волынском полку — том самом, который начал Февральскую революцию 1917 года, а потом сделал и Октябрьскую. Только два месяца назад их перевели в Киев, и они унесли большевистские традиции с собой. «Своими» для них были красногвардейцы, а не Петлюра и Грушевский.

«Ворохобницьке повстання почалося вночі на 16 січня, — писала в те дни газета «Нова Рада». — Большевицька «червона гвардія», прихиливши на свій бік частини полків ім. Шевченка та Сагайдачного, вже давно розагітованих большевицькими брехнями, засіла в арсеналі на Печерську й звідти почала обстрілювати місто. Зчинився бій між повстанцями та українськими військами і вільним козацтвом, що рушили на оборону міста й обложили арсенал, силкуючись вибити звідти ворохобників».

Благодаря фильму Александра Довженко «Арсенал», эти события именно под таким названием и вошли в массовое сознание. А в реальности у выступления киевских большевиков было еще три очага — Подол, Шулявка, где отряд красногвардейцев сформировал завод

Грете́ра и Криване́ка (ныне «Большевик»), и Главные железнодорожные мастерские.

На самом деле «Арсенал» только отскакивал в обороне. А самой боевой частью оказался отряд подольских красногвардейцев. Вверх по Андреевскому спуску они прорвались в самый центр города и были остановлены только у Золотых ворот — буквально в пяти минутах ходьбы от здания Центральной Рады. Тут разгорелся жесточайший, стойкий красный

**Бой шел
за те «номера»,
куда совсем
недавно водили
проституток**

60 человек, бой за гостиницу «Прага» — здание на углу Владимирской и Прорезной. Теперь на нем висит мемориальная доска, сообщающая, что тут жил писатель Ярослав Гашек. А до революции находились знаменитые «номера», куда водили проститутки господа-офицеры и студенты. В комнатах, где совсем недавно

предавались плотским утехам, засели большевистские пулеметчики. Штурм гостиницы шел, как в боевике. Один отряд украинцев прорвался на крышу, а другой — при поддержке двух броневиков и гранат ворвался на первый этаж. Через несколько минут большевики полетели, по словам одного из очевидцев, «як жаби», с последнего этажа. Руководил обороной «Праги», по воспоминаниям участников штурма, опублікованим во Львовском изданні «Літопис Червоної Каліни» в 1938 году, бывший юнкер-еврей

Киевские красногвардейцы. Среди них тоже преобладала молодежь

Константиновского училища — как видим, и со стороны красногвардейцев волеало много молодежи.

Главной ошибкой восставших была несоординированность действий. Пока подольская красная гвардия шла в наступление, остальные отряды не проявляли активности. Главным достижением шулявских красногвардейцев во главе с киевским поляком Всеволодом Довнар-Запольским стала 1 февраля (по н. ст.) захват Кадетского корпуса. Теперь в этом здании возле Воздухофлотского моста находится Минобороны Украины. А тогда никакого моста не было. Поднятых ночью с постели кадетов — по сути детей — ограбили до нитки и тем ограничились. Но улица Довнар-Запольского и соответствующая трамвайная остановка на Дегтяревской до сих пор существуют в Киеве. Кстати, самому Довнару было только девятнадцать. Он погибнет в конце 1919 года.

Зато накануне, 31 января, «великую победу» одержали арсенальцы. Около полуночи в кромешной тьме они вылезли из своего логова на заводе через канализационные коллекторы и, прокравшись на склоны Днепра, захватили водокачку. Киев остался без воды! В элитных квартирах Липок дерьмо зависло в унитазах. Досадили таки буржуям! Все мемуаристы из интеллигентных слоев в один голос описывают этот «ужас». Рабочие кварталы подобными трудностями было не испугать — там не было таких удобств.

ОТБИТЬ ВОДОКАЧКУ И СПАСТИ УКРАИНУ!

Петлюровский командир вместе с невестой

■ Наступил переломный момент. Судьба сражения повисла на волоске. Или Центральная Рада захлебнется в экскрементах. Или поднятой «волной» захлестнет самих большевиков. И тут 2 февраля (по старому — 20 января) в город ввалился Симон Петлюра со своими гайдамаками. Их театральный вид наводил ужас даже на своих. Вот как описывает встречу с живым гайдамаком еще один сторонник Рады Всеволод Петров: «Смужкова шапка з червоним шликом, голе́на голова з довгим чорним оселедцем за ву́ха та свіжим шрамом від кулі та нерухо́ме самовпевне́но залі́зне обличчя ма́ніяка — аномально́ї лю́дини, ні́бито справді́ воскресши́й гайда́мака пра́старих часі́в»... То, что раньше видели только в пьесах, забегало по улицам!

Но, кроме «театра», у Петлюры были еще и пушки. На следующий день артиллерия в упор пробила пролом в стенах завода, куда хлынули эти красношлычные «черти». Интеллигент Петлюра (даром, что ли, до революции был журналистом и бухгалтером!) приказывал стрелять так, чтобы не повредить монумент Кочубею и Искре. Сейчас на его постаменте торчит крошечная горная пушечка возле метро «Арсенальная». «Стріляйте так, щоб пам'ятник оставався цілий!» — приказывал атаман, щадя культурные ценности.

3 февраля около 6 часов вечера колонна Петлюры из гайдамак и солдат полка им. Хмельницкого ворвалась на завод. Кое-кого перебили. Остальных, как стадо, согнали в кучу во дворе. «Кілька ще завязятих арсенальців-більшовиків виявили були спротив, але скоро переконалися, що даремно, — вспоминает участник штурма П. Выдыбайло. — Всі добровільно віддавали зброю. Багато оборонців арсеналу поховалися по пивницях, іще довго хлопці вишукували і витягали перестрашених людей, навіть жінок і дітей, не роблячи жодної кривди нікому і збирали їх на одному з арсенальських дворів... Багато з них жалувало свою вчинку»...

«Маніяки». Грозные хлопцы Петлюры пугали даже своих театральных «оселедцями» и шлыками на шапках

Андреевский спуск. По этой улице подольские красногвардейцы поднялись к Владимирской улице, где их остановили у Золотых ворот

ЗА ОГРОМНЫЙ ГОРОД ДРАЛИСЬ КУЧКИ ЛЮДЕЙ

■ «Красивую» идею замочить всех на месте пришлось оставить из-за Петлюры. Разгоряченных атакой гайдамак, уже направивших пулеметы на толпу, остановил лично атаман: «Коли хочете розстріляти їх, то розстріляйте перш мене! Це ж робітники... Між ними чимало невідомих українців, і ви їх хочете розстріляти? Я того не дозволю, першу кулю в мене!»

Пленных отконвоировали в казармы у Лавры. Напрасно переименовали улицу Январского Восстания в Мазепы. Ей бы имя Петлюры носить! Это место, где он проявил и военные способности, и благородство, редкое в гражданской войне.

В уличных январских боях за Киев сражалось всего 1940 украинских бойцов и чуть больше двух тысяч красных повстанцев. Значительную часть из них тоже составляли украинцы — часть поддавшихся на пропаганду большевиков полков им.

Шевченко и Сагайдачного. Понтонеры, располагавшиеся через дорогу от «Арсенала», остались в стороне и с удовольствием продавали рабочим оружие. А полк им. Хмельницкого разделился. Часть его сражалась за красных, а другая штурмовала взбунтовавшийся завод.

Это были самые жестокие уличные бои за всю историю города со времен монгольского нашествия. Сторонники Центральной Рады оказались энергичнее, смелее, а их командиры — более грамотными, чем руководство большевистского ревкома. «Арсенал» — одна из немногих украинских побед. И очень жаль, что уже вынашиваются планы разрушить стены этого завода и застроить его высотками. Настоящие патриоты Украины не имеют права позволить жадным прощодам от бизнеса — пришельцам в Киеве — уничтожить часть этой нашей общей славы.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

В поисках утраченного рая! ■ Независимость началась с поисков колбасы, которую «з'їли москалі». Но прошло 17 лет, и выяснилось, что украинские олигархи «съели» еще больше в виде заводов и прочей госсобственности. И снова встал вопрос: а были ли времена, когда наша земля текла молоком и медом?

КОГДА НА УКРАИНЕ БЫЛО ЖИТЬ ХОРОШО?

Экономическое процветание — вещь относительная. То, что считается богатством сейчас, через поколение уже не будет удовлетворять возросшие стандарты потребления. И все-таки можно говорить о периодах, когда народ доволен своей жизнью, и фазах явного неблагополучия — голода и дефицита предметов первой необходимости.

Эпоха Киевской Руси кажется сегодня утраченным былинным раем: едут на картине три богатыря, задает пиры князь Владимир и прыгают в купальскую ночь непуганые мужички с толстозадими красными девицами. На самом деле, появление государства в наших местах крепко ударило по шапке этим мужикам. А заодно — и по карману. Князя в Киеве нужно было кормить. А потреблять ему, нюхнувшему константинопольской роскоши, хотелось все больше.

ЭКОНОМИКА РУСИ БЫЛА ПРОСТА. Ее создали викинги, оседлавшие путь «из варяг в греки». Появившись в Новгороде в IX веке, они сначала разносили дорожку по Волге в Персию и столицу Арабского халифата — Багдад. Потом к нему прибавилась еще и ветка по Днепру в Византию. Уже тогда Русь была, прежде всего, сырьевым придатком более развитых цивилизаций. Главные статьи ее экспорта — меха, воск и рабы. Наловив в пущах девок, их везли на базар в Булгар на Волге, где обменивали на арабские серебряные монеты — дирхемы. Клады этой валюты древности рассыпаны по всей территории Руси — от Киева до Ладоги.

Все наши нынешние проблемы имеют истоки уже в тех временах — экстенсивное производство, базирующееся на избытке ресурсов, бесхозяйственность, ориентирование на иностранные денежные системы. Древняя Русь и заваливаться стала, когда кризис поразил сначала халифат, а потом Византию, на которые была направлена наша внешняя торговля. К XIII столетию оба эти государства распались. Произошло то, что случилось бы сегодня, рухну в

Художник Амвросий Жмаха. Изобразил в начале XX века процветающую Украину казачьих времен

один момент США и Евросоюз. Куда бы продавали металл украинские заводы? А, главное, за что? Ведь доллар исчез бы точно так же, как в Средневековье дирхем, чеканку которого прекратили.

Нашествие монголов только поставило последнюю точку в этом процессе. А первые толчки «мирового кризиса» Средневековья чувствуются уже в середине XII века. Окрестности Киева пустеют. Население мигрирует во Владимиро-Суздальское княжество, где вместе с переселенцами появляются двойники южнорус-

ских городов — Галич и Переяслав.

Материальный быт Киевской Руси крайне примитивен. Специалистов по каменному строительству хватает только на хра-

мы. Все остальное от ложек до городских стен делают из дерева. Крестьянин живет еще даже не в хате, а в полуземлянке площадью 8—10 кв. м. Над землей торчит только крыша этого строения, а отопливает его очаг без трубы.

ЗАСИЛЬЕ ИМПОРТА. Но знать одевалась во все

привозное. Дорогие ткани тащили из Греции. Мечи — из Германии, где в мастерских на Рейне существовало их массовое производство на экспорт. Ездить предпочитали тоже на «иномарках» — привозных лошадях восточных пород. Их называли «армаками». Замените тогдашние «бренды» на нынешние мерседесы и тряпки от Гальяно и получите явную перекличку с современной. Живем, как в эпоху феодальной раздробленности. Даже Ющенко-старший советует Ющенко-младшему оставлять чек на 700 долларов за бутылку французского шампанского. Киевские князья тоже предпочитали иностранные вина — их завозили из Константинополя. Лакали бы и шампанское, да только французы еще не успели его тогда изобрести...

Характерный пример Руси эпохи упадка — наступление в XII веке так называемого безмонетного периода. Все денежные расчеты в это время производятся в гривнах — слитках серебра, весом 160 г (киевская) и 200 г (новгородская). Это тоже самое, что оставить в обороте только 1000-долларовые банкноты. Значит, древнерусские «олигархи» настолько сконцентрировали богатства в своих руках, что у народа не осталось в буквальном смысле ничего. Только право платить налоги натурой. Ничего удивительного, что во время нашествия монголов это государство так плохо защищали. А за что было драться? За жадного князя с боярином? Вы сейчас, дорогой читатель, готовы отдать свою жизнь за «РосУкрЭнерго»? Положить ее, так сказать, на «альтарь Отечества»?

Зато в XVI веке на исходе литовского владычества Украина производила впечатление края такого же девственного, как американские прерии. Литовцы были очень гуманными «колонизаторами». Практически их не было видно и слышно. При таком начальстве многочисленные туземцы, пережившие татарское нашествие, наслаждались всеми дарами природы.

«Нам принадлежит знаменитый замок и город Киев, — писал литовский мемуарист Михайло Литвин. — Почва Киевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только раз парой быков, дает обильнейший урожай; даже не возделанные поля производят растения, питающие людей своими корнями и стволами».

За эти дирхемы — валюту раннего Средневековья — русы продавали славянских баб арабским купцам. Уже тогда у нас предпочитали иностранные деньги

В XVI ВЕКЕ НАШИ ПРЕДКИ ЖИРОВАЛИ, КАК КАЗАК ПАЦЮК У ГОГОЛЯ — ВАРЕНИКИ ИМ САМИ В РОТ ПРЫГАЛИ НАПЕРЕГОНКИ С ОСЕТРАМИ

■ Нам сложно даже представить, насколько украинская природа всего 450 лет назад отличалась от нынешней! «Старые дубы и буки, — продолжает Литвин, — изобилуют роями пчел и сотами, отличающимися прекрасным цветом и вкусом. Зубров, диких лошадей и оленей такое множество в лесах и на полях, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо по причине большого его изобилия бросают, за исключением филейных частей; ланями и дикими кабанами совсем гну-

шаются. Дикие козы в таком огромном количестве перебегают зимою из степей в леса и летом обратно в степи, что каждый крестьянин убивает их до тысячи в год. По берегам рек во множестве встречаются поселения бобров. Птиц такое паразитическое множество, что весной мальчики наполняют целые лодки яйцами диких

уток, гусей, журавлей и лебедей... Орлят запирают в клетки ради их перьев, которые прикрепляют к стрелам. Собак кормят мясом диких зверей и рыбою, так как реки изобилуют невероятным количеством осетров и других больших рыб, подымающихся из моря вверх по рекам в пресную воду. Поэтому многие реки называют зо-

лотыми, особенно Припять, которая в одном месте в начале марта наполняется таким множеством рыбы, что брошенное в нее копье стоит отвесно, словно водруженное в землю»...

Зачем работать в таком раю? Даже Запорожская Сечь кормила себя в основном за счет охоты и рыбной ловли. Не станешь же заводить ферму, когда вокруг тебя бродят целые стада дичи с качеством мяса, которое сегодня не попробуешь в лучшем киевском ресторане?

«Припять
наполняется
таким множеством
рыбы, что брошенное
в нее копье
стоит отвесно»

ПОЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ЖИЛИ ХУЖЕ НАШИХ

► Эту идиллию убила Люблинская уния в 1569 году. Литва объединилась с Польшей и в качестве компенсации за военную помощь против Ивана Грозного передала ей Украину. Поляки явились на наши земли с ненасытным аппетитом и масштабными экономическими проектами. Огромные территории на границе с Диким Полем разбирали магнаты. То, что считалось ничьим, вдруг приобрело собственников из далекой Варшавы. Наших предков это страшно возмущало. Еще вчера они охотились и ловили рыбу, где хотели, а теперь должны были спрашивать у кого-то разрешения! Восстания начались одно за другим меньше, чем через тридцать лет после унии. Двести лет «под Литвой» даже не заметили. А нового пана, едва увидев, сразу же захотели забросить назад за Вислу. И ведь что удивительно: гнет народа в самой Польше был куда тяжелее, чем в Украине. В исконных польских землях царила фольварочная система. По-нашему — барщина. Это было что-то вроде совхоза, только принадлежавшего не государству, а одному человеку. Крестьянин являлся на хозяйственный двор со своим инвентарем и лошадью, получал «наряд» и отправлялся работать в поле под присмотр панского управляющего. «Жизнь их так тяжела, — писал о польских крепостных итальянский путешествен-

ник Руджиери, — что даже во время самой жестокой зимы можно увидеть плохо одетых женщин, которые босиком ходят по снегу». Украинские крестьяне, а тем более казаки жили куда свободнее. В гигантских латифундиях пограничных магнатов, вроде Вишневецких, с них собирали только оброк. Более того! Чтобы заманить селян на целинные земли, только что отобранные у кочевых татар, крупные паны полностью освобождали их от налогов лет на десять-пятнадцать — живите, как хотите, пока «поднимитесь». Такие поселения назывались «слободами». Не удивительно, что сюда — на Полтавщину и Черкащину — сбегались крестьяне с Галичины и Волыни, где уже господствовали фольварочные порядки. Уровень жизни тут кажется по нынешним меркам крайне низким — тесные крошечные хатки без дымоходов, топившиеся по-черному, бычий пузырь вместо стекла в окошке и домотканая одежда, покрашенная в лучшем случае отваром дубовой коры. «Живут тесно, — писал об Украине заезжий итальянец Альберто ди Вимина, — зимою в одной и той же комнате помещаются и люди, и скот. Плохая домашняя утварь гармонизирует с постройками, потому что, кроме ножа и горшка, все в доме деревянное. Лишь немногие употребляют простыни... Спят на лавках, на соломе или на какой-нибудь шерстяной тряпке».

Иван — Гале. «Та краще я умру, чим буду терпіти, як кляті пани не дають мені знати самогонку!»

«ЕВРОПЕЙСКОГО УРОВНЯ» НЕ БЫЛО НИГДЕ В МИРЕ ЕЩЕ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

■ Какой ужас! А вот, и не ужас — типичный средневропейский уровень жизни того времени. Например, сегодня многим кажутся эталоном бывшие страны советской Прибалтики.

Мол, и нам бы так! В XVI или XVII веках вам в эту Европу вряд ли захотелось бы бежать. Вот как изображает тогдашнюю жизнь литовцев посол германского императора Герберштейн: «Живут они в низких и очень длинных хижинах, посредине в них поддерживается огонь, и когда у него восседает отец семейства, он может видеть скот и всю домашнюю утварь, ибо у них в обычае держать скотину под той же крышей, под которой живут они сами».

А эстонцы даже в куда более поздние времена — в XIX веке — потрясали туристов нечистоплотностью. Проехался как-то через их «цивилизованные» земли с русским уланским полком корнет Фаддей Булгарин — будущий известный литератор. Так его, вообще, чуть кондрашка не хватила: «За Нарвой, где начинается эстонское народонаселение, т.е. в стране, населенной чухнами, положение наше де-

лалось еще несноснее. В том отделе, где топится печь, живет зимой семья. А на гумне, где хлеб молотят, помещается домашний скот. Трубы нет, окно в ладонь величиною. Густой дым наполняет жилье, и чтоб избавиться от него, надобно садиться на пол, между грязными ребятишками, поросятами и телятами. Смерд нестерпимый и на немощем полу грязь, как во дворе...»

Сколько ни было попыток, чтобы заставить чухон жить в светлых домах, с трубами и окнами — все напрасно! Граф Шереметьев выстроил на свой счет чистые и светлые дома для крестьян близ Дерпта, но крестьяне только на лето переходят в эти дома, а зимою живут в своих ригах, утверждая, что в дыме и вместе со скотом жить здоровее! А ведь Дерпт — это нынешний Тарту — известный университетский город! Вот какая дикость совсем недавно в его окрестностях процветала!

В общем, по меркам XVII столетия катался украинский крестьянин почти, как сыр в масле. А восстание Богдана Хмельницкого вообще началось на экономическом подъеме!

Ему предшествовали десять лет «золотого покоя» — периода, когда не было бунтов, а сельскохозяйственное производство постоянно росло.

Вопрос встал, кому делить это добро: польской шляхте или казакам. Знаете, что было толчком народного недовольства в славном 1648 году? Откроем «Летопись Самовидца», написанную тогда. Главных причин она называет две — то, что польские полковники реестровых казаков заставляли работать на себя, а правительство запрещало им заниматься самогонарением: «неvolно козакови в дому своем жадного напитку на потребу свою держати» — не только водку, но даже брагу.

Представьте, какой это был замечательный свободолюбивый народ! По нынешним меркам это выглядело бы так, как если бы солдаты перебили генералов, заставляющих их строить задарма дачи, а самогонщики пооткрывали головы ментам, не дающим производить нелегальную водку.

Шок. Казаки не могли представить, что им будут мешать охотиться

Продолжение читайте
в следующую субботу

субботные истории для взрослых от Олеси Бузины

Торжество мифотворчества ■ Скоро в Украине начнут праздновать очередной исторический юбилей — 360-летие восстания Богдана Хмельницкого. Президент даже дал указание Кабмину хорошенько подготовить торжество. Но до сих пор остаются загадкой подлинные обстоятельства, предшествовавшие так называемой «национально-освободительной войне украинского народа»

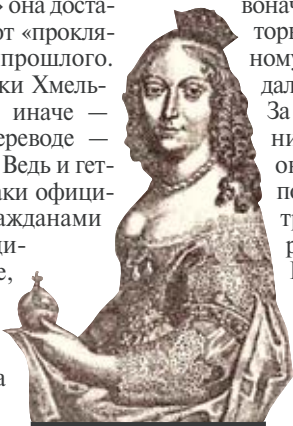
Поднимая восстание, Богдан Хмельницкий всего лишь собирался повоевать за «доброе» короля против «плохих» олигархов

Король заметил Богдана давно. Еще за войны с Россией под Смоленском в 1632 году Владислав IV наградил сотника Хмельницкого саблей

ХМЕЛЬНИТЧИНА ПО ПРИКАЗУ КОРОЛЯ

Тут самое время задуматься: можно ли вообще доверять истории? С детства вроде бы известный сюжет. А, тем не менее, одни вопросы. Начнем с того, что саму формулу «национально-освободительная война» придумали только в XX веке уже советские специалисты по толкованию событий прошлого. Нынешним украинским «науковцям» она досталась по наследству — от «проклятого» советского прошлого. Польские современники Хмельницкого называли ее иначе — «война домовая» (в переводе — «гражданская война»). Ведь и гетман Богдан, и его казаки официально числились гражданами Польши. Они находились у нее на службе, получали жалование, а сражались с ней не за собственное отдельное государство, а лишь за расширение своих гражданских прав! Причем в поход против польской шляхты казаки выступили под польским же знаменем — красным с белым орлом. Стыг

Королева Мария
одолжила мужу
на войну
под 7% годовых

этот запорожцы очень ценили. Ведь он был пожалован им самим королем — Владиславом IV. Все самые крупные победы в украинской истории — Желтые воды, Корсунь и Пилявцы — одержаны именно под этим флагом, цвета которого совпадают даже с современным польским знаменем — тоже бело-красным!

Но самое интересное, что первоначальный толчок, который привел в народному взрыву в Украине, дала далекая Венеция! За три года до восстания Хмельницкого она потеряла крепость Кандию на острове Крит, отобранную турками. В украинских школах это событие не изучают: мол, где тот Крит, где та Венеция и какое, вообще, это имеет к нам отношение? Но все в природе взаимосвязано — венецианцы и в XVII веке смотрели на вещи куда шире, чем наши хуторя-

не. А потому, проиграв туркам войну, отправили в Варшаву посла из одного из самых известных своих родов — Тьеполо — подбивать поляков на войну с султаном.

Вот как описывает этот геополитический проект историк Николай Костомаров: «Венецианский сенат хотел организовать европейскую войну с Турцией и послал Тьеполо убедить Польшу пристать к военному союзу: Венеция будет воевать на Средизем-

ном море, папа даст со своей стороны для этого денег, помогут также итальянские князья, а Польша в союзе с Московским государством нападет на Турцию с севера и пустит запорожских казаков на море».

Так как запорожцы ничего не делали без денег, то Тьеполо советовал королю ассигновать им 30 тысяч реалов «на постройку чаек».

Владислав IV с радостью ухватился за этот план. Он был храб-

рым человеком, вся молодость которого прошла в бесконечных войнах. В 1617 г. Владислав вместе с Сагайдачным осаждал Москву. В 1621-м — воевал с турками под Хотинем. В 1632-м — отбил уже попытку москвитов отобрать у Польши Смоленск. Поляки тогда заставили капитулировать русских, а король впервые обратил внимание на казачьего сотника Хмельницкого, пожаловав ему за эту битву саблю.

ВЛАДИСЛАВ IV ЗАДУМАЛ ПРОВОКАЦИЮ НА ГРАНИЦЕ

■ Но со времен Смоленской войны Владислав IV тосковал без настоящего дела. Никто не нападал на Польшу. А сами поляки тоже ни на кого не хотели нападать — жить в стране было весело, экспортная торговля с западом сельскохозяйственной продукцией росла. Пока в Европе шла Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), и все

дрались со всеми, Польша продавала воюющим сторонам хлеб и богатела. Татары ей тоже особенно не докучали. К миру с Крымским ханством и Турцией потихоньку начинали привыкать, пожиная его плоды. Но король был талантливым провокатором! Он не хотел уйти в мир иной без славы великого победителя му-

сульман. Кроме того, он видел все слабости шляхетской республики. Внешне она процветала. Но внутри уже назревал кризис. Везде в Европе — и во Франции, и в Германии, и в Швеции — усиливалась центральная власть. А в Польше лучше становилось только тогдашним олигархам — магнатам. Подумать только,

князь Вишневецкий при необходимости мог выставить 6-тысячное войско. А в регулярной польской армии числилось только 4 тысячи человек, не считая казаков. Владислава это очень обижало. Он хотел выиграть войну, а потом изменить существующий в Польше строй и ввести вместо выборности королей их наследственное правление.

«ОРГАНИЗОВАТЬ ФИКТИВНОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ КАЗАКОВ»...

■ Уже после восстания Хмельницкого и страшных разрушений, нанесенных им, из Речи Посполитой во Францию сбежал приближенный к Владиславу IV шляхтич Радзеевский. Он поведал, что первоначальный тайный замысел короля предполагал «организовать фиктивное возмущение казаков против польской власти и побудить их искать поддержку в Турции, чтобы потом отправить экспедицию для их укрощения. Так появлялся благородный предлог к столкновению с Турцией, и поляки вынуждены бы волею-неволей воевать против турок». Этот план, пишет Костомаров, «король открыл только четырём панам, в числе которых был Радзеевский, и последний ездил сговариваться об этом с казацкими старшинами, хорошо зная уже давно одного из них, с которым когда-то путешествовал. Хотя он по имени не назван, но по всему ясно видно, что разумелся никто иной, как Богдан Хмельницкий».

Скорее всего, догадка Костомарова истинна. На тот момент Хмельницкий считался одним из самых известных специалистов по вербовке казаков для иностранных армий. Именно Богдан помог сформировать и отправить во Францию контингент казаков, которые участвовали в осаде порта Дюнкерк. Добровольцев для подобных экспедиций было хоть отбавляй. Официально Польша могла содержать на службе только шесть реестровых казацких полков, по тысяче человек в каждом. Названия этих полков хорошо известны историкам — Черкасский, Чигиринский, Корсуньский, Переяславский, Каневский и Белоцерковский. Названные по пограничным с Диким Полем городам, они несли сторожевую службу и получали за это коронное жалование. Один из полков по очереди стоял гарнизоном на Запорожской Сечи, чтобы

«Чвары». Завязав пограничный конфликт, казаки должны были травить Польшу с Турцией

не позволять там собираться казакам-гулятьям и затевать бунт против Польши или морской поход на Черное море. Но у каждого реестровца подрастало по несколько сыновей. Только один из них мог унаследовать место отца. А куда было

деваться остальным? Король пообещал увеличить реестр, а обрадованные казаки готовы были стать движущей силой его честолюбивых замыслов. Но сразу же открылось множество других препятствий. Простодушных запо-

рожцев легко было увлечь на рискованное предприятие. Но с венецианцами начался настоящий торг. Владислав IV требовал, чтобы эта богатая итальянская республика оплатила войну, так как она больше всех была в ней заинтересована. Посвященный в планы короля польский канцлер Оссолинский говорил в конце 1645 года венецианскому послу Тьеполо: «Король без соизволения сейма не может начать наступательной войны, а сейм никогда на нее не согласится. Невозможно готовиться к войне с Турцией так, чтобы об этом не узнали во всей Польше, а как только узнают, тотчас же поднимут шум и приостановят дело. С татарами же нам вести войну можно; война эта будет иметь вид оборонительной. Но татарская война повлечет за собой непременно войну с Турцией. Турки должны будут помогать татарам, вышлют свои суда в Черное море, и таким образом мы вступим в войну с Турцией, не навлекая на себя укоров в нарушении мира. Король приложит все старание, чтобы употребить в дело казаков, только для этого необходимы средства: пусть Венеция и другие союзники дадут нам по 500 тысяч скуди на год в течение двух лет». Венецианцы скупились и требовали ударить немедленно по самой Турции, не впутываясь в хитрые комбинации. Получив новые инструкции от своего правительства, Тьеполо заявил: «Если дело идет об обороне Польши от татар, то все, что даст Венеция, будет не более как заем; если же вы намерены пустить казаков на Турцию и тем разорвать неприятельские силы, наша республика обязана будет давать не заем, а помощь. Мы узнали, что турки строят на Черном море галеры; надо послать казаков сжечь их».

СДЕЛКА НА ДВА МИЛЛИОНА СОРВАЛАСЬ ИЗ-ЗА БЕЗМЕРНОЙ ШЛЯХЕТСКОЙ ЗАВИСТИ

■ Договаривающиеся стороны как истинные европейцы никак не могли сойтись в цене, за которую должны были нагривать запорожцев на своего общего врага. В конце концов, не выдержали нервы у заводного Владислава IV — уж очень ему хотелось повоевать!

Венеция все-таки пообещала ему платить два года по целых 600 тысяч скуди и еще сверх того полмиллиона талеров ежегодно. Но пока шли эти дотации, король взял заем у собственной супруги под 7 процентов годовых! Незадолго до этого он умудрился жениться, как сказали бы мы сейчас, «по объявлению», на французской принцессе Марии де Гонзаг. Владислав перебрал присланные портреты целого выводка европейских невест из благородных фамилий. Больше всего ему понравилась Мария. Девушка оказалась темпераментная в постели да еще и с деньгами! Пятидесятилетний король, страдавший подагрой и болезнью печени, которые приобрел от бурной военной молодости, почувствовал необыкновенный прилив энергии. Вербовка армии пошла полным ходом.

В те времена войну готовили примерно так же, как сегодня избирательную кампанию. Больших постоянных армий не держали. Когда приходила нужда, политический деятель при деньгах призывал пару десятков безработных полковников (понынешнему — «политтехнологов») и раздавал им по мешку та-

В славянском духе. Хотели как лучше, а вышло как всегда...

леров. Каждый из полковников тут же давал знак десятку лично знакомых ему капитанов — «пиарщиков». Те получали деньги и вскоре являлись на службу уже вместе с ротами из готовых на все наемников — как сказали бы сегодня, «агитаторов». Ничего странного, что воевали такие профессиональные армии десятилетиями. Ведь это была их работа! Они старались растянуть ее чуть ли не до бесконеч-

ности, максимально щадя врага и экономически высасывая работодателя.

Вскоре такая армия, набранная в основном из доблестных, но голодных немцев, появилась и у Владислава. Стражи польской демократии просто не могли ее не обнаружить, так как она разлеглась на зимних квартирах в самой Польше и занялась воровством поросят у окрестных помещиков.

ЛИШЬ БОГДАН НЕ ИСПУГАЛСЯ УДАРИТЬ ЗА ДОБРОГО КОРОЛЯ

■ Шляхта возмутилась: король втягивает нас в войну с султаном, а его солдаты уже сегодня грабят нас хуже турок! Не позволим! Но король, посоветовавшись с астрологами, замечавшими тогда ЦРУ, ФСБ и СБУ вместе взятые, уверял всех, что звезды предсказывают скорое падение Турецкой державы. «Моя судьба влечет меня!» — только и твердил он.

Но высший законодательный орган — сейм — решил иначе. 3 декабря 1646 года он вынес постановление. Королу чужеземного войска не собирать, казаков в море не допускать, мир с Турцией и Крымом сохранять, гвардию уменьшить до 1200 человек, а в союзы с иностранными государствами без воли всей Речи Посполитой не вступать.

Это был полный крах плана Владислава. И только один Богдан Хмельницкий продолжал упорно выполнять его. Непосвященных удивляет, откуда у простого сотника взялось в это время столько энергии? Он ездил в Крым договариваться с ханом о поддержке бунта, вербует сторонников, показывая им королевскую привилегию на увеличение реестра, легко находит единомышленников среди казачьей старшины. С одной стороны, именно в это время его жестоко обидел коронный хо-

рунжий Конецпольский, отобрав хутор Субботов. Но кроме личной обиды, придающей сил, чувствуется еще и надежда на высокое покровительство в самой Варшаве. Богдан знал: то, что он делает, выгодно королю. Король это не забудет.

Весной 1648 года казаки Хмельницкого вылезли с Запорожья под польским знаменем с лозунгом: за доброго короля, но против злых магнатов! И надо же было так случиться, что после первых побед над армией гетмана Потоцкого — одного из

**План мертвого
Владислава IV
зажил
собственной
жизнью**

тех, кто похоронил план похода на Турцию, — в казачьем лагере было получено известие о неожиданной смерти Владислава IV. Запущенный мертвым королем план, завертелся

далее, набирая обороты. Тот, кто его придумал, уже не смог пожать его плоды, словно демонстрируя неизменный исторический закон — ни один государственный замысел нельзя воплотить до конца.

Бывшему же казачьему сотнику совершенно неожиданно для самого себя пришлось, в конце концов, стать памятником в Киеве, на котором до революции красовалась надпись: «Богдану Хмельницкому единая и неделимая Россия». Вышло то, чего никто не ожидал.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

РУССКИЙ КИЕВ В ДНИ ТУРБИНЫХ

Парадокс ■ Гражданская война в Киеве оставила только один великий роман — «Белую гвардию». И роман этот русский! Что не удивительно. Ведь до революции Киев действительно был русским городом

Первые настоящие проблемы с товарами Украина почувствовала уже в 1917 году — сразу же после Февральской революции. Еще не выскочил Ленин на броневичок, еще не запрыгали по улицам петлюровцы со штыками, а в провинции уже исчезли чай и керосин. «Плохая» царская власть успела так приучить народ зажигать по вечерам керосиновую лампу и попить под ее уютным светом привозной китайский чаек. Сразу же со «свободой» эта скромная житейская радость улетучилась.

Хутор матери киевского писателя Константина Паустовского находился совсем недалеко от Киева — в Чернобыльском уезде. Навестив эти места весной 1917-го, он вспоминал, как в гости к ним зашел полугодный монах из лесного скита и попросил обменять «для братии» сушеные грибы на соль. Мать отсыпала монашку четверть мешка соли и напоила его чаем: «Он сидел за столом, не снимая скуфейки, пил чай в прикуску с постным сахаром, и мелкие слезы изредка стекали по его желтым, как церковный воск, щекам. Он тщательно вытирал их рукавом рясы и говорил: «Сподобил Господь еще раз перед кончиной попить чайку с сахарком. Истинно пожалел меня Господь, снизошел к моему прозябанию».

Впрочем, если честно, то первые признаки наступающих железных времен киевляне чувствовали еще до революции — с началом мировой войны. Как

Друзья. Фельдмаршал Эйхгорн и гетман Скоропадский. Лето 1918-го

роковую веку вспоминали мемуаристы введение сухого закона, исчезновение кондитерских изделий и появление очередей. «В 1915 году дала о себе знать проблема хлеба, — вспоминал киевский мемуарист Григорий Григорьев. — Вышел приказ — запретить выпечку и продажу тортов и пирожных в пределах города Киева. С такой неприятностью любители сладкого как-то примирились, за пределами города приказ силы не имел. Демеевка не входила в состав города, и там можно было получить какие угодно пирожные, конечно, за немного повышенную цену. Для этого нужно было только съездить трамваем на Демеевку».

Демеевка — это район нынешней Московской площади. Теперь тут автовокзал и библи-

отека им. Вернадского. И никто даже не помнит, что меньше столетия назад она неожиданно оказалась самым «сладким» киевским предместьем. Именно с этого кондитерского кризиса и маленьких цехов, находившихся тут, началась киевская кондитерская фабрика им. Карла Маркса, придумавшая знаменитый «Киевский торт», в основе которого типичные рецепты наших прабабушек — безе с орехами и густой масляный крем.

Но во время смены общественно-экономических формаций киевлянам было не до крема, и даже не до хлеба. Зрелища вытеснили все. Вид валяющихся прямо на улице человеческих трупов, вышибленных мозгов и брошенного оружия не шел ни в какое сравнение с каким-нибудь жалким эклером на тарелочке.

КАК ПРОДАЛИ УКРАИНУ «ЗА БУТЫЛКУ ШНАПСА»

■ Запомнилось киевлянам бегство разбитого красными воинства Центральной Рады в начале 1918 года. Это сейчас официальные украинские власти любят миф о Крутах. А тогда все выглядело куда прозаичнее. В февральский день, когда армия «батка Грушевского» драпанула из Киева, киевляне неожиданно обнаружили, что общественные туалеты в центре города забиты брошенными винтовками.

Этот феномен объяснялся просто — храбрые казаки Рады стеснялись расставаться с оружием на глазах товарищей. А тут заскочил в уборную — прислонил ружье к стенке и выбежал на свет божий облегченным во всех смыслах. Большая часть этих «героев» так и растворилась в большом городе. Красные поразили Киев двумя взаимноисключающими, на первый взгляд, особенностями — душегуб-

ством и любовью к просвещению. Они устроили террор в аристократическом квартале Липок, расстреливая всех с дореволюционными рожами, и отменили плату за посещение театров. Проблема была только с электричеством — из-за отсутствия топлива не работала городская электростанция. Но в Киевском оперном был автономный электрогенератор — его врубили и погнали народ с заво-

дов слушать «Тоску» итальянского композитора Пуччини. Работяги сидели, выпучив от непонимания глаза, и заплывали зрительный зал семечками. С хлебом по-прежнему были проблемы, о пирожных боялись даже вспоминать. Зато из Москвы по железной дороге эшелонами пошли брошюры Ленина и тоненькие книжонки под названием «Политграмота». Их раздавали по библиотекам

«на шару». Кончилось это чудо быстро — как только Рада договорилась с немцами и призвала их протекторат над Украиной. В это же время отменили сухой закон. В продаже снова появились спиртные напитки. А так как восхождение алкоголя и вступление германских оккупационных войск в Киев совпали, то в ход пошла шутка: «Продали Украину за бутылку шнапса!»

Наркошик. Дамский перстень начала XX века с откидным зеркальцем для нюхания кокаина — обратите внимание на сохранившиеся следы от кокаиновой дорожки

ФЕЛЬДМАРШАЛ ЭЙХГОРН: «МЫ СДЕЛАЕМ ВАМ ВТОРОЙ ПАРИЖ!»

■ Немцев 1918 года местные жители вспоминали с невероятной душевной теплотой. Командовавший ими 66-летний фельдмаршал Эйхгорн — добряк и симпатяга — увидев, в какую помойку превратила революция «мать городов русских», а по совместительству столицу «незалежной Украины», сразу же заявил: «Мы сделаем из Киева второй Париж!»

Превращение началось с вокзала. Уже упомянутый мемуарист Григорьев, отец которого работал железнодорожником, вспоминал, как это было: «Товарищ отца вечером рассказал, что немецкий офицер, увидев мусор в зале ожидания, дал приказ всех пассажиров высечь розгами. Приказ был выполнен. Дальше пассажиров заставили убрать зал и пойти чистить пути. Немецкая «культура» начала действовать».

Учитывая, что приличная публика в это лихое время старалась отсиживаться дома, легко догадаться, что «пассажиры», выпоротые немцами, были, скорее всего, тем потным и грязным элементом с мешками на плечах, который до сих пор встречается на наших вокзалах. Порка только пошла ему на пользу! Нынешних мешочников тоже было бы неплохо приучать подобным образом к основам гигиены.

Уставшие от войны сентиментальные Гансы охотно играли в скверах с киевскими детьми. Но их начальство крайне раздражали нищие, расплодившиеся в городе за время войны, как тараканы. Немцы провели на них облаву по всем

правилам охотничьего искусства, а потом погрузили в вагоны и вывезли за пределы Киева. Вся операция заняла два дня.

Еще за неделю оккупанты покончили с криминальными элементами. Пойманных карманников и домушников расстреляли на склонах Царского сада. Все желающие местные жители могли полюбоваться на эту поучительную картину — еще накануне их приглашали на экзекуцию специально расклеенные афиши.

Покончив с попрошайками и уголовниками, доблестная германская армия обнаружила, что Центральная Рада во главе с Грушевским тоже мало от них отличается, и, продолжая наводить поря-

офицерами. Работали все театры, кинематографы и даже конские бега. По вечерам для гурманов предлагали специальные сеансы «фильмов для взрослых» — по-нынешнему, порнографию. На Бессарабском рынке можно было, как и сегодня, купить наркотики (пол-Киева сидело на кокаине!) и даже десятилетнюю проститутку. Хочешь — одну, а можно — сразу парочку. Фельдмаршал Эйхгорн сдержал слово — на полгода Киев действительно стал «вторым Парижем».

Но тут в Германии произошла революция, немцы уехали домой, а в город ввалились орды Симона Петлюры. «Второй Париж», вспоминает Григорьев, — потерял весь свой лоск, дворники равнодушно посматривали на кучи мусора, убирая, когда придет охота». Но антисанитария не беспокоила желто-голубую власть. Вместо того, чтобы чистить улицы, Петлюра взялся менять русские вывески на магазинах на украинские. Власть его хватило ровно настолько, чтобы воплотить в жизнь этот проект — ровно через шесть недель в январе 1919-го в Киеве уже были красные — дивизия Щорса.

док, разогнала и ее. Вместо Грушевского оккупанты посадили на украинский «престол» гетмана Скоропадского. Для Киева начались поистине веселые деньки — пир во время чумы. Киевские красавицы всю флиртовали с немецкими и гетманскими

Несмотря на оккупацию, в Киеве мирно ужились немцы, гетманцы и русские офицеры

КРАСНЫЕ УСТРОИЛИ ЖИЗНЬ, КАК В КИНО

■ Известный по фильму Довженко эпизод, когда Щорс с Боженко собрали всю буржуазию города в театре, навели на нее пулемет и потребовали выкуп, не выдумка. Так и было. Богатых горожан вычислили по спискам банковских вкладчиков. Активов в банках уже давно не было. Золотой запас последовательно растащили Центральная Рада, гетман и Петлюра. Наличные деньги выдавались вкладчикам ограниченными суммами. Но те

упорно старались снять со счетов все, что можно. Больше всего ценились дореволюционные «катеринки» — сторублевые купюры с изображением Екатерины II и «петровки» — 500 рублей с ликом императора Петра I. Деньги Петлюры презрительно именовали «лопатками» за то, что на них был изображен уса-тый крестьянин с этим сельскохозяйственным инструментом. Но к приходу красных финансовая система была уже в пол-

ном упадке. Все, что можно, и народ, и элита переехали в золото и глубоко спрятали. Тем не менее, пулемет Щорса, как помпа, выкачал из нее последние капли — спасая свои жизни, киевские буржуа пожертвовали припрятанную наличку на нужды революции. К этому времени в городе на полную силу свирепствовал продовольственный кризис. Он начался уже при Петлюре. Петлюровцы, многие из которых, как говорится, сами были «от

сохи», ненавидели все городское и считали, что организовывать регулярные поставки в не любивший их Киев не нужно — голодные киевляне сами поедут в село, если не хотят помереть с голоду. В окрестные села, по словам очевидцев, потянулись подводы, нагруженные дорогими трюмо, шкафами и даже роялями. Все это за бесценно уходило в обмен на сало и картошку. Настали золотые деньки для украинского кулачества.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ЗОЛОТОГО ЗАКАТА

► Как избавительницу в Киеве ждали только одну армию — белогвардейцев Деникина. Для большинства киевлян только она была «своей». Но так вышло, что в августе 19-го освобождать Киев от красных одновременно пришли петлюровцы со стороны вокзала и белогвардейцы — по мостам с левого берега Днепра. Две армии столкнулись на нынешнем Майдане Незалежности, называвшемся тогда Думской площадью. Психологическая поддержка была явно на стороне белых. Весь дореволюционный Киев вышел на улицы. Замелькали припрятанные в шкафах цилиндры, котелки и чиновничьи фуражки с круглыми кокардами. Дамы держали роскошные букеты для господ офицеров. А над всем этим великолепием носился позабытый аромат дорогих духов «Коти» — их флакончики, несмотря ни на что, киевлянки спасли от красных, имевших привычку употреблять парфюмерию вместо водки. Но первыми поцепить свой флаг на здание Думы успели все-таки петлюровцы. Завязались переговоры — белые настаивали, чтобы рядом был русский триколор. Мемуаристы описывают этот спор по-разному. Но самое колоритное воспоминание оставил все тот же Григорьев. Одна из вышедших на площадь дам в нарядной шляпе неожиданно «наехала» на петлюровского хорунжего: «Господин офицер! Почему вы не хотите, чтобы наш флаг был рядом? Мы ничего не имеем против вашего, но пусть и наш... Мы тоже победили». И тут хорунжий послал ее на три буквы «чисто русскими словами» и «так заехал ей по затылку, что полетела в сторону сначала шляпа, а потом и ее обладательница». Оскорбление дамы белые не простили. Белогвардейский полковник, споривший за знамя, пишет Григорьев, «мигом обернулся и отдал команду. Его конница бросилась в обратную сторону и быстро исчезла. Я, можно сказать, замер от удивления и удовольствия — такие вещи не часто встречаются в моем жизненном календаре... Буквально через три

1920-й — последний год с белыми...

минуты со стороны Печерска послышался пушечный выстрел. Снаряд попал в здание Думы»... Несговорчивые петлюровцы в панике бросились бежать не только с площади, но и из города: «Трехцветный флаг весело трепетал вблизи от архангела Михаила, — дождался таки своей очереди». Пятимесячное пребывание белых оказалось последними закатными днями русского Киева. В отличие от хулиганской петлюровской и кровавой красной, это была наиболее интеллигентная власть, если такое определение вообще применимо к реалиям гражданской войны. Она не устраивала репрессий. Современники вспоминают, что попасть в контрразведку белых было совсем не то, что в лапы чекистов. Белые старались разобраться, виноват ли перед ними человек, и охотно выпускали арестованных по ложным доносам. Зато именно в это время газета «Киевлянин» опубликовала списки расстрелянных ЧК перед бегством членов Клуба русских националистов. Почти половину из них составляли, как ни странно, типично «украинские» фамилии — Приступа, Бобырь, Гомоляка, Слинко. Эти люди искренне чувствовали себя русскими, за что и были убиты интернационалистами-большевиками. Вооруженные силы юга России, как официально называлась армия генерала Деникина, оставили Киев с 5 на 6 февраля 1920 года. Они проиграли красным битву за Москву и были вынуждены отступить. Коммунисты снова вернулись в Киев. Жестокая для националистов ирония состоит в том, что власть белых в годы гражданской войны продержалась в Киеве в три раза дольше, чем петлюровская, а каждый второй солдат белых на 1920 год был родом с украинской земли! Это и показывает, кого, на самом деле, поддерживала Украина в гражданской войне.

субботние истории для взрослых от Олеся Бузины

КОНОТОП — ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА

Обокрали хана! ■

Страна собирается отмечать «победу казаков», которую одержали татары

Почему так зашевелились наши власти с празднованием мифического Конотопского сражения — ясно. В следующем году — 300-летие Полтавской битвы, которую на съезде в Северодонецке депутаты-антиющенкоовцы решили отметить как русско-украинскую победу над изменником Мазепой и примкнувшим к нему Карлом XII.

В ответ Виктор Андреевич, чувствуя, что у него вырывают инициативу, задумал поднять на щит Конотоп. Благо, этой драчке в следующем году тоже юбилей — 350-я годовщина. К тому же за оба события можно «квасить» одновременно. Раскрученная победа Петра I приходится на 8 июля 1709 года по новому стилю, а малоизвестная кавалерийская стычка под Конотопом — на тот же день только 1659-го! Для алкоголиков, конечно, расстройство — два повода выпить съездают друг друга. А с точки зрения пиарщиков — наоборот, очень выгодно. Можно телероликами об одном событии «глушить» другое.

Битвы политиков за историю продолжают. Мне же хочется просто разобраться, что в действительности произошло под Конотопом и кто там кого «победил»?

ЛЖЕГЕТМАН. Нынешний украинский учебник для 8-го класса о Конотопе гласит следующее: «Наприкінці березня 1659 р. понад 100-тисячна російська армія на чолі з князем О. Трубецьким рушила на Україну. 20 квітня її було зупинено під Конотопом... Майже два місяці козаки тримали облогу. Виговський протягом цього часу готувався до вирішального бою. Гетьман домовився з кримським ханом про допомогу

Мифическая атака. На самом деле в Конотопском сражении ее провело не войско Виговского, а татары

Молдавские наемники. Тоже служили у «победителя» под Конотопом

40-тысячной орды і загалом мав близько 60 тис. вояків. Незабаром союзницьке військо виступило на допомогу обложеному».

Итак, даже из того куцевого материала становится ясно, что под Конотоп пришла 20-тысячная армия гетмана Виговского и вдвое больше татар! Следовательно, они и были главной действующей силой события. И вряд ли можно сказать, что это гетман «имел» все это воинство. Точнее, оно его «имело». Ведь во главе татар стоял лично крымский хан Мухаммед-Гирей III. Юридически он считался легитимно признанным главой независимой страны — полноправным монархическим правителем Крымского ханства. Что же касается Виговского, то он под Конотоп явился не понятно в каком статусе. Сам себя называл «гетманом». Но на должность эту его никто не выбирал. И даже большая часть Украины не признавала власть самозванца, ориентируясь на мос-

ковского царя. Странно было бы, чтобы хан находился в подчинении у этого авантюриста. Скорее, уж Виговский шел под Конотоп на подхвате у хана.

«ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН». Что же касается состава лично его «армии», то и в ней, вряд ли, украинцы были в большинстве. Откроем сверхнационалистическую, изданную во Львове в довоенном 1936 году «Історію українського війська» Ивана Крипьякевича. Вот что в ней можно прочесть о так называемых вооруженных силах «победителя» под Конотопом: «Реестрове військо у своїй масі не піддавалося гетьманській кермі, тимто Виговський залюбки користувався найманими військовими відділами. Під його прапорами служили серби, волохи, німці, а то й поляки. Вони жили на гетьманському утриманні, мали своїх окремих полковників і іншу старшину й були залежні тільки від гетьмана. Вони творили часом гетьманську прибічну гвардію, то знову їх висилали на небезпечні позиції, де гетьман не дуже міг покластися на козацькі війська».

С сербами, немцами и поляками — все ясно. Последних наш лжегетман получил, перебежав на сторону Польши. Немцы и сербы — обычные наемники. Представители двух этих народов в XVII веке охотно соглашались служить

Историк Крипьякевич:

«Под флагами

Виговского служили

сербы, волохи,

немцы»...

тому, кто больше заплатит. А волохам в те времена на Украине называли молдаван. Получается, что на Конотопское сражение Виговский вышел в качестве командира вспомогательного корпуса татарской армии, набранной на скорую руку из солдат удач немецкого, сербского и молдавского происхождения. Говоря по современному, он привел туда «иностранный легион».

Как же этот сомнительный тип попал в «герои» украинской псевдоистории, которую впаривают сегодня всем нам?

ВЫГОВСКИЙ СМЕНИЛ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ И ПОХИТИЛ НЕВЕСТУ

■ По происхождению Иван Виговский был киевлянином в первом поколении. В этом городе поселился его отец Остап, выходец из шляхетского рода, имевшего тот же герб, что и Богдан Хмельницкий — Абданк. Виговские были связаны с Киевом и Волынью. Точная дата рождения Ивана Остаповича — не известна. Первое упоминание о нем в документах датируется 1631 годом. Через два года он устроился на работу наместником Луцкого подстаросты, а потом стал киевским городским писарем. Службу эту его заставили покинуть, как говорили, из-за каких-то

скандальных правонарушений. Накануне освободительной войны Хмельницкого против Польши Виговский вынужден был оставить теплое место чиновника и завербоваться в польскую армию. В сражении под Желтыми Водами он попал в плен к татарам, у которых его выкупил сам Хмельницкий, как пишет историк Иосиф Ролле, «за старую кобылу». По-видимому, гетман Богдан знал бойкого авантюриста еще по довоенному времени. Он нуждался в грамотных людях, невзирая на их репутацию, и вскоре провел Виговского в войско-

Украл булаву с помощью чернил

Свою жену Иван Остапович украл у родителей. Она происходила из шляхетского сепаратистского рода Стеткевичей, бывших в родстве с князьями Четвертинскими, Сангушками, Огинскими и целой кучей других громких польских фамилий. Отдавать барышню за какого-то писаря-полубандита Войска Запорожского Стеткевичи не желали, хотя и засиделась в девках, достигнув почти тридцати лет. Но незрелой девице так хотелось замуж, что она сбежала из дому и обвенчалась в Киеве со своим колоритным суженым, находив-

шимся в сложных отношениях с законом. Впоследствии родня Виговского по линии жены примирилась с ним и немало поспособствовала пропольской ориентации этого деятеля. Еще одной брачной аферой Виговского стало устройство судьбы его младшего брата Даниила. Этого хлопца будущий «победитель» при Конотопе сумел женить на любимой дочери Хмельницкого Екатерине. Коррупция и кумовство в украинской элите процветали уже тогда. Вскоре удачно женившийся Даниил получил под команду целый полк.

НА КРАДЕННЫЕ СОКРОВИЩА НАВЕРБОВАЛ АРМИЮ

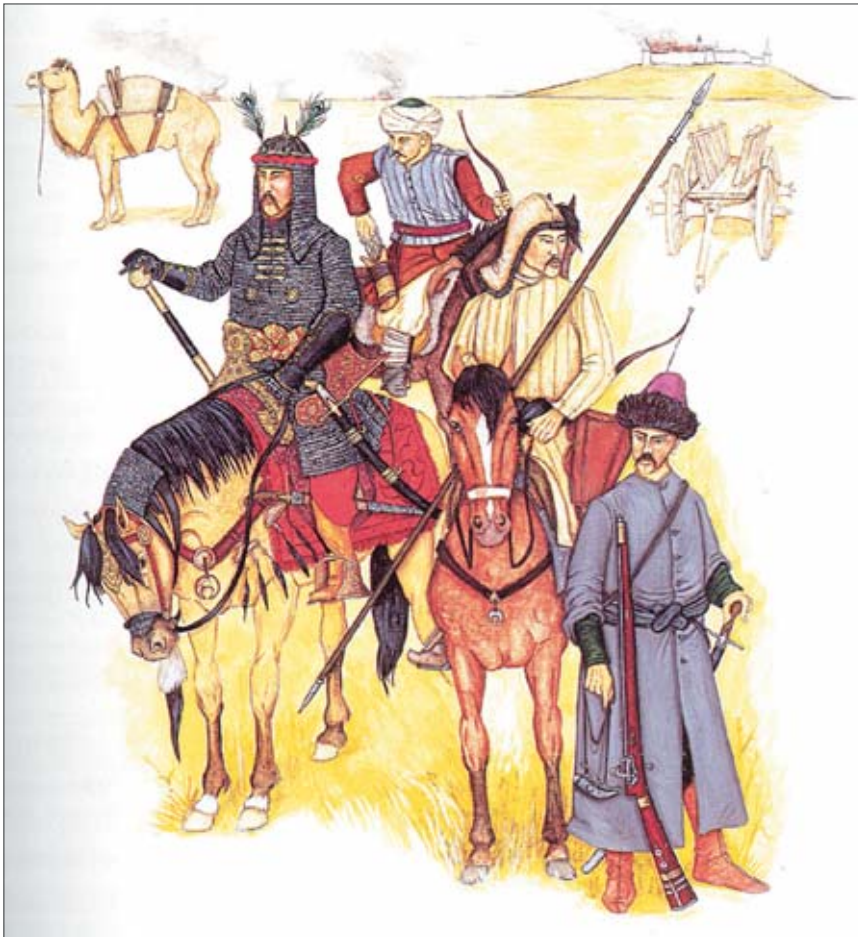
■ В 1657 году умер Богдан Хмельницкий. В живых из его сыновей на этот момент оставался только несовершеннолетний Юрась. Казаки, из уважения к покойному гетману, очень хотели, чтобы именно в его роду осталась булава. На раде в Субботове собравшийся народ стал кричать, чтобы «сын Хмельницкого остался гетманом». Но по причине недееспособности нового политического вожака возник вопрос, кому временно передать реальную власть?

Тут пригодились крючкотворские таланты писаря Выговского. Недаром до войны протирал он штаны в киевской администрации. Он нашел хитрую юридическую лазейку — упростило войско дать ему право подписываться под документами «На той час гетман Войска Запорожского» — то есть, временно исполняющий обязанности. И избиратели, пишет «Летопись Самовидца», позволили ему это, «яко простые люди». Выговский должен был как бы одалживать гетманские права у малолетнего Юрася на момент подписания бумаг. Но так получилось, что «временная» булава вместе с правом подписи прилипла к его рукам.

Имеется старинный портрет Выговского, на котором он выглядит сущим проходимцем: хитрый взгляд, лихо закрученные тараканы усы, отороченная мехом разбойничья шапка. На столике перед ним — чернильница, символически намекающая на источник карьеры изображенного. А булаву портретируемый держит так, словно украл. И на лице написано: отберут или еще подержу?

На все хлебные места временно исполняющий обязанности гетмана рассадил своих родственников. Второй его брат Константин, вслед за первым, получил под свое управление полк. Двоюродный брат Юрий — тоже полк. Многочисленные племянники Илья, Самуил и прочие оказались в придворной охране. Даже престарелый папа Выговского — Остап — перебрался в гетманскую столицу Чигирин, чтобы быть поближе к сыну.

Распределение должностей вызвало бешеное неудовольствие отстраненных от власти родственников покойного Богдана. «Хмельницкий оставил значительные сокровища, спрятанные в разных местах, — пишет в опубликованной в 1894 году в «Киевской старине» статье Иосиф Ролле. — Только Выговский знал тайну, и, когда получил власть, сразу же использовал на потребности края миллион талеров, припрятанных в подземелье Гадячского дворца, что возмутило наследников Богдана, особенно Юрия, который считал эти средства собственностью своей семьи».

Ханская армия. В XVII веке в ней было все — даже пехота на подобие стрельцов

Русские дворяне. Так их изобразил голландский художник на карте XVII в.

КАКАЯ ЖЕ ЭТО ПОБЕДА, ЕСЛИ ПОБЕДИТЕЛЬ СБЕЖАЛ?

■ Результаты этой «великой победы» были более, чем скромными. Ромодановский снял блокаду с Конотопа, но ни татары, ни Выговский не осмелились его преследовать. Разнесся слух, будто хан двинется в набег на Москву. Но все закончилось только сплетнями.

По-видимому, войско Ромодановского сохранило полную боеспособность, а эффект внезапности, способствовавший первоначальному успеху хана, был утрачен. К тому же, татары понесли настолько серьезные потери, что не желали дальше воевать — разозленный сопротивлением русских Мухаммед-Гирей в припадке ярости приказал отрубить голову пленному воеводе Пожарскому и повернул в Крым.

Конотоп был только локальным временным успехом Выговского, полученным к тому же из чужих рук. Война шла на широком фронте. Последствием этой «удачи» стало то, что русская армия уже осенью перешла в контрнаступление! Причем, успешное.

Наемники гетмана были рассредоточены по городам на постой. Местные жители попросту называли их «ляхами» и ненавидели за грабежи. В сентябре казаки начали восстание против этих прибул в Переяславе, Нежине, Чернигове и по всем местам, где только они расположились. Погиб даже командир этих солдат «регентарь пан Немирич», которого убили вместе со всем эскортом.

Восставшие послали гонцов в Путивль к князю Трубецкому, чтобы он наступал на Нежин со своими войсками. Заняв этот город, тот тут же двинулся на Переяслав. С юга на Выговского выступил атаман Серко с запорожцами. Выговский оказался в клещах и, по словам «Самовидца», так быстро бежал в Польшу, что даже бросил в Чигирине свою краденую жену. Конец его был печален — в 1664 году поляки расстреляли его по приговору военно-полевого суда, заподозрив в очередной измене.

В сущности, жалеть его не за что. Он был дважды изменник. Сначала — Речи Посполитой, перейдя на сторону казаков 1648 году. А потом — России, присягнув ей на Переяславской Раде и изменив чуть не сразу после смерти Хмельницкого. Что же касается Украины, то ей Выговский никогда не служил. Только себе и своим многочисленным родственникам.

А Конотоп... Это татарская победа. Они ее пусть и празднуют. А так же те, кому, как Выговскому, не терпится быть у них на подхвате.

ГЛАВНЫЕ ТРОФЕИ — ДВОЕ ВОЕВОД — ДОСТАЛИСЬ ХАНУ МУХАММЕД-ГИРЕЮ

■ «Потребности края» новый правитель понимал по-своему. Присвоенные деньги он потратил на вербовку наемной армии из иностранцев, с помощью которой собирался поддерживать свою власть. А политическим ориентиром избрал возвращение в состав Польши, которая была ему роднее по духу, чем православная Россия. Сейчас это пытаются трактовать как «европейский курс». Но так как сама Польша пребывала в состоянии полураспада, вызванном шведским нашествием — знаменитым Потопом — то пришлось идти

на поклон к азиатам — татарам. Так Выговский и оказался под Конотопом. «Гетман Выговский, — пишет «Летопись Самовидца», — за всю старшиною, а полковники и сотники за всю черню присягали хану крымскому на том, жеби его не отступать, там же и хан за султанами и усіми мурзми присягал козаком, жеби їх не отступити в той войні, як ударятя з войском московским». Это показывает, как мало договаривающиеся стороны доверяли друг другу. И татарскую орду, и сборное

Серко был против Выговского

воинство Выговского объединяла только временная цель — желание стащить на Украину то, что плохо лежало. Конотоп находится в нынешней Сумской области на речушке Езучь. Неподалеку от него протекает еще одна маленькая речка со смешным именем Куколка. Тут на переправе возле деревни Сосновка и произошло столкновение татарской орды и вспомогательного корпуса Выговского с русским войском князя Ромодановского. Московская кавалерия, пытаясь форсировать речку, бросилась в наступление на

наемную пехоту гетмана, которая по причине низкого боевого духа могла сражаться только в окопах. Тут бы сербам, немцам и молдаванам, находившимся на службе у Выговского, и пришел конец. Но татары пошли в глубокий обход, талантливо осуществленный ханом Мухаммед-Гиреем. Царские войска не ожидали такого коварства и поспешно начали отход. В сумятице в плен к татарам попали двое воевод — князь Пожарский и Львов. Но основная часть армии вместе с Ромодановским благополучно отошла от Конотопа.

субботные истории для взрослых от Олеси Бузины

Первоисточник ■ «Турецкий гамбит» Бориса Акунина — один из самых удачных его романов. Но вряд ли кто-то догадывается, что в его успехе «виновата» еще одна книга, изданная в далеком 1902-м году. Она-то и вприснула современному мастеру исторического детектива изрядную дозу вдохновения

ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ ХУДОЖНИКА ВЕРЕЩАГИНА

Давно замечено, что для исторического романа нужно иметь хороший «исходник». «Петр Первый» Алексея Толстого, как признавался сам автор, возник из чтения пыточных записей московского приказа тайных дел — тогдашней полиции. На допросе подозреваемые говорили простым понятным языком, совсем не похожим на скучные монографии профессиональных историков. Стиль этих документов привел писателя в восторг и придал его произведению ощущение достоверности.

Многие книги Валентина Пикуля, что он тоже не скрывал, основываются на широко издававшихся до революции много томных исследованиях Казимира Валишевского — польского историка, писавшего по-французски и обожавшего пикантные подробности. Его работа в парижских архивах не пропала даром, воскреснув под новым соусом в пикулевском «Пером и шпагой».

В отличие от Пикуля или Толстого, Акунин предпочитает прятать концы в воду, словно посмеиваясь над необразованностью нынешнего массового читателя. Мол, все, что написал, мое. Никаких предшественников не имею. Никто на меня не влиял. А, если влиял, догадайтесь! На то он, детектив, и существует.

В основе «Турецкого гамбита» — события русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Знают ее у нас не так по книгам, как по картинам Василия Верещагина — самого известного художника-баталиста второй половины XIX века. Полотна «Побежденные», «Скобелев под Шипкой», «Башибузуки», «Перед Плевной» давно стали классикой. Но мало кто знает, что Верещагин был еще и замечательным писателем. Его документальная книга «На войне» вышла в 1902 году «в память двадцатипятилетия войны за освобождение», как указано на ее титуле. С тех

Верещагин. Оказался не только художником, но и писателем

Его книга. Ни разу не переиздавалась с 1902 года

пор она не переиздавалась, давно став библиографической редкостью. Но именно она — тайный ключ к разгадке «Турецкого гамбита».

«Знакомый уже с характером азиатских кампаний, — пишет Верещагин, — я хотел познать

и с европейскою войною, в виду чего, приятель мой, бывший генеральный консул в Париже, Кумани, своевременно списался через нашего общего знакомого, барона Остен-Сакена с начальством главной квартиры собранной в Бессарабии армии и мне предложено было состоять при особе главнокомандующего».

«Побежденные». Эта картина Верещагина один к одному перенесена в «Турецкий гамбит»

Верещагин:

«Знакомый с азиатскими кампаниями, я хотел познакомиться и с европейскою войною»

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

■ Главнокомандующим был брат самого императора Александра II — великий князь Николай Николаевич. Но проникновение художника, пусть на тот момент и достаточно известного, в столь высокие сферы не должно удивлять.

До того, как стать мастером кисточки, Верещагин учился в Морском корпусе, собираясь стать флотским офицером. Это помогло ему навсегда остаться своим в среде профессиональных военных. Полководцы, как известно, тщеславны. Им хочется иметь рядом кого-то, кто навсегда запечатлел бы их подвиги. А художник из «своих» — военных, да к тому же еще и дворян, подходил для этой цели идеально.

Впрочем, нужно отдать должное и Александру II, и его свите. Они позволяли Верещагину совать нос, куда ему хочется, и рисовать все что угодно. О самодержавии у нас любят рассказывать всякие ужасы. Между тем, это был режим, уважавший искусство и умевший ценить его. В результате русско-турецкая война оказалась запечатленной на холсте с невероятным для любого времени натурализмом, далеким от всякой парадности. Такой же натурализм господствует и в воспоминаниях Верещагина.

В «Турецком гамбите» шпион скрывается среди зарубежных корреспондентов, прикомандированных к русской армии. Это пестрое сборище — не выдумка Акунина. Подобную компанию журналигов описывает в книге «На войне» и Верещагин. Да и его самого частенько принимали за репортера: «Молодой офицер встретил меня в воротах вопросом, не корреспондент ли я, и когда узнал, что я не корреспондирую в газеты — едва удостоил ответить... Я рассказал потом своему брату об этой погоне его подчиненного за корреспондентами, и он со смехом сознался, что молодой человек, обиженный малым

Турки. В кино, в отличие от настоящих, они не вспарывают животы

официальным вниманием к их полку, решил разыскать какого-нибудь корреспондента и начинить его сведениями».

После одного из сражений художника досаждали теми же расспросами: «Совсем охрипшие после боя голоса на разные тона выпрашивали и выкликали: «Г-н корреспондент! Позвольте узнать: ведь вы корреспондент?!» И тут разочарование было велико, когда оказалось, что я не занимаюсь тем делом, за которое иногда очень строго осуждают, а иногда очень нежно ласкают, смотря по надобности».

Журналисты играли в той войне роль, даже большую,

чем в романе. В «Турецком гамбите» есть британский корреспондент по фамилии Маклафлин. Это он всячески опекает Варю и рассказывает ей о неудаче русской атаки под Плевной: «Нет, в центре турки устояли... В реальности у этого героя был прототип, описанный в книге Верещагина, — американский журналист Мак-Гахан, посылавший корреспонденции для «Дейли Ньюс».

Он настолько талантливо рассказывал в своих статьях о резне турками мирного болгарского населения, что послужил одной из причин, которая заставила Александра II

вступить за братьев-славян и объявить войну Турции. «Случайно я натолкнулся, — пишет Верещагин, — на известного американского корреспондента газеты Daily News Мак-Гахана, одного из непосредственных виновников войны за болгар, притеснения и резню которых он так трогательно и живо описал в свое время... Старик Скобелев называл этого корреспондента, как и всех других, «проходимцем», но мне он и тогда, и после казался скромным, правдивым человеком и хорошим товарищем. Мак-Гахан, бесспорно, симпатизировал русским, в отличие почти от всех других писавших в иностранные газеты... Очень немногие знали, что Мак-Гахан женат на русской, Елагиной, из Тулы, и сам он старательно скрывал это обстоятельство, дабы не подрывать в Европе и Америке веры в свои сообщения».

Другой прототип Маклафлина — американский военный атташе или, как тогда говорили, «агент» капитан Грин. Именно он побудил Александра II прекратить кровавый штурм Плевны своими неправильными сведениями. Этот эпизод тоже есть в мемуарах Верещагина: «Около 6 часов из сплошного дыма выделилась фигура всадника в шляпе с широкими полями, в какой-то полувойенной форме; в ней узнали американского военного агента, капитана Грина, возвращавшегося с наших позиций. Государь тот час же послал попросить его к себе и стал расспрашивать. Я стоял близко и слышал, как Грин рассказывал, что все атаки отбиты и штурм со всех сторон не удался».

От Грина Маклафлину из «Гамбита» достался еще и гардеробчик — тот самый полувойенный костюм с широкополая шляпа. А от Мак-Гахана — коляска, в которой он путешествует со всеми удобствами.

КНИГА КРУЧЕ, ЧЕМ У АКУНИНА

■ Не преуменьшая достоинств «Турецкого гамбита», замечу, что воспоминания самого Верещагина произвели на меня куда более сильное впечатление. Чувствуется, что их писал очевидец. Причем, очевидец честный. Скажем, в романе есть только одна отрезанная голова — та, что болтается у седла башибузука на первых страницах и пугает наивную барышню Варю. А «На войне» предоставляет такое изобилие отстриженных голов, что собственная голова идет кругом.

Верещагин подробно описывает привычку турок отрезать попавшим в плен ранеными половые органы — таких трупов он вдоволь насмотрелся. А двух албанцев, «вырезавших младенцев из утроб» матерей-болгарок, он сам просил генерала Струкова повесить. Отчасти, во имя справедливости. А отчасти из художественного любопытства: «Что это вы, Василий Васильевич, сделали таким кровожадным?» — заметил Струков. Тогда я признался, что еще не видал повешения и очень интересуюсь процедурой, которая, конечно, будет совершена над этими разбойниками. Я считал, что дело в шляпе, то есть, что до выхода нашего из Адрианополя я еще увижу эту экзекуцию и после передам ее на полотно. Не тут-то было: незадолго перед уходом, найдя обоих приятелей все в том же незавидном положении и осведомившись: «Разве их не будут казнить?», я получил ответ: «Нет». Генерал Струков заявил, что «не любит расстреливать и вешать в военное время, и не возьмет этих двух молодцов на свою совесть».

Вот из-за таких эпизодов книгу Верещагина и боялся переиздавать. Ведь ему прочно навязали имидж «художника-гуманиста», хотя он был, прежде всего, реалистом в прямом значении этого слова. Он не забывает упомянуть, что освобожденное население частенько жаловалось на освободителей: «Там казак стянул гуся, там зарезали и съели барана так ловко, что ни шкуры, ни костей нельзя было доискаться; бывали даже жалобы, хоть и редко, на то, что казак «бабу тронул».

Или, как вам понравится замечательный эпизод, когда православные воины присели по нужде «орлами» прямо в мечети, загнав ее? Грубовато. Но что поделать, если так было. По крайней мере, отрезать туркам то, что у них было только обрезанным, у наших предков (а среди участников той войны почти половину составляли украинцы) рука не поднималась.

ВЕРЕЩАГИН: «Я НАПИСАЛ ЭТУ КАРТИНУ В СМЯГЧЕННЫХ КРАСКАХ»

■ Осада Плевны у Акунина — в значительной степени мифологизирована. Ее неуспех объясняется талантливыми действиями турецкого разведчика Анвар-эфенди, путающего все планы русского командования. В реальности такой суперагент был не нужен. Его роль замечательно играли обычные славянские бестолковщина и разгильдяйство. Никто так не поспособствовал затягиванию войны и гигантским потерям, как сами русские генералы во главе с царем.

В снятом по «Турецкому гамбиту» фильме есть эпизод массового отпевания погибших солдат после неудачной атаки. В романе и кинокартине под расстрел их заманил неуловимый Анвар-эфенди. На самом деле, видеоряд кинокартины почти один к одному взят из полотна Верещагина «Побежденные. Панихида по убитым». Это иллюстрация результатов подлинной лобовой атаки гвардейских егерей под Телишем. Верещагин не только написал на эту тему картину, но и оставил соот-

«Шпион». Скромный верещагинский образ стал в книге главной загадкой

ветствующие описания в книге «На войне»: «Только подойдя совсем близко, я разобрал по ком совершалась панихида: в траве виднелось несколько голов наших солдат, очевидно, отрезанных турками; они валялись в беспорядке, загрязненные, но еще с зиявшими отрезами на шеях... Батюшка и причетник обратили мое внимание на множество маленьких бугорков, разбросанных кругом нас; из каждого торчали головы, руки и чаще всего ноги, около которых тут и там возились голодные собаки, а по ночам, вероятно, работали и волки с шакалами. Видно было, что тела были наскоро заброшены землей... Когда на другой день я снова приехал на это печальное место, процедура откапывания и сноса тел подходила к концу. На огромном пространстве лежали гвардейцы, тесно друг подле дружки; высокий, красивый народ, молодец к молодцу, все обожранные, голые, порозовевшие и посиневшие за эти несколько дней. Впереди лежавшие были хорошо видны, следующие за-

рывались, более или менее, стеблями травы, а дальше почти совсем не видно было из-за нее, так что получалось впечатление, как будто все громадное пространство до самого горизонта было устлано трупами. Я написал потом картину этой панихиды, каюсь, в значительно смягченных красках, и чего-чего не переслышал за нее! И шарлатанство это, и самооплевывание, и историческая неправда!»

После таких атак генералы сообразили, что действовать нужно не старомодным героизмом, а обычным артобстрелом. Следующий редут сдался после бомбардировки из пушек. Зрелища не было никакого. Пехота в бою не участвовала вообще. Зато турки, ошеломленные потерями, безропотно подняли руки.

Но образ Анвар-эфенди, скорее всего, подсказан еще одной картиной Верещагина — «Шпион» и описании эпизода задержания турецкого лазутчика в книге «На войне». Правда, там в этой роли фигурирует австрийский аристократ.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Чужой среди своих.

В Москве первого секретаря КПУ Петра Шелеста считали чуть ли не националистом.

А в независимой Украине прочно забыли

Дворец «Украина». Шелест начал строить его без согласия союзного Совета министров, замаскировав под обычный кинотеатр

ЗАПОРОЖСКИЙ КАЗАК В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Дважды забытый ■ Недавнее 100-летие со дня рождения Петра Шелеста на официальном уровне в Украине не отмечали

Зато простые люди из поколения тех, кому сегодня за шестьдесят, до сих пор вспоминают Петра Ефимовича не без теплоты. И потому, что это было время их молодости. И потому, что среди советских вождей послесталинской эпохи он отличался «лица не общим выражением». На фоне благообразных скучных портретов членов Политбюро бритоголовый крижистый Шелест с физиономией, словно вырубленной топором, смотрелся забежавшим в ряды партноменклатуры мастером с завода. Кажется, сейчас подмигнет и опрокинет стопку. А потом снова пойдет строгать свою болванку.

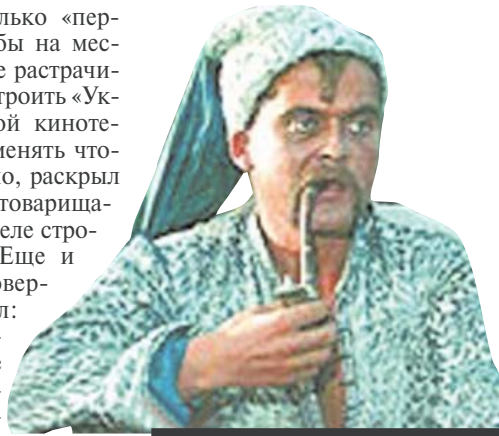
Так получилось, что при правлении Шелеста мне пришлось прожить только первые три года жизни. Естественно, в пору, когда в основном копаешься в песочнице, его для меня как бы не существовало. С каким же удивлением я потом узнал, что многие киевские места, где я проводил свое детство, появились только благодаря этому первому секретарю ЦК КПУ! Теперь кажется, что Музей культуры и быта в Пирогово был всегда. А ведь его создание санкционировал Петр Шелест, не меньше Виктора Ющенко любивший

украинские традиции. Но заметьте разницу: Виктор Андреевич свои колеса и горшки покулачки сгребает в персональный «музейчик». А настоящий коммунист Шелест сделал музей для всех! Чтобы каждый ребенок мог сходить и посмотреть, как жили его предки.

Дворец «Украина» — тоже шелестовское детище. Конечно, у него есть архитекторы — Е.Маринченко, П.Жилицкий и И.Вайнер. Но ничего бы они не построили, не будь в Украине весьма своеобразного «хозяина», умевшего, когда надо, пойти наперекор Москве. Возведение объектов такого масштаба тогда

санкционировала только «первопрестольная». Чтобы на местах средства даром не растрачивали. Шелест начал строить «Украину» как очередной кинотеатр, а потом, когда менять что-либо было уже поздно, раскрыл перед кремлевскими товарищами карты: на самом деле строим совсем другое! Еще и обоснование неопровержимое подsunул: сколько можно проводить партийные съезды в доставшемся еще от царя Институте благородных девиц, переименованном в Октябрьский дворец? Неужели украинская компартия не достойна нового здания? Естественно, ни у Брежнева, ни у Косыгина не нашлось на это аргументов.

Да что говорить, даже памятник танку Т-34 возле метро

В «Пропавшей грамоте» звучала музыка, которая на самом деле была маршем Запорозжской дивизии Петлюры

«Шулявская» (тогда — «Большевик»), вызывавший у меня в детстве, как у всякого мальчишки, такое восхищение, воткнул на свое место все тот же Петр Ефимович. И замечательно воткнул! Кажется, танк сейчас сорвется со своего постаменты и помчится по проспекту Победы в центр Киева давить оккупантов, засевших в здании бывшего ЦК. Хорошее напоминание для власть имущих: не зарывайтесь! Иначе никакие шухевичи вам не помогут.

Не забывал Шелест и о более давних временах. Его слабостью было запорожское казачество. Историко-культурный заповедник на Хортице, за который теперь идет такая война с самовольными застройщиками-бизнесменами, появился только благодаря главе украинской компартии.

ВТАЙНЕ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОЩУЩАЛ СЕБЯ ГЕТМАНОМ

■ С его приходом в 1963 году в кабинет первого секретаря ЦК КПУ сразу же стали выходить книги о казаках для детей — «Гомін, гомін по діброві» известного историка Владимира Голобуцкого и «В пошуках скарбів» Ивана Шаповала, популярно изложившего биографию самого известного «казаковеда» Дмитрия Яворницкого.

Запорожцы становились модной темой. Украинские историки чувствовали, что «наверху» в Киеве их понимают. Как раз на эпоху Шелеста выпадает публикация Академией наук казачьей «Летописи Самовидца». Двумя изданиями (случай беспрецедентный!) историк Александр Бевзо опубликовал Львовскую и Ос-

трожскую летописи. Появилось серьезное исследование о Яворницком Марии Шубравской. Тогда же, при Шелесте, на экраны вышла «Пропавшая грамота» по повести Гоголя с Иваном Миколайчуком в главной роли. В финале ее звучал марш запорожцев. И никто не догадывался, что на самом деле это не музыка гетманской эпо-

хи, а куда более позднее произведение — конный марш Запорозжской дивизии Симона Петлюры. Однако при Шелесте проходили и такие вольности. Так называемое украинское «поэтическое кино» — плод именно его правления. Тогда же появился лучший пока художественный фильм о Тарасе Шевченко — «Сон» режиссе-

ра В.Денисенко. Можно было бы сказать, что первый секретарь не имел ко всему этому прямого отношения. Но это было бы неправдой. Успех любого дела на 95 процентов зависит от личности руководителя. Шелест был, как сказали бы сегодня, государственным менеджером, и «митці» чувствовали, что теперь им позволено намного больше.

КОНКРЕТНЫЙ МУЖИК ШЕЛЕСТ ПРИШЕЛ В ЦК С ЗАВОДА

■ Культурой Петр Ефимович не ограничивался. Он постоянно забрасывал Москву предложениями о развитии украинской промышленности, мотивируя это избытком в республике квалифицированных инженеров и рабочих. Ему хотелось продолжать индустриализацию 30-х, во время которой он сделал первые карьерные шаги. Понимая, что проблемы требуют все более быстрых решений, а союзный Совмин и Госплан просто не справляются с наплывом информации, первый секретарь КПУ просил ряд внешнеэкономических вопросов, касающихся Украины, передать непосредственно Киеву. В Кремле на Шелеста все чаще косились как на «националиста».

Но откуда же он взялся с таким необычным для чиновника уровнем инициативности? Петр Шелест родился в 1908 году в большом селе Андреевка Харьковской области. В официальных советских биографиях он значился как сын крестьянина-бедняка. Но на самом деле предки Шелеста принадлежали к казачьему сословию, сохранявшемуся на Левобережной Украине до самого 1917 года. В казачьих селах не знали крепостного права. Выходцы из них отличались личным свободолобием

и даже особым антропологическим типом — это были прямые потомки тех, кто в XVII столетии не захотел мириться с польским игом. Наша официальная историография до сих пор не хочет замечать, что кроме помещиков и крепостных в Украине даже после ликвидации гетманщины сохранялось еще и это лично свободное сословие.

Когда закончилась гражданская война, Шелесту было всего двенадцать. Его подростковые годы — период, когда человек складывается как личность — пришлось на НЭП и советскую украинизацию. Это многое объясняет. Относительная свобода раннего СССР 20-х и в зрелые годы воспринималась им как норма, к которой следовало бы вернуться. В пятнадцать Шелест — рабочий-ремонтник на железнодорожной станции, потом — слесарь Харьковского паровозоремонтного завода. А в девятнадцать он уже учится в Изюмской совпартшколе, после которой становится секретарем райкома комсомола. Но кроме партийного, Петр Ефимович получил еще и инженерное образование, закончив Мариупольский металлургический институт. Дальше — карьера «красного директора». Мало кто помнит, что в 1940 году он был секретарем Харьковского

АН-2. Пошел в серию, когда Киевским авиазаводом рулил Петр Ефимович

горкома КП(б)У по оборонной промышленности, а во время Великой Отечественной — заместителем секретаря по оборонной промышленности Челябинского обкома и замсекретаря Саратовского обкома по тому же направлению. Это о з н а - чает: при Сталине украинца могли назначить партийным руководителем даже в исконно русской области. Если дело знал!

В начале 50-х Шелест возглавлял Киевский авиационный завод. Тогда он носил засекреченное название «Почтовый ящик-11». Записи с такой формулировкой до сих пор есть в трудовых книжках ветеранов этого предприятия. Как раз в эти годы в серию пошел известный всем «кукурузник» — АН-2. А дальше произошел стремительный взлет Петра Ефимовича при Хрущеве, участие в заговоре против него и почти девять лет во главе Советской Украины.

ДМИТРИЙ ТАБАЧНИК: «В КОНЦЕ 80-Х МЫ С ШЕЛЕСТОМ ПРЯТАЛИСЬ ОТ ПЬЯНОГО ЕЛЬЦИНА, ЛОМИВШЕГОСЯ НА ДАЧУ»

■ Депутат Верховной Рады Дмитрий Табачник во время перестройки первым опубликовал в Киеве цикл статей о полузабытом тогда Шелесте. О своих встречах с ним он вспоминает так:

«Я познакомился с Петром Шелестом благодаря его внуку Петру Борисовичу — моему соученику по истфаку. Он мне много рассказывал о знаменитом деде. В 80-е годы Шелеста не упоминали ни в очерках истории компартии, ни в прессе, что было странным для члена Политбюро и Героя социалистического труда, почти десять лет руководившего украинской компартией. Кроме того, о бывшем первом секретаре я много слышал от своего отца, работавшего в авиационной промышленности и много мотавшегося с командировками по Союзу. Опыльный Шелест в это время был начальником производства на известном заводе в подмосковном Долгопрудном. Отец удивлялся, как бывший грозный

наместник Украины стал замечательным организатором производства, которого обожали все его подчиненные. Петр Ефимович мобилизовал свои старые совминовские и госплановские связи и помог предприятию отвоевать кусочек Крымского побережья и построить очень хороший пансионат. Потом пришла перестройка. Я стал писать о неизвестных страницах украинской истории и, разговаривая с Петром Борисовичем, в очередной раз спросил его о деде. Тот говорит: «Чего спрашивать? Давай к нему съездим!» В хорошее летнее время мы махнули в

Москву, и там я познакомился с Петром Ефимовичем, оказавшимся удивительно гостеприимным хозяином. В 1972 году его забрали зампредом Совмина СССР в Москву, а через год уволили в связи с выходом на пенсию. И он три года добивался, чтобы его приняли на любую низовую инженерную работу. «Смелые» товарищи по партии не брали трубку, но Шелест рассказывал, что сумел встретиться с секретарем ЦК Дмитрием Устиновым — будущим министром обороны. Тот в 1976-м организовал Петру Ефимовичу встречу с Брежневым. Шелест пришел на прием, сказал, что хорошо себя чувствует и хочет работать. Брежнев не очень одобрительно к этому отнесся, но все-таки дал согласие. Так Шелест стал

начальником производства закрытого «Почтового ящика».

Когда я с ним познакомился, он жил в поселке Перхушково. Там находились дачи отставных советских лидеров. Мы много гуляли с Шелестом. Он показывал, где кто живет. По соседству была дача тогда опытного Ельцина. Борис Николаевич любил летом в хорошую погоду зайти в «газообразном» состоянии и поиспытывать терпение соседей. Один раз, помню, мы смотрели с Шелестом на первом этаже на веранде самую популярную тогда программу «Взгляд», которая шла до глубокой ночи. Тут страшный стук в дверь! Весь деревянный домик затрясся! Петр Ефимович с несвойственной для 80-летнего человека прытью приглушил телевизор, потушил торшер и говорит: «Тихо! Это Ельцин в гости

рвется — не будем открывать!»

Дмитрий Табачник. Знает много забавных историй о Петре Ефимовиче

рвется — не будем открывать! А то всех разбудит». Жена Шелеста Ираида Павловна спала на втором этаже. Ельцин погромыхал минут пять, потоптался и ушел.

С ребятами из Киевского горкома комсомола мы взяли в аренду зал Института гражданской авиации и провели пять вечеров с Шелестом в сентябре 1988 года. Держался он здорово. При том что его считали чуть ли не предтечей украинских националистов, он был очень цельным человеком, по духу несомненно коммунистом, сторонником сохранения Союза, но более либеральным, чем его поколение вождей. Второе, что меня поразило: в отличие от большинства высших советских руководителей, он многие годы мелким убористым почерком вел дневники. Чуть ли не с 30-х годов. На партаблиту Шелест пришел поздно. Он не был выдвиженцем эпохи репрессий. Его партийная карьера была очень плотной. За десять лет от директора Киевского авиазавода он дорос до главы украинской парторганизации и вошел в состав Политбюро».

«ШЕЛЕСТ ОЧЕНЬ ХОТЕЛ ПЕРЕЖИТЬ ЩЕРБИЦКОГО»

■ «Сняли его, — продолжает рассказ Дмитрий Табачник, — потому что он не вписывался в общий ряд ли-зоблюдов второй половины брежневской эпохи. Хотя Шелест участвовал в свержении Хрущева и обеспечил от Украинны поддержку антихрущевской позиции членов ЦК, но в 1965 году он подал предло-

жение в ЦК КПСС о расширении прав Украинны во внешнеэкономической деятельности. Докладная записка пришла в Политбюро летом в отсутствие Брежнева. Тот находился в отпуске. Московская бюрократия застыла в ожидании, выясняя, не заручился ли Шелест поддержкой Генсека. А осенью

на Политбюро предложение Шелеста разгромили Микоян и Шелепин как противоречащее принципам внешнеэкономической деятельности СССР. Брежнев тут же съехал с темы и сказал, что не знал о письме Шелеста. Начиная с этой записки, Петру Ефимовичу и приклеили в Москве

незримый ярлык «националиста». Шелест был представителем харьковского клана. Сменивший его Щербицкий — днепропетровского. Своего наследника Петр Ефимович всегда называл не по имени, а «тепелешный». Он очень хотел его пережить, что ему удалось. Умер Шелест в 1996 году».

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Битвы за историю ■ До 1917 года официально считалось, что русские состоят из трех народностей — великороссов, малороссов и белорусов. Но уже со второй половины XIX века некоторые в Украине стали говорить, что «малороссы» — слово обидное. Давайте, мол, назовемся украинцами и станем отдельной нацией — так будет лучше. Назвались...

F. Puchopadt

РУСЬ ТРИЕДИНАЯ

Но сразу же возник вопрос, как делить историческое наследие Древней Руси? Ведь по исторической логике получается, что до того, как стать украинцем, каждый, даже трижды бандеровский националист, все-таки был русским. Никто ведь пока не отрицал, что Русь была раньше Украины.

Этот вопрос всегда ставил любого украинского националиста в очень неудобное положение. Некоторые даже до бешенства доходили, когда я им его задавал. Чтобы как-то облегчить тягостное для «национально-свидомой» психики осознание этого прискорбного факта, придумали очередной исторический миф: дескать, в прошлом только Украина называлась Русью, но проклятые москальи украли у нас это название. А виноват, говорят они, во всем Петр I. Это он, проклятый, переименовал Московию в Россию, до тех пор так никогда не называвшуюся, всех в мире запутал и над мазепами с орликами, а также их духовными потомками — «мертвыми, живыми» и даже «народженными» в очередной раз цинично «познущався».

Сейчас на основании этого утверждения целые книги выходят. Одна из них так и называется — «Украдене ім'я». Хотя, казалось бы, чего проще: давайте переименуем назад в Русь, станем русскими, русичами или русинами (как кому больше нравится) и всех делов! Пусть попробует кто-то в Кремле возразить. Мы им быстро нового князя Юрия Долгорукого в наместники пришлем — чтобы дань собирал! Или «американского профессора» Зварича

— тот еще страшнее. А разговаривать будем на древнерусском языке: «Не лепо ли, не бяшет» и так далее. Выучили же евреи в Израиле мертвый иврит и даже сделали его государственным! И мы выучим! Ведь древнерусский, по

Немецкий автор XVII века:
«Московиты — это русские,
которые только
называются так по имени
своей столицей»

этой логике, это наша «давньоукраїнська мова», хоть и не очень понятная. Придется, правда, «Кобзарь» тоже на него перевести. Но чего не сделаешь ради исторической справедливости!

Но действительно ли до Петра Великого Московия не была Русью? Стал я старинные книги читать, в библиотеках пыльных во имя истины здоровье молодое калечить. Целых двадцать пять лет

на вопрос потратил и, представьте, ничего, что бы подтверждало петровский «подлог», не обнаружил. Ни одного, как говорят наши современные историки, «автентичного» документа. Зато доказательств противоположной точки зрения хоть пруд пруди.

Любой закончивший исторический факультет слышал о «Ливонской хронике» — документальном произведении XIII века, рассказывающем о войнах немецких крестоносцев в Прибалтике. Воевать им пришлось в основном с Польшей, Литвой и Русью. Но до Киева (да что там до Киева, даже до Смоленска!) они не доходили.

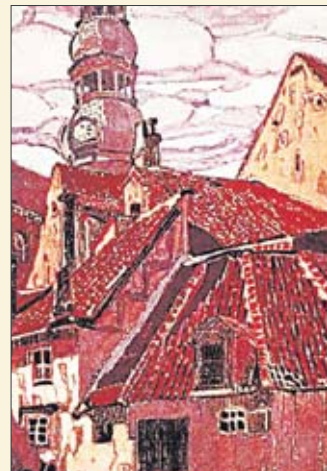
Так что же тогда считал автор хроники Русью? Посудите сами. В одном месте он пишет: «Псков находится в Русской земле». Еще в одном сообщает: «В Русской земле есть город Новгород». Наконец, имеется у него фраза, которая повергает любого сторонника теории об «украденном» имени в шок: «В Русской земле есть город Суздаль». А Суздаль — это в двух шагах от Москвы. Собственно Москва и была тогда маленьким городишком во владениях суздальского князя. Он туда своих сыновей назначал.

Но и задолго до «Ливонской хроники» мы видим ту же географическую картину. В 1231 году Папа Римский пишет письмо великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу. В послании этом он именует его «Regi Russiae» — в переводе, «правителем Руси». Владимир — это тоже территория «Московии». Он находится на речке Клязьме. Взгляните на карту: до Москвы — рукой подать.

ПЕТР I СВОЮ СТРАНУ
НЕ ПЕРЕИМЕНОВАЛ

► В любой приличной киевской или областной библиотеке можно найти «Историю монгалов» Плано Карпини. Ее несколько раз переиздавали. Библиографической редкостью она не является. Плано Карпини — итальянский монах середины XIII столетия. По поручению Папы Римского, он сгонял в столицу татарского хана Каракорум и составил подробный отчет о своем путешествии. Ехать, естественно, пришлось через Русь. Вот что пишет Карпини о 1246 году: «В это время умер Ярослав, который был великим князем в некоторой части Руси, которая называется Суздаль... Все верили, что он был отравлен».

Упомянутый Ярослав — это отец широко известного князя Александра Невского. Как видим, он тоже правит в «некоторой части Руси», хоть Киев в его владения не входит! Зато Московское княжество — это часть его земель. Не Московия стала называться Русью, а часть Руси назвалась Московией, по мере того, как этот город набирал силу и присоединял к себе другие русские территории. Лучше всего это понимали не нынешние украинские публицисты-фантасты, а современники этих событий. Нет ничего лучше, чем обратиться к первоисточникам — свидетельствам западноевропейских путешественников. «Московия получила свое наз-

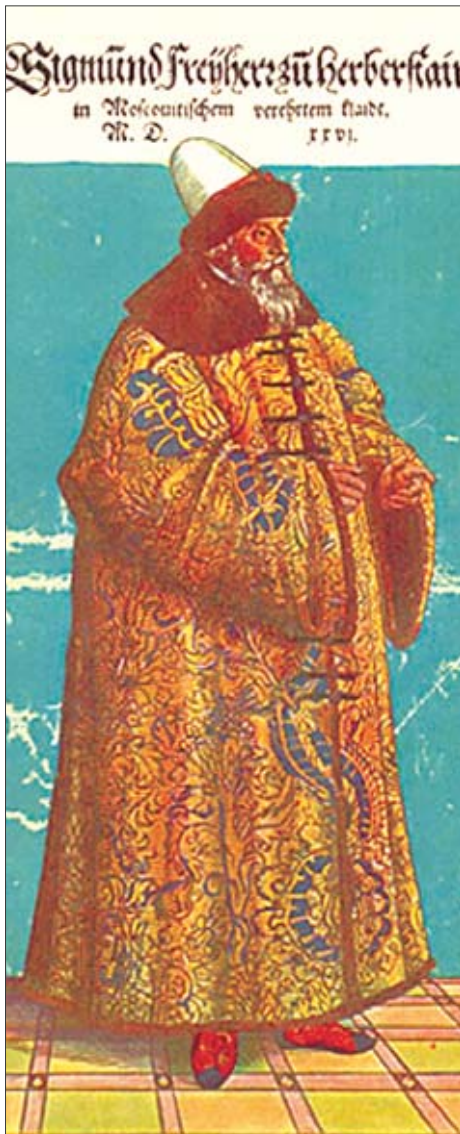
Запад знал, с кем имеет дело!

вание по имени реки, на которой находится ее столица, но она является частью Руси», — писал некий Цезарь Бароний в 1602 году в изданной в Венеции книге «Анналы». «Московиты — это русские, которые только называются так по имени своей столицы», — вторил ему в 1667 году немец Георгий Хорн. «Страна московитов теперь называется Великая Русь», — это еще одна констатация западного европейца Йогана Якоба Гофмана. Относится она к 1672 году — тому самому, в котором родился Петр Первый. Как видим, никакими переименованиями своей страны этот царь не мог заниматься — она была Русью задолго до него.

НОВГОРОД СТАЛ РУСЬЮ РАНЬШЕ КИЕВА

■ Дважды — в 1517-м и 1526-м годах — съездил в Москву послом от германского императора немецкий дворянин Сигизмунд Герберштейн. Он оставил классические «Записки о Московии». В XVI столетии они стали бестселлером, переиздававшимся несколько раз. «О происхождении названия Russia существуют различные мнения, — писал он. — Одни полагают, что оно произведено от имени Русса, брата польского короля Леха, поскольку этот Русс был государем русских. Другие ведут его от имени весьма древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого... Однако большинство считает, что «Руссия» — это измененное «Роксолания». Сами же москвиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь «Россея» на русском языке и значит «разбросанность» или «рассеяние». Это мнение, очевидно, справедливо, так как и до сих пор различные народы живут вперемешку с обитателями России, в которую повсюду вклиниваются, разделяя ее, иные земли... Но каково бы ни было происхождение имени «Руссия», народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на своем языке «руссы» (Russi), а по-латыни именуемый «рутены» (Rutheni), столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь одним и тем же именем «русские».

Свидетельство Герберштейна — бесценно. Оно показывает не только конечный результат исторического процесса, но само его развитие. Знал германский посол и то, что в прошлом — во времена древнерусского единства — эта страна была значи-

Сигизмунд Герберштейн: «Московиты уверяют, что их страна называется «Россея»

тельно больше. Он говорит: «Руссией владеют ныне три государя; большая ее часть принадлежит великому князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой». Он понимал, что русские города Минск и Киев просто захватили литовцы и поляки.

В советские времена, чтобы никого не обидеть, не особенно распространялись о том, что земли Новгорода стали называться Русью раньше, чем Киев. К сожалению, почти всегда к истории примешивается политика. При СССР старались подчеркнуть равные права трех братских восточнославянских народов на древнерусское наследие, даже если это не совсем соответствовало действительности.

Но стоит открыть «Повесть временных лет» (жаль, что ее так редко открывают!), чтобы прийти к выводу о северном происхождении имени Русь. Рассказывая о захвате Киева явившимся из Новгорода князем Олегом, летописец говорит, что его войско состояло из новгородского племени словен и варягов, которые «прозвашася Русью» (то есть назывались Русью). Киев же в это время еще именовался «Польскою землею» — он принадлежал племени полян, которые приняли имя Русь только после своего подчинения Олегу.

Получается, что сделав Киев своей столицей, этот князь и повел отсюда политику «русификации». Ведь именно он подмял независимые славянские племена — древлян, северян, радимичей, уличей и других. Возможно, что в будущем мы еще столкнемся с каким-нибудь древлянским

сепаратизмом, если потомки древлян, живущие в Коростене, захотят отделиться и вернуться в свой первобытный рай.

Официальная советская историография утверждала, что нынешние русские, украинцы и белорусы стали складываться на развалинах древнерусской народности после татаро-монгольского нашествия — где-то в XIV столетии. Но на самом деле это было подтасовкой, призванной прикрасить развал единого русского народа большевиками после революции 1917 года. Документы показывают, что не только в XIV веке, но даже

тремя столетиями позже и население Московии, и люди тех частей Руси, которые попали в подчинение Польше и Литве, по-прежнему называли себя русскими. «Русь является троицей, — писал итальянский историк XVI столетия Александр Гваньини, — первая — Белая, вторая — Черная, третья

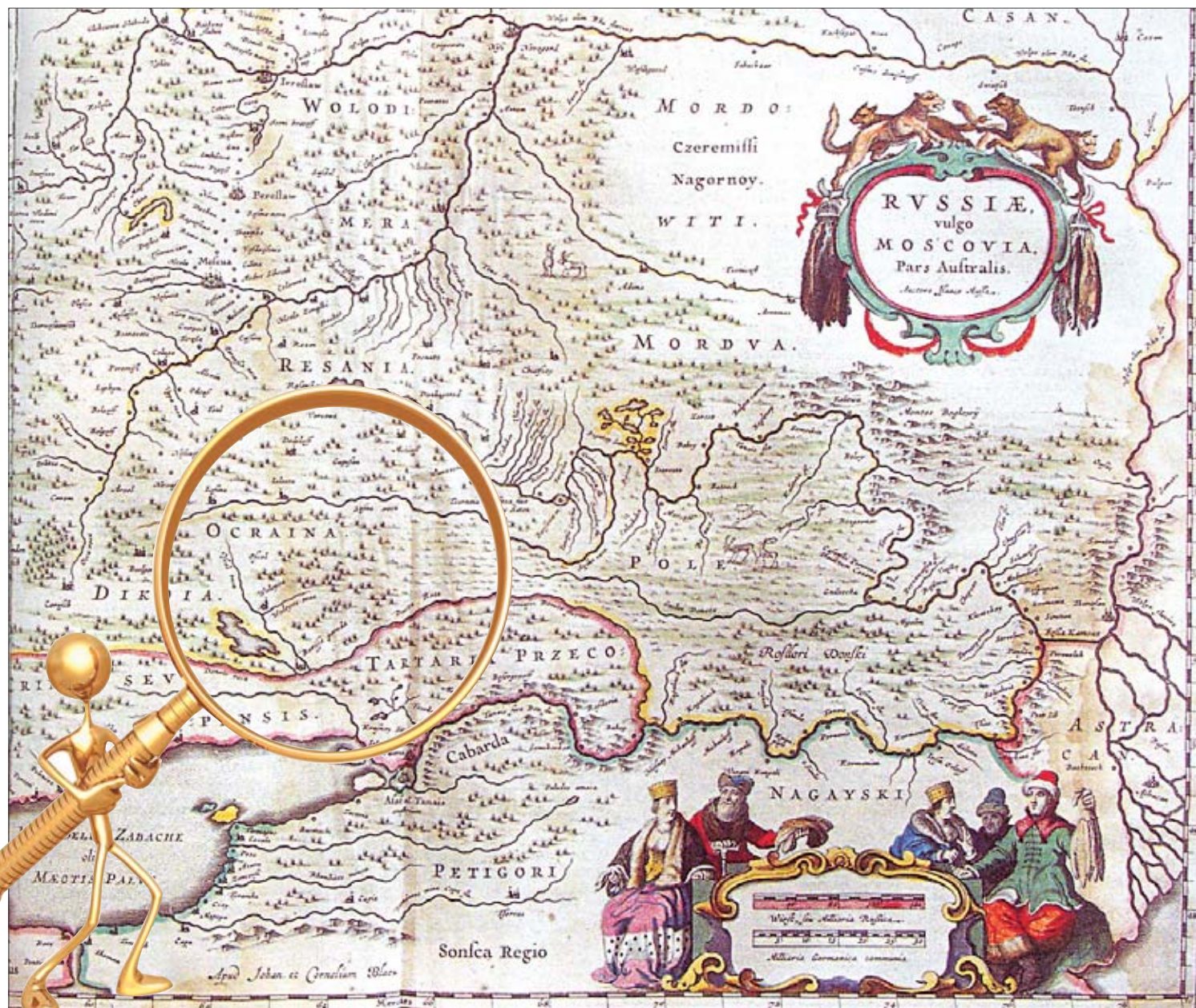
— Красная. Белая находится возле Киева, Мозыря, Мстиславля, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северной земли и издавна принадлежит Великому княжеству Литовскому. Черная — находится в Московской земле... Красная — расположена возле гор, которые называются Бескиды, и ею привит польский король».

Мы привыкли к другому делению Руси — на Великую, Малую и Белую. А было, оказывается, еще одно! Кстати, оно нашло отражение на старинных западноевропейских картах. Красной Русью называли территорию Львовщины. А нынешнюю северную Украину с Киевом и Черниговом еще даже не отделяли от Белой Руси! Что не удивительно — граница со степью проходила примерно в ста километрах южнее Киева. Украиной именовали «окраину» — трудно поддающееся определению пограничье.

**«Записки о Московии»:
«Руссией владеют ныне
три государя; большая
ее часть принадлежит
князю московскому...»**

КОНЦЫ В ВОДУ НЕ СПРЯЧЕШЬ!

► Вообще, труды любых официальных историков следует читать крайне внимательно. Подлаживаясь под очередную власть, они не могут скрыть всех противоречий. Это очень интересная игра — ловить их на плохо спрятанных в воду кончиках. К примеру, несколько лет назад во Львове вышла замечательная книга «Україна на стародавніх картах (Кінець XV – перша половина XVII ст.)». Стоит она довольно дорого — около 150 гривен. И все-таки я советую ее купить. Потому что, кроме названия, все остальное в книге — правда. Карты там приведены подлинные. Но ни одна из них не называется «Карта Украины»! Зато есть другая — изданная в 1641 г. в Амстердаме «Russia, vulgo Moscovia». В переводе это означает: «Руссия, в просторечии Московия». Присутствует на ней и крошечная территория, обозначенная громким названием «Окраина» — чуть выше Азовского моря. Это замечательный львовский ответ выдумке о том, что Московию в Россию якобы переименовал Петр Первый.

Руссия, в просторечии Московия. Голландская карта 1641 года из книги «Україна на стародавніх картах»

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Нашествие варваров ■ Будущие летописцы несомненно назовут наше время эпохой варваризации и административных скандалов. С начала независимости ни один мэр Киева не покинул свой пост без предательского удара в спину со стороны президента или премьера, скандала и обещания вернуться

Крещатик начала XX столетия. На цветной открытке центр Киева выглядит настоящим европейским городом, до которого ему сегодня, как Украине до Евросоюза

ВЕК, КОГДА У КИЕВА БЫЛА ГОЛОВА

Досрочные выборы «под ситуацию» и грабеж под прикрытием борьбы за моральность стали приметами сегодняшнего дня. В XIX веке подобное было немыслимо. Городская власть отличалась стабильностью, а развитие Киева — прогрессом. Именно в этот период мы получили тот исторический центр, который с таким рвением разрушают нынешние «отцы города».

По колоритности характеров градоначальники той эпохи вчистую проигрывали киевским военным губернаторам. Вот те были действительно хваты! Генерал Бибииков — первый донжун края, покорявший женщин в прямом смысле одной рукой, так как вторая навсегда осталась на поле Бородинской битвы. Юркий коротышка Безак — великий коллекционер порнографических картинок, прикрывавший лысину вороным париком. Бравый толстяк Дрентельн, умерший от «апоплексического удара» во время

парада. Хамло и алкоголик Драгомиров, пьянствовавший сутками, а в минуты протрезвления строчивший критические брошюры против Льва Толстого, выискивая ошибки в его «Войне и мире». Бывший гусар Сухомлинов, который увел супругу у помещика Бутовича и женился на ней, несмотря на то, что эта бойкая дамочка была почти вдвое моложе его! На фоне этих генералов-администраторов наши тогдашние мэры смотрелись скромными скучными тружениками. Однако и у них есть свои заслуги перед историей.

Великая перемена в Киеве XIX века была только одна — 1834 год, когда царь Николай I отменил в городе Магдебургское право. До этого времени главой администрации был «войт», а депутаты назывались «лавниками» — за то, что заседали на скамейках — по-польски «лавах» (это слово заимствовал и украинский язык). Киев пребывал в жесточайшем упадке. Его население не больше 30 тысяч жителей. Вместо Крещатика была гряз-

ная канава. На том месте, где теперь Майдан Незалежности, стояло Козье болото. Даже район вокруг Золотых ворот был застроен только жуткими одноэтажными халупами. Зато «муниципальная аристократия» имела право не служить в имперской армии и монопольно торговать на территории Киева водкой. Городское управле-

**Первым городским
головой стал купец
Парфентий Дегтерев,
в честь которого названа
улица Дегтяревская**

ние погрязло в коррупции и кумовстве. Должности передавались по наследству. Казна расхищалась. Как рассказывает один из самых авторитетных киевоведов Виталий Ковалинский: «Войт, бургомистры, советники и лавники были тесно связаны семейными узами и ревностно охраняли свой круг от

посторонних. В 1821 году купец Кравченко, державший мясную торговлю и кожевенное дело, возмущался нарушениями при выборах в магистрате ремесленного головы (руководителя всех киевских цехов) и написал жалобу в Петербург. Рассмотрение дела заняло больше десяти лет! Кравченко истратил на тяжбу больше половины состояния, но добился своего — в сентябре 1832 года суд постановил взыскать с виновных 68 тысяч 557 рублей и 44 с половиной копейки. В следующем году было начато новое судебное дело. Под следствие попал последний киевский войт Киселевский и его «команда». В результате все члены магистрата были освобождены от должностей, на их имущество был наложен арест, а сами они в течение 20 лет были лишены права занимать выборные должности. С этого момента магистрат стал городской думой. А первым городским головой избрали купца Парфентия Дегтерева. В честь его сына — известного благотворителя — до революции

называлась улица Дегтеревская — та, что в советские времена была Пархоменко. Теперь ей вернули название. Но не совсем правильное — Дегтяревская, хотя никаких дегтярей там не было, а фамилия головы писалась через «е».

Купец Дегтерев недолго пробыл мэром. Он умер в 1837 году. Но посыл преобразованиям в Киеве был задан. Благоустройством города в этот период занималась даже не так дума, как генерал-губернатор Дмитрий Бибииков и лично император Николай I. Он посетил Киев семнадцать раз! При его царствовании тут был построен университет, крепость, которую теперь приспособливают под «Мыстечкий арсенал», Первая гимназия, первый мост через Днепр, институт благородных девиц, кадетский корпус (в его здании сейчас Министерство обороны Украины), а Подол, Верхний город и Печерск впервые слились в единое целое, объединенные главной улицей, которой стал Крещатик.

РОДСТВЕННИК НАПОЛЕОНА ВО ГЛАВЕ «МАТЕРИ ГОРОДОВ РУССКИХ»

■ В 1870 году киевское самоуправление расширилось. До этого представительство в городской думе осуществлялось по чисто феодальному признаку. Депутатов поставляли сословия — дворянское, духовное, купеческое и мещанское.

Вехой новой буржуазной эры стало свободное избрание гласных думы на основе имущественного ценза. «Гласными» они назывались, — расшифровывает забытое ныне слово Виталий Ковалинский, — так как имели право подавать свой голос во время обсуждения городских вопросов. Это была очень демократическая система. К выборам допускались все имеющие недвижимое имущество в Киеве — доходный дом, особняк, фабрику или даже простую хатынку. Всех депутатов было 72. По отчислениям в горказну они делились на три разряда — от самых богатых до самых бедных. Каждый разряд поставлял одинаковое число гласных — 24 человека. Таким образом в думе были представлены интересы всех разновидностей горожан. На первых выборах в январе 1871 года в число гласных вошли 27 представителей торговли и промышленности, 22 землевладельца, 15 профессоров университета, 4 профессора Духовной академии, 3 чиновника учебного ведомства и один гимназический учитель. Впоследствии состав думы становился все более близким народу. Я прослеживал происхождение депутатов — ими могли становиться даже крестьяне».

Необычной фигурой был и первый свободно избранный городской голова — Павел Демидов князь Сан-Донато. Он был прямым потомком известнейшего рода уральских горнопромышленников. В середине XIX века эти наследники простых русских мужиков, наделенных предпринимательской жилкой, давно превратились в дворянский космополитический клан, принятый в Европе как свой. Они предпочитали жить в Италии и умирать в

Городская дума. Так выглядел нынешний Майдан Независимости всего каких-то сто лет назад

Князь Сан-Донато

Степан Сольский

Городской голова Дьяков

Париже. Именно там — в столице Франции — погребена бабушка первого киевского свободно избранного городского головы Елизавета Александровна. Большую часть жизни она провела в Париже, «эмигрировав» оттуда в Италию только на время войны с Наполеоном и сразу же вернувшись в любимый город, как только его взяли русские войска.

Ее муж Николай Никитич был российским посланником во Флоренции. Страдая от дипломатической скуки, он организо-

вал раскопки прямо в центре Рима, перерыв, как огород, вдоль и поперек Капитолий. Сын дипломата-археолога Анатолий Николаевич тоже, в основном от скуки, женился на племяннице Наполеона — Матильде, дочери Жерома Бонапарта — младшего брата знаменитого завоевателя. Для придания этому браку еще большей помпы он по сходной цене прикупил в Италии, тогда еще состоявшей из множества небольших государств и полугосударств, целое княжество Сан-

Донато. Пойди история иначе, это могла бы быть еще одна карликовая держава, вроде сегодняшних Монако или Сан-Марино с династией Демидовых на престоле. Однако через пять лет совместной жизни Матильда Бонапарт и Анатолий Николаевич осточертели друг другу, и их «голубиный» союз распался. А император Николай I на некоторое время запретил Демидовым выезжать из России и проматывать по заграницам родовые капиталы.

Но титул князя Сан-Донато перешел по наследству к племяннику Анатолия Николаевича — Павлу Павловичу Демидову — тоже большому оригиналу. Значительную часть жизни он проболтался на дипломатической службе, раздавая пожертвования направо и налево, а потом застрелял в Киеве, прельщенный местными барышнями, и купил целую усадьбу на углу нынешних Терещенковской улицы и бульвара Шевченко — тогда Бибиковского. Теперь на месте двух домов, принадлежавших Демидову, находится всем известный музей Шевченко — в здании, построенном в итальянском духе Терещенко.

Городской голова приводил в ужас киевскую элиту. Он совсем не умел воровать! И даже не собирался этому учиться! Наоборот, все время порывался доложить в казну из собственного бездонного кармана. Когда Павел Демидов пожертвовал 70 тысяч рублей, чтобы построить общежитие для студентов университета, деньги так и повисли на городском счету. Задавила жаба. Если бы общежитие построили, жадные киевские квартирновладельцы лишились бы доходов от сдачи комнат внаем. Демидовские тысячи «солили» до тех пор, пока они не обросли процентами. Только тогда на них построили первое в городе реальное училище. Сам же князь остался в памяти киевлян благодаря воздвигнутому при нем зданию городской думы. Оно простояло до самой Великой Отечественной войны, сгорев во время великого пожара Крещатика 1941 года. Так же сгорела и память о Павле Демидове в истории нашего города. Самый честный и бескорыстный мэр был совершенно не оценен киевлянами, продержавшись только один срок, за что до нынешнего дня они расплачиваются пришествием во власть взяточников, казнокрадов и лютых разрушителей городских достопримечательностей. Иногда кажется, что Господь наказал киевлян: не захотели князя Сан-Донато, нате вам «омелек» с присвистом!

«ЧТОБЫ ЖИТЬ, КАК ПРИ ЦАРЕ, РАБОЧИЙ В КИЕВЕ ДОЛЖЕН ПОЛУЧАТЬ 250 ГРН. В ДЕНЬ»

Виталий Ковалинский
писатель, историк,
заведующий
отделом Музея
истории Киева

«Городская дума заседала четыре раза в месяц по два-три дня. Заседания начинались около шести вечера и тянулись до одиннадцати часов. Это происходило в свободное от основной работы время. В начале XX века количество депутатов расширилось до 85-ти. А в апреле 1921 года во время первых советских выборов в Киевский горсовет их стало 1459! Ясное дело, что такая уйма народных представителей — бессмыслица.

До революции деятельностью думы руководила городская управа из головы и четырех членов. А гласные разделились по комиссиям — финансовой, юридической, учи-

лищной, строительной, водопроводной, второй строительной за счет займов, базарной, железнодорожной, садовой, земельной, пожарной, мостовой, санитарной, канализационной, квартирно-военной, театральной, по вопросам освещения, по вопросам сооружения крытого рынка, по благоустройству города, по деятельности городской больницы, по выкупу трамвая. Был даже комитет по сооружению памятника Шевченко в Киеве и комиссия по красоте города. Причем в ней заседали люди, смыслившие в этом деле, — например, художник Мурашко и архитектор Городецкий.

Была комиссия по борьбе с дороговизной, хотя тогдашнюю жизнь в Киеве называть

дорогой нельзя, в отличие от сегодняшнего дня. Рядовой рабочий получал до двух рублей в день, а килограмм свиной стоил 40 копеек, телятины — 30—40 копеек, а пуд (16 кг) ржаной муки — полтора рубля. Сравните с нынешними ценами. Сейчас килограмм свиной стоит 50 гривен. Значит, чтобы быть на уровне начала прошлого века, рабочий должен получать 250 гривен в день.

Очень уважаемым головой был Степан Михайлович Сольский, руководивший городом с 1887 по 1900 год. При нем была пущена конка, потом электрический трамвай, завершил Владимирский собор. Он построил канализацию. До него пользовались

выгребными ямами. А он предложил проложить главный коллектор под Крещатиком и сборный резервуар — под нынешней Европейской площадью. Там скапливалось главное городское «богатство». При Сольском город пережил строительный бум — с 1890-го по 1899-й год было возведено 1176 каменных и 2150 деревянных домов.

С 1906-го по 1916-й городским головой был Дьяков, которого пропаганда совершенно необоснованно обвиняет в неуважении к памяти Шевченко. Когда выбирали место для памятника, украинские деятели никак не могли прийти к общему мнению. Дьяков выбрал прекрасное место на клумбе нынешней площади Льва Толстого. А в отношении претензий водрузить Тараса там, где стоит княгиня Ольга, сказал историческую фразу: «Кавалер должен уступить место даме». Совершенно логично и с хорошим юмором!

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА ХОТЕЛА УКРАСТЬ ГЕТМАНА СКОРОПАДСКОГО

Переворот ■ 90 лет назад Центральную Раду сменил последний украинский гетман — генерал Павел Скоропадский

Но за кулисами этой театральной постановки скрывалась германская разведка. Еще в марте 1918 года кайзеровская оккупационная армия заняла Киев. В своем обозе она привезла Центральную Раду, тут же усевшуюся в здании Педагогического музея на Владимирской улице и приступившую к привычному ей делу — партийным дебатам. Благо, партий и языков в первом украинском «парламенте» хватало. Точь-в-точь, как в нынешнем.

Немцев же интересовало другое. Выиграв Первую мировую войну на востоке, они продолжали ее на западе — против Франции, Англии и США. К 1918 году экономический и человеческий потенциал германской империи находился на пределе. В армию призывали мальчишек. Продуктов не хватало. И населению, и вооруженным силам реально грозил голод.

В этом смысле оккупация Украины, внезапно вообразившей себя «самостийной», оказалась как нельзя кстати. Страна буквально лопалась от обилия продуктов. Как вспоминал министр земледелия Центральной Рады Николай Ковалевский: «Що німці були голодні, було видно ще й з того, що на вулицях Києва можна часто було бачити групи німецьких солдатів, що довго вистоявали перед skleпами і милувались виглядами ковбас, сала й шинки, яких вони давно вже не бачили».

Политика оккупантов была проста. Они заключили с Центральной Радой договор на поставки продовольствия и сырья из Украины в Германию и взамен взялись оберегать Украину от вторжения с севера большевиков. Однако очень скоро оказалось, что Центральная Рада — никудышная марионетка. Она не только не умела обороняться от внешних сил, но и не обладала минимальными навыками внутреннего управления. Как иронически заметил по этому поводу будущий гетман Скоропадский: «Все поколения нынешних украинских деятелей воспитаны на театре, откуда пошла любовь ко всякой театральности и увлечение не столько сущностью дела, сколько его внешней формой. Например, многие украинцы действительно считали, что с объявлением в Центральной Раде самостийной Украины, Украинское государство есть неопровержимый факт. Для них украинская вывеска бы-

Фото 1918 года. В этом здании Педагогического музея с двуглавым орлом Центральная Рада провела все время своего недолгого существования

Скоропадский. Чуть не стал жертвой похищения

Принц Габсбург. Он же неудавшийся украинский король Василь I

ла уже нечто, что они считали неизбежным».

Но для немцев, потративших столько сил, чтобы приколотить эту вывеску на карту южных губерний бывшей Российской империи, она оставалась вывеской и не более. Рада не может организовать поставок продовольствия в Берлин? Следовательно, Раду необходимо срочно заменить новым дееспособным правительством. Такова была логика немецкого мышления.

Кроме немцев, Украину занимали еще и австро-венгры, в зону оккупации которых входили Одесса и Екатеринослав (нынешний Днепрпетровск). Поэтому существовало два взгляда

на будущее только что нарисованной страны. Австрийцы, как вспоминает тот же Ковалевский, после полной победы в мировой войне видели Украину как монархическое государство во главе

с принцем из династии Габсбургов. Кандидатура уже давно была готова — 23-летний эрцгерцог Вильгельм, командовавший группой, в которую входили украинские сечевые стрельцы. Стремясь «сблизиться» с буду-

щими подданными, Вильгельм носил вышиванку и учил украинский язык. Впоследствии он даже выпустил сборник стихов «Минають дні». За украинизированную внешность Вильгельма Габсбурга с иронией называли Василь Вышиваний.

Чтобы стать королем Украины, Вильгельм Габсбург даже надел вышиванку

АДМИРАЛ КАНАРИС СПЕЦИАЛЬНО ПРИЕХАЛ ВРЕДИТЬ В КИЕВ

■ Но немцы, игравшие первую скрипку в дуэте союзников, придерживались иной модели развития Украины. Ее идеологом был молодой адмирал Канарис. Он хорошо известен широкой публике по истории Второй мировой войны как руководитель Абвера — германской армейской разведки. Но и в Первую мировую был далеко не последней фигурой в рядах немецких спецслужб. Вот как описывает его роль в гетманском перевороте Николай Ковалев-

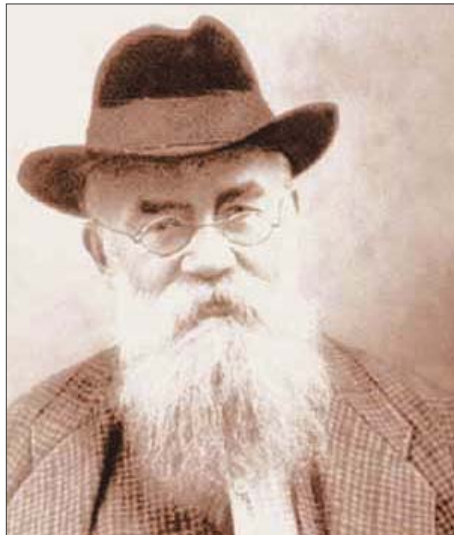
ский: «В ті часи прибув до Києва шеф німецької військової розвідки контрадмірал Канаріс. Його роля за кулісами німецької політики була досить значна. Він був властивим конспіратором квітневого перевороту в Україні. Адмірал Канаріс був походженням грек. Його батьки були грецькими поселенцями чи то на Північному Кавказі, чи на Криму. Потім вони виїхали до Німеччини і молодий Канаріс виховувався в німецькій школі. Він мав великі здібності,

володів дуже добре російською мовою, і спомини з дитинства витворили у нього певний культ до старої царської Росії... Він був прихильником реставрації монархії Романових. Створення самостийної української держави він уважав тимчасовим явищем, з яким треба було миритись до деякого часу, поки большевизм у властивій Росії не буде зліквідований. Після цього Україна мала б бути прилучена до нововідродженої російської держави в тій чи

Канарис. Хоть и грек, но немецкий разведчик

іншій формі. Ці свої погляди мотивував Канаріс тим, що в інтересах Німеччини є відновлення російської монархії прихильної німцям, — монархії, котра творила б єдиний великий господарчий простір, що доповнював би своїми сирівцями і торговельними можливостями високо розвинену індустрію Німеччини. Поділ Росії на самостийні національні держави був би значною перешкодою для економічної експансії Німеччини в східній Європі».

Михаил Грушевский. Подслеповатый дед не видел дальше своей бороды

Всеволод Голубович. Предводитель латчиков и украинского правительства

БАНДА ПОХИТИТЕЛЕЙ ПОД БОРОДОЙ У ГРУШЕВСКОГО

■ Мемуары Ковалевского вышли только в 1960 году в австрийском Инсбруке уже после его смерти. А в 1918-м министру земледелия было всего лишь двадцать шесть лет. Он принадлежал к молодой клике, собравшейся вокруг Грушевского и фактически за старого профессора пытавшейся вершить дела в Украине. В нее входили премьер-министр Голубович, военный министр подполковник Жуковский и министр внутренних дел Ткаченко. Ни одному из них не было еще и сорока.

Эта группа амбициозных украинских политиков почувствовала опасность, грозящую их карьере, и решила предпринять предупредительные меры. Весьма наивные, как станет ясно из последующих событий. На роль нового правителя Украины адмирал Канарис и командующий оккупационной армией фельдмаршал Эйхгорн выбрали Павла Скоропадского — в прошлом генерал-адъютанта свиты Николая II и бывшего командующего одним из украинизированных корпусов, уволенного от должности Центральной Радой. Канарис, как уверяет Ковалевский, встретился с ним лично и разработал подробный план переворота в Киеве. Для придания этому акту видимости единодушной поддержки общественности в срочном порядке были созданы две организации — Протофис (эта аббревиатура означала объединение промышленников, торговцев и финансистов) и Союз хлеборобов.

Естественно, скрыть эту подготовку в небольшом городе, каким был Киев начала прошлого века, где все знали друг друга, было сложно. Скоро до молодой компании украинских министров дошли слухи, что непосредственной подготовкой общественности занимается видный киевский банкир Абрам Добрый — член финансовой комиссии Центральной Радой и директор киевского отделения Русского для внешней торговли банка. (Так он офи-

циально назывался). Банкир занимал множество общественных должностей, отличался коммуникабельностью и идеально подходил на роль координатора.

В окружении премьер-министра Голубовича родилась веселая идея: а что если похитить Доброго, вывезти его из Киева и тем разрушить все планы заговорщиков? За дело взялся лично глава МВД Михаил Ткаченко. Директор политического департамента этого ведомства Гаевский с компанией подчиненных вытащил банкира-конспиратора прямо из постели, арестовал и под охраной нескольких политических агентов отвез в Харьков, где держал в номере обычной гостиницы. От остальных членов кабинета эту акцию до поры до времени держали в тайне. Как пишет Ковалевский: «Я, як і інші члени уряду, нічого не знав про цю подію. Не знав також і голова Центральної Ради Михайло Грушевський. Вночі, коли Добрий був арештований, відбулося власне засідання кабінету під проводом Голубовича. Засідання відбувалося в приватному помешканні Голубовича у великій гарній віллі київського архітектора Воробйова на Липках. На цьому засіданні чомусь не було Ткаченка. Десь коло півночі Ткаченко нарешті з'явився, викликав Голубовича до іншої кімнати і щось йому стурбованим голосом оповідав. Після цього ми довідалися, що сталася ця подія з Добрим».

Крещатик начала века. По просторным киевским улицам было удобно драпать

ВСЕ ПО КОНСПИРАТИВНЫМ КВАРТИРАМ!!!

■ Но вышло совсем не так, как рассчитывали похитители. Кража Доброго только ускорила события, придав им видимость справедливого наказания зарвавшегося марионеточного режима. 28 апреля Ковалевский опоздал на заседание Центральной Радой.

По его словам, он жил в Святошине и вынужден был долго добираться до работы. На Бибиковском бульваре возле Владимирского собора его якобы узнал какой-то украинский офицер. Остановив автомобиль министра, он взволнованно сказал: «Прошу не їхати до Центральної Ради,

Вечером в казармах сечевиков собралось то, что осталось от Центральной Радой, — Грушевский, Порш, Коновалец и Петлюра. Министры-похитители во главе с премьером были арестованы немцами. Сбежать удалось только самому шустрому из них — Ткаченко, который и руководил похищением Доброго.

Но, по-видимому, страсть к воровству была у предводителей Центральной Радой в крови. На секретном заседании в казарме они первым делом начали обсуждать, как бы теперь украсть еще и Скоропадского. «Відділ січових стрільців, — продолжает Ковалевский, — мав непомітно дістатися на Липки, опанувати німецьку сторожу і російську старшинську охорону Скоропадського, арештувати його і вивести з Києва на деякий час, позбавивши таким чином німецьке командування кандидата до гетьманської булави».

Но довольно быстро конспираторы поняли, что у них нет никаких шансов удержаться в Киеве даже в случае успеха этой авантюры. Немцы стянули в город три пехотные дивизии. А в распоряжении Радой был только батальон сечевых стрельцов, один полк синезеленой дивизии и два батальона Богдановского полка. К тому же никто не хотел рисковать своей шкурой в героическом налете на ставку гетмана. Красть претендента на булаву, находившегося под охраной немецких штыков, казалось куда более рискованным предприятием, чем нападение на спящего банкира, которого «охраняла» только его супруга. Решили прекратить активные действия и перейти на нелегальное положение. А напоследок прихватить пять миллионов карбованцев из Госбанка, чтобы было на что продолжать борьбу.

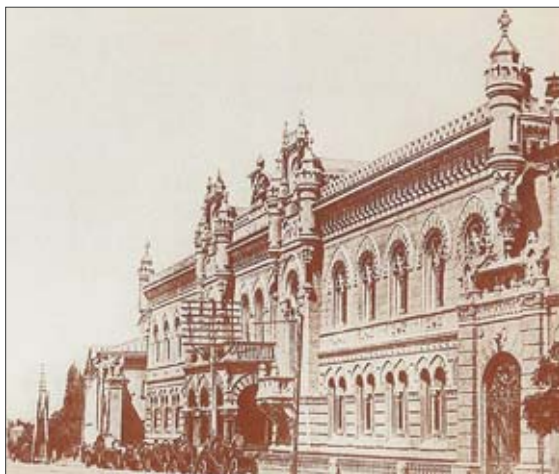

Перепуганные украинские «герои» явно переоценили возможности гетмана Скоропадского и немцев

бо самое тепер сотня німецьких солдат оточила будинок і частина солдат увійшла до зали засідань, щоб арештувати членів уряду».

У Ковалевского уже была заготовлена конспиративная квартира на Нестеровской улице. Бросившись туда, он связался с командиром сечевых стрельцов полковником Коновальцем и попытался выяснить, что делать дальше.

ЗАТО УДАЛОСЬ СВОРОВАТЬ 5 МИЛЛИОНОВ КАРБОВАНЦЕВ ИЗ ГОСБАНКА

Госбанк. В начале прошлого века он еще был 2-этажным

■ Эта акция удалась блестяще. Еще за две недели до выступления гетмана деньги были выделены на счет Министерства сельского хозяйства Ковалевского. В день переворота он послал кассира Матюху под охраной всего двух служащих в банк и там без проволок получил чемодан с наличностью. Для осторожности саквояж с деньгами был тут же отправлен еще на одну конспиративную квартиру на Мариино-Благовещенской улице. Это были средства на будущее «антигетманские повстання».

В мемуарах Ковалевского есть одна странная неточность. Вспоминая задним числом всю эту историю, он приурочил арест немцами членов правительства на 11 утра 27 апреля. Но как явствует из киевских газет того времени, например, «Народной воли», на самом деле, это событие произошло 28 апреля. И не утром, а во второй половине дня. Газета указала даже точное время — полчетвертого. Ковалевский мог забыть дату, но утро с вечером явно перепутал намеренно. Как явствует из того же но-

мера «Народной воли», в Раде удалось арестовать только директора департамента внутренних дел Гаевского. Никто из министров-похитителей на заседание не явился! Следовательно, и «опоздание» Ковалевского не было случайностью. Он никуда и не собирался ехать. Скорее всего, все члены правительства, чувствуя, что «рыльце в пушку», просто договорились не являться в этот день на заседание. Их и переловили 28 апреля по одному, начиная с премьера Голубовича. Что же касает-

ся Ковалевского, то он дал деру в провинцию и был пойман только летом. А вот с налетом на Скоропадского авантюристы из Радой прогадали. В роковую для них ночь с 28 на 29 апреля никакие немцы гетмана не охраняли. А сам он с кучкой офицеров занял банк и военное министерство. Схватить Скоропадского можно было чуть ли не голыми руками. Но у страха глаза велики. Получается, что «бесстрашные» сечевые стрельцы во главе с «героем» Коновальцем просто наложили в штаны.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Претендент ■ Кое-кто уже и этого персонажа сует в «Великие Украинцы», сожалея, что редко о нем вспоминают. Что ж, давайте вспомним удалого польского шляхтича с Волыни, ставшего в Турции пашой!

Стамбул. В столице Турции «благородный польский шляхтич» сделал обрезание и стал одним из последних европейских ренегатов на службе ислама

ЧАЙКОВСКИЙ-ПАША — ТРОЕЖЕНЕЦ И ТРОЕВЕРЕЦ

Пограничье всегда порождает удивительных мутантов. Украина как земля окраинная, лежащая на стыке трех цивилизаций — православной, католической и мусульманской, — славилась подобной человеческой «продукцией» с древнейших времен. У нас возможно все! Российские фельдмаршалы из черниговских пастухов, как Разумовские, ни разу не участвовавшие ни в одном сражении. Президенты-националисты, начинавшие верными сыновьями КПСС. Советские поэты из петлюровских «подстаршин» — тот же Сосюра, например. Наконец, хрестоматийные янычары, разговаривавшие в своих казармах на украинском языке и резавшие братьев-славян во имя веры Пророка.

Но даже среди этих перерожденцев личность Михала Чайковского заслуживает на отдельную главу в анналах истории. По самой распространенной версии, он родился в 1804 году на Волыни в семье польского помещика. До сих пор там есть его родовое село Гальчинцы на Житомирщине. После третьего раздела Польши в конце XVIII века эти земли отошли к Российской империи, но по этническому составу напоминали слоеный пирог. «Доброе» царское правительство сохранило там, как и во всей Правобережной Украине, польскую шляхту. Поэтому местные помещики разговаривали по-польски и мечтали о восстановлении Речи Посполитой, по крайней мере, по Днепр. О чем мечтали волынские мужики, разговаривавшие по-украински и посещавшие по воскресеньям православную церковь, сложнее сказать. Наверное, о новой Колиивщине, чтобы пе-

ререзать всю эту шляхту и больше не ходить на панщину.

Оградить себя от этого народа польские помещики, естественно, не могли. Вырастая в окружении украинских крестьян, они волей-неволей усваивали простонародную речь и проникались местным фольклорным духом. Таким чудачком был дедушка Михала. Он вообразил себя современником гетмана Сагайдачного и польских королей периода величия Речи Посполитой, переделал всю свою дворню на казачий лад и с утра до вечера проводил время в попойках, охотах и танцах.

К тому же в роду Чайковских проследивалась сильная склонность к безудержному вранью в духе барона Мюнхгаузена. Матерью Михала была Петронелла Глембоцкая — типичная польская шляхтянка, происходившая из рода, переселившегося на Волынь из исконной Польши в XVII

Польская усадьба. Так выглядели родовые гнезда мелких шляхтичей

веке. Никакими особыми историческими заслугами эта семья не отличалась. Поэтому они любили врать, что имеют отдаленное родство с гетманом Иваном Брюховецким — знаменитым участником Черной Рады и джурой Богдана Хмельницкого.

Еще одной семейной легендой была басня, что один из предков Чайковских — некий Чайка — погиб при ликвидации Запорожской Сечи русскими войсками. Это была совсем уж наглая выдумка эксцентричного дедушки Михала, допившегося в своей волынской глуши до чертиков. Как известно, Сечь пала без единого выстрела. Запорожцы добровольно сдались генералу Текелию, после чего разбрелись кто куда. Если мифический «прародитель» Чайковских, запорожец Чайка, и существовал, то погибнуть он мог, только спяну утонув в днепровских плавнях вокруг Сечи.

ЗА ПОЛЬСКУЮ СВОБОДУ И УКРАИНСКОЕ РАБСТВО!

■ В 1830 году поляки восстали против России. Чайковский был к этому времени уже довольно большим 26-летним балбесом, успевшим жениться, поучиться в Варшавском университете и послужить в одном из польских кавалерийских полков, входивших в русскую армию. Сейчас мало кто помнит, что после наполеоновских войн, в которых поляки воевали на стороне французов, Польша вошла в состав Российской империи под именем

Царства Польского со столицей в Варшаве. Русский царь Александр I принял присягу как польский король. Польша имела отдельные законы, парламент и, самое главное, целую армию, в которой служили ветераны все тех же наполеоновских войн, участвовавшие в походе на Москву 1812 года. Возможно, кто-то спросит: чего же не хватало полякам? Свободы? Но их у нее было больше, чем у кого-либо в Российской империи! Причи-

на восстания лежала в польском империализме. Как и русские, поляки тоже имперская нация. Они тоже претендуют на особую роль среди славянских народов. Целью польского выступления 1830 года была полная независимость и захват Украины. Но в военном отношении русская армия оказалась намного профессиональнее польской. Сам Михал Чайковский впоследствии в мемуарах вспоминал: «Польские офицеры утверждали,

что нужно знать лишь то, что есть в воинском уставе. Хотя они не жгли друг друга, но и не читали их». Русское офицерство, по его словам, «более предавалось кутежам» и «имело более светского лоска», но зато у многих русских можно было найти «сочинения по военному искусству, географические карты, планы битв, — одним словом, все, что может содействовать умственному развитию офицера». В результате более «начитанная» ар-

мия разбила ограниченных вояк, державшихся только своей уставной премудрости. К тому же русскими командовал выдающийся полководец фельдмаршал Паскевич — малороссийский дворянин родом из Полтавы. В отличие от Чайковского, он был не мифическим, а самым настоящим потомком казаков, что и доказал, взяв в 1831 году штурмом Варшаву. А Чайковский сбежал в Австрию, откуда перебрался в Париж.

История навыворот. Проиграв войну, поляки любили на картинках гоняться за «трусливыми москалями»

КАК ТАРАС ШЕВЧЕНКО ОБОКРАЛ ПЛОДОВИТОГО ПОЛЬСКОГО ПРОЗАИКА

■ Там собралась огромная колония польских шляхетских эмигрантов, которых Франция, по меткому выражению Чайковского, встретила «как остатки великой армии Наполеона». Самым известным из этой бродячей компании был поэт Адам Мицкевич. Волынский помещик-казакофил сдружился с ним и, возможно, не без воздействия этого более знаменитого собрата, одну за другой стал строчить исторические повести на польском языке. Сейчас эта продукция Чайковского прочно забыта. А тогда он был очень популярным беллетристом. В его прозе словно ожила безудержная брехня его полупомешанного деда. Казаки, девчата, гайдамаки многочисленными бандами забегали по страницам прозаических творений эмигранта.

Об исторической достоверности он не заботился. Зато брал бойкостью пера и, как сказали бы мы сейчас, страстью к фальсификациям. Именно Чайковский придумал в романе «Вернигора» убийство Иваном Гонтай своих сыновей во время Уманской резни 1768 года. Исторический Гонтай ничего подобного не совершал.

Но выдумка Чайковского стала самым известным мифом, порожденным его фантазией. Хотя сейчас никто и не помнит его авторства. Как раз из романа Чайковского позаимствовал этот сюжет и Тарас Шевченко, использовав его в поэме «Гайдамаки».

Но литературная деятельность скоро наскучила Чайковскому. Хотелось живого дела — постричь русских голов, полить русской кровушки! Такая возможность скоро представилась. В начале 40-х годов писатель-кавалерист по поручению своих друзей отправился в Турцию. Поляки-эмигранты, оказавшиеся без страны, которую можно было бы эксплуатировать, мечтали захватить престол Черногории. Когда эта попытка не удалась, Михал Чайковский выдвинул новый проект — федерация славянских народов под протекторатом Турции! Для обоснования этой идеи он даже раскопал, что по женской линии султан является отдаленным потомком королей Сербии, так как когда-то одну из

сербских принцесс этим османским разбойникам удалось затащить в гарем своего предводителя.

Додуматься до такого могла только польская политическая мысль. Казалось бы, имели автономию в составе России. Затеяли войну. Все потеряли. А теперь были готовы выпрашивать ту же автономию у турок! Правда, для этого нужно было еще победить Россию.

Чайковский вспомнил, что где-то на Дунае еще доживают потомки запорожцев, сбежавшие в 1775 году от Екатерины II и создавшие Задунайскую Сечь под рукой высокого султанского величества. Правда, в 1828 году, во время очередной войны России с Турцией, большая часть этих «задунайских запорожцев» дернула назад в Россию в объятия царя-батюшки Николая I. И даже помогла ему форсировать Дунай. Атаман Гладкий лично тогда правил царской лодкой, переправляющейся на турецкую сторону, за что и получил монаршескую благодарность.

**Кобзарю
понравилось,
как Чайковский
оклеветал
Ивана Гонта**

ИЗ РУМЫН И ЦЫГАН ТУРКИ НАКЛЕПАЛИ ЗАПОРОЖЦЕВ

■ Но какие-то дезертиры, как предполагал Чайковский, еще должны были прятаться в дунайских камышах, промышляя браконьерством. Из этих бродяг предприимчивый шляхтич предложил султану сформировать «православный казачий полк». Проблема была только в том, что сама Российская империя давно уже требовала выдачи беглого Чайковского как своего подданного. Чтобы избежать принудительной высылки в Россию, пан Михал стал турецким подданным, а заодно сделал обрезание, приняв ислам. Султан Абдул-Меджид, видя такую жертву, не мог не поверить в чистоту помыслов нового слуги престола. Полк он разрешил формировать.

Вот как описывает Чайковский личный состав своих «запорожцев» в воспоминаниях: «Первую и третью сотню я набирал в Стамбуле; командиром первой сотни я назначил Людовика Пиотровского, из венгерских улан, а командиром третьей сотни — Каэтана Ходыльского-Остоя, бывшего инженера. В казачий полк поступило человек около двадцати поляков; мне дали также четырех дезертиров из русского войска, остальных надобно было набрать из болгар, сербов, босняков и прочих славян. Ко мне приехал, с целью поступить в казаки, молодцеватый офицер русского войска, отставной гвардии поручик князь

Бзеделах, родом кабардинец, и румынский дворянин Дмитрий Кречулеско. Более двадцати болгар-разбойников, сидевших в тюрьме, подали прошение о принятии их в мой полк, заявляя о своем желании испить свою вину, сражаясь за султана и за Турцию».

В полку были даже конные цыгане — все кто угодно, только не запорожцы! Зато из хранилища в Стамбуле вытащили старый флаг Задунайской Сечи: «Я устроил церемонию торжественной передачи... На двцветном знамени, на красном поле был изображен серебряный мусульманский полумесяц, а на белом поле — золотой православный крест». Цыганско-польско-сербско-болгарский полк двинулся через границу покорять Россию — как раз в это время разгорелась Крымская война.

Несмотря на состав воинства, Чайковский писал, что его полк «был возродившимся славным запорожским войском или войском польского короля и республики, состоявшим на службе султана, союзника Польши. Это церемония, после которой наш полк стал пользоваться историческими правами и привилегиями бывшего запорожского войска, должна была, по моему мнению, произвести сильное впечатление на поляков и повлиять на их политические взгляды. К сожалению, этого не случилось».

Поет в поиске. Мицкевич с Чайковским едут за холерой для классика

ЗА ПОМЕСТЬЕ ПОД ЧЕРНИГОВОМ САДЫК-ПАША ПРОДАЛ ИСЛАМ

■ И не могло случиться! Даже польские эмигранты крутили пальцем у виска. Давно не было на свете ни польского короля, ни польской республики. А предприятие Чайковского напоминало игру его деда в запорожцев. Только Адам Мицкевич (чего взять с поэта?) приехал на зов нового «гетмана» в Турцию и тут же помер от холеры в потоках экскрементов.

В Стамбуле Михал во второй раз женился. Церемония прошла по магометанскому обряду. Избранницей авантюриста оказалась дочь ректора Виленского университета Людовика

Снядецкая — польская дама, влюбившаяся в русского морского офицера Корсакова и занесенная волею судьбы в столицу Турции.

Через несколько лет после окончания Крымской войны «цыганская» армия Чайковского была распущена, успев, правда, поучаствовать в подавлении очередного болгарского восстания. Сам же полководец, имевший звание «мирь-мирь-паши», данный, как он пишет, «кошевому атаману запорожского войска при переходе его в Турцию», оказался без должности. Только с пен-

сией в 60 тыс. пиастров. Султан, покровительствовавший ему, умер. Надвигалась старость, бессилие и тоска.

Вдруг в 1872 году Чайковский переходит в православие, возвращается в Россию и поселяется в Киеве. Царское правительство дарует ему прощение и поместье Борки в Черниговской губернии. Нужно быть таким добряком (или дураком?), как Александр II, чтобы подарить все это человеку, всю жизнь посвятившему пакостничеству против его империи! Поговаривали, что в возвращении Чайковского основную

роль сыграл посол в Константинополе граф Николай Игнатьев, который таким образом ликвидировал эмигрантские антирусские очаги за границей. Однако «покупка» Чайковского вряд ли относилась к выгодным сделкам — на тот момент он явно относился к категории «просроченный товар».

В России Садык-паша опубликовал огромные болтливые мемуары, которые вышли с продолжением сразу в двух журналах — «Киевской старине» и «Русской старине». И в очередной раз женился на мо-

лоденькой барышне. Но неравный брак не принес ему счастья. Жена изменяла мужу с управителем, и старый 80-летний Михал Чайковский застрелился в ночь с 5 на 6 января 1884 года, точь-в-точь повторив судьбу графа Яна Потоцкого — еще одного «украинофила», автора всемирно известного романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Тот покончил с собой серебряной пулей, которой убивают оборотней, чтобы больше не возвращаться на эту землю. Воистину, «любовь» к Украине никогда не приносила полякам ожидаемых выгод!

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

«БУЗА» В ПАРИЖЕ 1968 ГОДА

Бренд ■ Обычно эти события называют «студенческой революцией». А еще — «красным маем»

На самом деле, май был розовым, а революция — ее имитацией. Машин на улицах сожгли много. «Евромюр» переколотили еще больше — как студенческих «прогрессивных» физиономий, так и полицейских реакционных рыл. Но страну так и не перевернули.

К тому же университетские беспорядки в Париже в мае 1968 года были не началом кризиса, а его развязкой — прыщом, который, наконец, прорвало. На протяжении всего послевоенного периода Францию то и дело трясло от социальных катаклизмов. Страна болезненно переживала потерю статуса великой державы. Она тяжело расставалась с колониями — Вьетнамом и Алжиром. Воевать за них не хотелось. Отпускать — было жалко. Парламентская республика погрязла в бесконечных сменах правительств и безответственности. Все искали «сильную руку». Но когда такая рука нашлась — генерал Де Голль, которого в 1958 году специально вытащили из политического забвения, — ожидаемый покой так и не наступил.

Это сейчас Де Голль — национальный герой и «спаситель Франции». А при жизни это был довольно вредный политикан, на дух не переносивший соперников и вравший всем направо и налево. Консерваторам он обещал сохранить колониальную империю, прогрессистам — хранить верность демократическим принципам. В результате, надоел и тем, и другим. Алжир — оставили. Зато внутри самой Франции установился авторитарный режим престарелого генерала, который, казалось, собирается жить вечно.

Недовольство им нарастало со всех сторон. В середине 60-х Де Голля несколько раз пытались кокнуть офицеры-заговорщики, искренне и справедливо считавшие его «предателем». Вредная французская интеллигенция, всегда симпатизировавшая социалистическим идеям и недолюбливавшая буржуазию, тоже посмеивалась над выжившим из ума дедуганом.

К старым властителям дум — болтунам от философии Сартру и Камю, любившим порассуждать о бессмысленности бытия и «бунтующем человеке», — в конце 60-х добавились новые — так называемые «ситуационисты» и, как ни странно, Мао Цзэдун — далекий китайский диктатор, который в Париже почему-то воспринимался символом свободы и перемен. Можно только представить, какая каша варилась в мозгах студентов Сорбонны весной 1968-го!

Идеологическим вождем «ситуационистов» был некий Ги Дебор, за год до беспорядков выпустивший книгу «Общество

«Народное гуляние». На Елисейских полях в Париже во время пика майских выступлений 1968 года

Полицейский героизм. Один — воин не только в поле, но и на парижской улице, захваченной толпой

спектакля». Он справедливо обвинял французское общество в двуличии и вранье. По его учению выходило, что Франция давно уже достигла товарного изобилия, работать теперь нужно поменьше. А еще лучше — совсем не работать или подходить к станку, только когда очень уж захочется размять кости.

Социальную революцию Ги Дебор собирался заменить «революцией повседневной жизни». Он предлагал перестать платить налоги, подчиняться властям, законам и устаревшим нормам морали. Всем нужно срочно заняться «свободным творчеством» — вот тогда и наступит настоящий коммунизм.

Что же касается интеллектуального наследия Мао Цзэдуна, то французским студентам очень понравилось, как этот желтолицый мудрец из красного Китая натравил своих собственных недоучек-хунвейбинов на партийную бюрократию. Выдвинув лозунг: «Огонь по штабам!» — Мао в 1966 году предоставил даже старшеклассникам право инспектировать и наказывать вплоть до ссылки в провинцию заплявывших начальственным жирком чиновников-коммунистов. Чистить сараи в деревне и подмывать конские хвосты пришлось даже будущему творцу китайского экономического чуда Дэн Сяо-Пину.

Буржуазная французская пресса много писала об экзотических экспериментах Мао Цзэдуна в области политического менеджмента. А парижского студента жаба давила — какой-то китайский школьник заходит в присутственное место и выволакивает за шиворот местного князька, а ты в это время должен бояться старого профессора-маразматика и готовиться к сдаче экзаменов. Однако французские идеалисты не догадывались, что импульсивный, на первый взгляд, взрыв хунвейбинов — это управляемая реакция. «Молодогвардейцы» Мао ходили туда, куда их направляли. И делали то, что приказывали. Хотя им и казалось, что все это происходит только по их собственному желанию, к которому прислушался верховный вождь.

В Париже такого вождя не было. Собственных французских буйных не доставало. Наверное, все-таки сказались потери нации в Первой мировой войне. В 1914 — 1918 гг. французы потеряли в процентном отношении мужчин больше, чем любой другой народ в Европе. Даже немцы оказались только на втором месте. Для того чтобы подниматься в атаку на пулеметы, нужно быть незаурядным отмороженным. Настоящие сорвиголовы погибли за полвека до майских беспорядков 1968-го, не дав потомства. Это изменило генетический состав этноса. Отсюда и вялость французских солдат во Второй мировой, и пораженческие настроения во время колониальных войн во Вьетнаме и Алжире, и нынешняя усталость родины большинства европейских революций прошлого. Теперь там если кто и буянит по-настоящему — так это эмигранты-арабы.

субботние истории для взрослых от Олеся Бузины

ДВЕ ДУШИ ГОГОЛЯ

Накануне ■ В будущем году выпадает 200-летие великого писателя. Поэтому уже сегодня его пытаются «ревизовать»

Одно из киевских издательств даже выпустило фальшивый перевод «Тараса Бульбы» на «державну мову», заменив во всех местах, где у Гоголя было «Русь» и «русский» на «Украина» и «украинский».

Задним числом продажные «литературознавці» лепят из Николая Васильевича чуть ли не скрытого бандеровца с фигой в кармане, утверждая, что он писал по-русски только потому, что боялся. Они меряют все по себе. Еще вчера защищая лживые диссертации, пересоленные цитатами из классиков марксизма-ленинизма, эти персонажи никак не могут поверить, что есть на свете такое качество, как искренность.

МОНАРХИСТ. В отличие от них, Гоголь этой способностью обладал. И что бы о нем сегодня ни врили, он был ИСКРЕННИМ монархистом и патриотом Российской империи. При этом никогда не отрицавшим свои, как он говорил, «хохлацкие» корни.

Ни один писатель в русской литературе не добивался успеха так рано, как этот уроженец села Сорочинцы. «Вечера на хуторе близ Диканьки» изданы, когда их автору было всего 22. А писал он их двадцатилетним! Сборник «Миргород», куда вошли четыре повести, среди которых «Тарас Бульба» и «Вий», вышел в 1835 году. Гоголю едва исполнилось 26. Через год не только написан, но и уже поставлен в Петербурге и Москве знаменитый «Ревизор». Как же у него это получилось?

Начнем с того, что Николай Васильевич с детства был двуязычным, как и подавляющее большинство потомков казачьей старшины, ставшей во времена Екатерины II российскими дворянами. О роли русского языка в этом кругу говорит тот факт, что даже то произведение, которое считается предтечей украинского национализма, — «История русов» — написана на рубеже XVIII—XIX веков не по-украински, как было бы логично предположить, а по-русски!

Так на каком же языке было творить Николаю Васильевичу? Любому писателю необходимы читатели. И чем их больше, тем лучше. Если бы Гоголь хотел остаться понятым только соседям-помещикам с Полтавщины или Черниговщины, он бы, подобно Котляревскому или своему отцу, сочинявшему маленькие комедии для домашнего театра, выбрал малороссийский диалект. Но ему не терпелось быть услышанным всей Русью — той самой, что птицей-тройкой неслась тогда от Аляски до Варшавы.

И ЗАМЫСЕЛ УДАЛСЯ! Если недавно «Тараса Бульбу» с Жераром Депардье мечтал снять в Киеве Виктор Ющенко, а в Москве фильм с таким же названием уже завершает украинец по происхождению Бортко, а мои знакомые польские журналисты сразу же обращают внимание на то, что каждый сезон в Киевской опере традиционно открывается все тем же «Бульбой», значит, Гоголя услышали. Что интересно, замечательный фильм «Огнем и мечом» снял не так давно на казачью тему Ежи Гофман. Но украинцы в нем для поляков — все равно враги. А Бульба для России — такой же русский герой, как Суворов или Иван Сусанин. Он для нее — «свой». И это говорит, что ментальные связи внутри восточно-славянской цивилизации не разорвали никакие границы после 1991 года.

Николай Гоголь. Всем знакомое хрестоматийное изображение

Находка из Европы. Возможно, неизвестный портрет Гоголя

«РЕАКЦИОННЫЙ» ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I ЛИЧНО ПРОТОЛКНУЛ «РЕВИЗОРА» НА СЦЕНУ

■ В советские времена не афишировали, что мгновенным взлетом к вершинам славы Гоголь был обязан покровительству лично императора Николая I. В 1830 году начинающий писатель познакомился с известным издателем Плетневым, а через него со всей литературной аристократией Петербурга — вплоть до Пушкина и Жуковского. Через Жуковского, служившего воспитателем царских детей, модно было решать любые проблемы — главное было шепнуть строгому, но отзывчивому Николаю I просьбу в нужный момент.

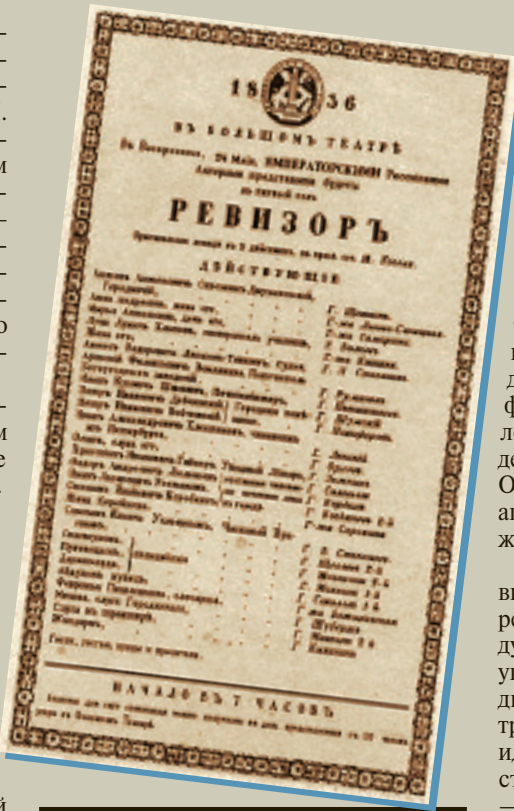
Появление «Ревизора» на сцене объясняют едва ли не чудом. Между тем чудо имело вполне реалистическое объяснение — царское повеление. В изданной в 1877 году «Хронике петербургских театров» хорошо информированный А. И. Вольф приоткрыл закулисную тайну: «Гоголю большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении цензура перепугалась и строжайше запретила ее.

Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. «Ревизор» был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его прочитать. Граф, говорят, читал прекрасно; рассказы Добчинского и Бобчинского и сцена представления чи-

новников Хлестакову очень понравилась, и затем по окончании чтения последовало высочайшее разрешение играть комедию».

«Государь читал пьесу в рукописи», — свидетельствует Вяземский. После этого события развивались молниеносно. В марте 1836 года цензура разрешает «Ревизора» к постановке, а 19 апреля следует премьера. Умный царь, понимая, что народу требуются зрелища, присутствует на первом представлении лично. «Государь был в эполетах, — вспоминает фрейлина Смирнова, — партер был ослепителен, весь в звездах и других орденах. Министры сидели в первом ряду. Они должны были аплодировать при аплодисментах государя, который держал обе руки на барьере ложи».

Такого Российская империя еще не видела — сам царь на премьере. Лучшей рекламы пьесе невозможно было придумать. Цензор Никитенко (еще один украинец в Петербурге) записывает в дневнике: «Государь даже велел министрам ехать смотреть «Ревизора». Пьеса идеально вписалась в русло правительственного курса борьбы с коррупцией — взяточники непременно будут наказаны, настоящий ревизор обязательно явится, как в финале комедии. Все отличившиеся актеры получили из дворца подарки, некоторые — прибавку к жалованью. А Гоголь — возможность проветрить гениальные мозги в путешествии за границу.

Цензор Никитенко:

«Государь даже велел

министрам ехать

смотреть «Ревизора»

ПУТЕШЕСТВИЯ ПИСАТЕЛЯ ПО ЕВРОПЕ БЫЛИ ЩЕДРО ОПЛАЧЕНЫ ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, ЦЕНИВШИМ ТАЛАНТЫ

■ Особенно Николаю Васильевичу понравилось в Риме. «Вся Европа для того, чтобы смотреть, — утверждал он, — а Италия для того, чтобы жить». Ему нравится тут все — климат, архитектура, памятники старины, даже язык.

«Говори по-французски, — советует он своему другу детства Данилевскому из Рима и добавляет: — Или на нашем втором родном языке, то есть по-итальянски». Вот, оказывается, какой язык он считал вторым родным!

Но для того, чтобы годами жить в Италии, необходимы деньги. Автор «Ревизора» нашел их все у того же безотказного доброго царя. А замолвить за себя словечко попросил все того же Жуковского. «Найдите случай и средства указать как-нибудь государю на мои повести, — писал ему Гоголь в 1837 году из Рима, — если бы их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется прямо от души».

Письмо Гоголя к самому императору, о котором он сообщает

Жуковскому, долго считалось неизвестным. Его опубликовали только в 2000 году в сборнике «Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары».

ПИСЬМО ГОГОЛЯ.

«Всемиловейший Государь! — зывал Гоголь. — Простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, держащему возносить к Вам незнаемый голос. Находясь в чужой земле, среди людей, лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю? Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупницу таланта, их гонят, — но венценосные властители становились их великодушными заступниками. Вы склонили Ваше царское внимание к слабому труду

моему, тогда, как против него неправо восставало мнение многих. Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного и слезы, каких человеку редко дается вкушать на земле, струились по челу его... Я болен, я в чужой земле, я не имею

Гоголь царю:
«Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного»

Рим. Любимый город автора «Мертвых душ» требовал средств

Гоголь в 1845 году. Писатель снялся в Италии среди молодых русских художников, обучавшихся там за государственный счет

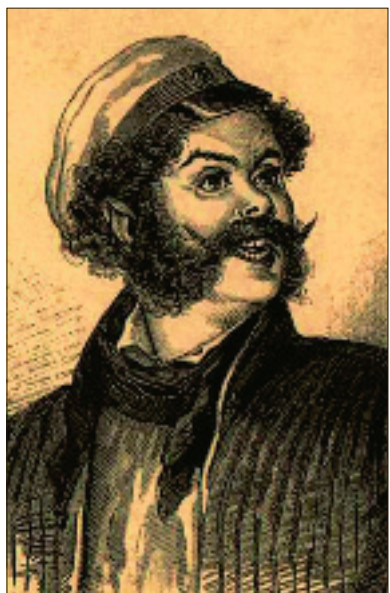
ничего — и молю Вашей милости Государь: ниспошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность моего существования. Клянусь, это одна только причина, понудившая меня прибегнуть к стопам Вашим...

Проникнутый глубоким чувством благоговения к особе Вашего императорского величества
Ваш верноподданный,
исполненный русской любви
к своему Государю
Николай Гоголь.
Рим 1837, Апреля 18/6».

Двойная цифра «18/6» означает, что писатель датировал свое послание и по новому европейскому, и по старому русскому стилю.

10 ПОЛКОВНИЧЬИХ ОКЛАДОВ!

Результатом этого прошения стало императорское пособие писателю в размере 5 тысяч рублей — сумма по тем временам огромная, равнявшаяся десяти (!) годовым окладам полковника. Через некоторое время подруга Николая Васильевича фрейлина Смирнова ходатайствует перед императором еще об одном «вспоможении», необходимом для завершения «Мертвых душ». И его снова выдают — сроком на три года. По тысяче рублей ежегодно, чтобы не прогулял одним махом.

Ноздрев. Списан с графа Толстого

Толстой. Очень обижался на Гоголя

АМЕРИКАНЕЦ О ГОГОЛЕ: «ЕГО СЛЕДУЕТ В КАНДАЛАХ ОТПРАВИТЬ В СИБИРЬ!»

■ Споры о том, какая была у Гоголя душа, русская или украинская, бессмысленны. Он сам не мог сказать точно. В письме той же Смирновой 12 декабря 1844 года писатель отвечал: «Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитывались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Иными словами, противопоставление русского и украинского писатель считал бессмысленным. Действительно, не понятно, где заканчивается первое и начинается второе. Одно мягко и незаметно перетекает в другое.

Но желающие искать эту разницу всегда находились и в России, и в Украине. Видать, не дал Бог им много таланта! Говоря о недоброжелателях, пытавшихся препятствовать ему, Гоголь не преувеличивал.

Среди них особенно выделялся комичной колоритностью граф Федор Толстой по кличке Американец. Друг писателя Аксаков даже вспоминал, что Толстой однажды заявил, будто Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». Еще один пример недоброжелательности Толстого приводит в письме к Николаю Васильевичу Смирнова: «Разговорились о духе, в

Фрейлина Смирнова:
«Толстой говорил, что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев»

котором написаны ваши «Мертвые души», и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда, как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не

гадка именно потому, что она хохлачка».

Характерно, что Толстой обиделся именно на образ Ноздрева. Наверное, именно из-за сходства с самим собой. Графа Федора любил выводить комедиографы. Он был карточный шулер, дуэлянт, вун, пустивший сплетню, что Пушкина выпороли в полицейском участке. В «Горе от ума» Грибоедов описал его под именем того персонажа, который «крепко на руку не чист». Обидевшись, Толстой пенял Грибоедову, что нужно было написать: «в картишках на руку не чист», чтобы не думали, будто он ворует серебряные ложки в гостях.

Естественно, драчун Ноздрев,двигающий сразу по три шашки во время игры с Чичиковым, очень напоминал Толстому самого себя. Вот он и обиделся, заговорив об оскорбленном национальном чувстве. Хотя трудно понять, чем тупая, как пень, помещица Коробочка (по выражению Гоголя, «дубинноголовая») симпатичнее Ноздрева?

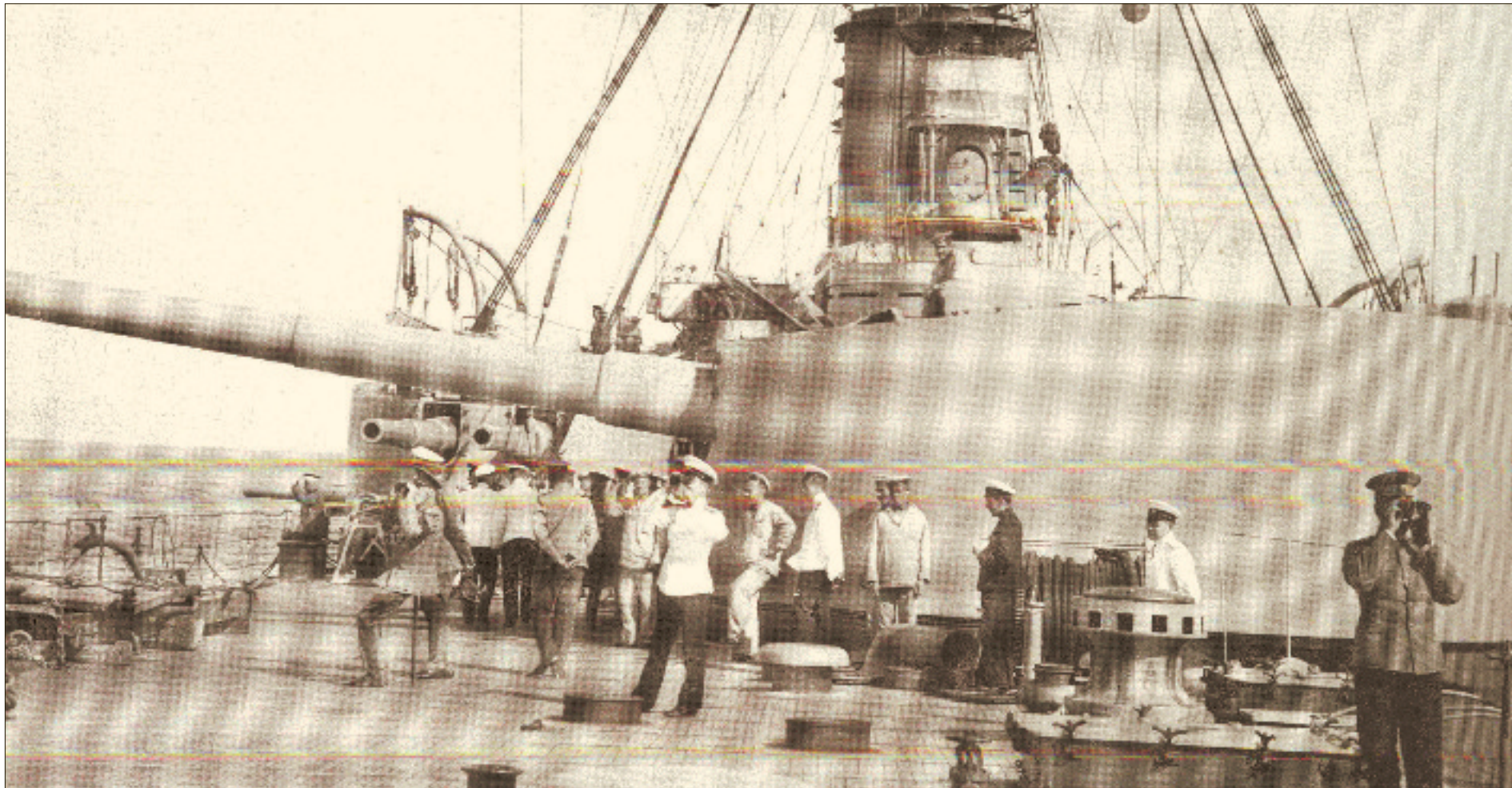

ПИСАТЬ ТОЛЬКО ПО-РУССКИ!

► Свои излюбленные мысли о том, на каком языке следует писать, автор «Тараса Бульбы» высказывал неоднократно. В том числе своим землякам. Писатель Григорий Данилевский оставил воспоминания «Знакомство с Гоголем», не переиздававшиеся с дореволюционных времен. Он приводит такие слова Николая Васильевича: «Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святая — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан... Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная — нетленная поэзия правды, добра и красоты... Русский и малоросс — это души близнецы, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной, в ущерб другой, невозможно. Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни».

субботние истории для взрослых от Олеса Бузины

Без пиара ■ Если теракт удастся, как в случае со Столыпиным или Кеннеди, он становится известным всем. Но история знает множество провалившихся покушений, которые ускользнули от общественного внимания

Крейсер «Рюрик». Офицеры и матросы корабля сфотографировались на фоне носовой башни главного калибра во время подготовки к учебным стрельбам. 1910-й год

КРЕЙСЕР-ЦАРЕУБИЙЦА

Одной из таких темных историй стала попытка убийства эсерами Николая II на крейсере «Рюрик» в 1908 году. Только что построенный в Англии по русскому заказу новейший броненосный корабль ожидал в Кронштадте царского смотра. По весу бортового залпа он в четыре раза превосходил любой аналогичный русский крейсер, входивший в состав флота. Длинный 160-метровый корпус, выкрашенный в защитный серый цвет, поражающий стремительной мощью. Три приземистые дымовые трубы, боевая рубка, защищенная толстой броней, шесть башен с десяти- и восьмидюймовыми орудиями, вытянутыми длинными стволами, — «Рюрик» казался олицетворением возрождающейся империи, недавно выдержавшей первую революцию и войну с Японией, пережившей поражения под Цусимой и Мукденом, но не сломленной ни внешним, ни внутренним врагом и вновь набравшей силу.

Паровой катер с Николаем II приближался к борту. Уже была видна золотая славянская вязь названия крейсера на корме — «Рюрик». Выстроившаяся на палубе команда (матросы — в синих фланелевых рубашках и черных брюках, офицеры — в парадных треугольных шляпах и при саблях, а не кортиках) трепетно ожидали высочайшего гостя. И только двое из застывших в общем строю испытывали волнение иного рода. Ибо им сейчас же, при всех, предстояло убить импе-

Николай II. Вдоль парадного строя

Азеф. Террорист-электротехник

Савинков. Главное орудие Азефа

ратора, о чем ни царь, ни его свита, да и никто на всем корабле, не догадывались. Вот над бортом показалось знакомое всем по фотографиям императорское лицо с рыжеватой бородкой и слегка подкрученными усами — еще мгновение и... Но выстрелы все не звучали. Почему?

В начале XX столетия, казалось, снова воскресли времена «Народной воли», взорвавшей Александра II прямо на петербургской улице. В 1902 году разрозненные подпольные группы создают партию социалистов-революционеров. Основным пунктом ее программы стала ликвидация помещичьей собственности на землю и передача ее крестьянам, а главным методом борьбы — бомба. Пока эсеровские теоретики вроде «бабушки русской революции

Брешко-Брешковской» обсуждают за границей общие основы справедливого переустройства мироздания, в России с ведома ЦК возникает Боевая организация партии. Вот в ней-то собираются практики — люди живые и активные. Например, известный по истории революции и советскому фильму «Трест» сын харьковского судьи Борис Савинков, заявивший как-то своему знакомому по подполью Соколову: «Мне все равно, — максималист вы, анархист или социалист-революционер. Мы оба террористы. В интересах террора — соединение Боевой организации с ва-

шей. Что вы имеете против этого? Мы, террористы, не можем расхотеть из-за вопроса о социализации фабрик и заводов».

Таких «широко мыслящих», а главное, с размахом действовавших персонажей среди эсеров хватало. Во главе Боевой организации стоял Евно Фишелевич Азеф по кличке «Толстый». Сын портного из-под Гродно, родившийся в 1869 году, он одновременно был террористом и агентом охраны. Исследователи до сих пор спорят, на кого он работал эффективнее — на революцию или на контрреволюцию?

**Азеф научился
делать бизнес
на борьбе
с царским
строем**

По-видимому, все-таки — на себя. Начав карьеру кражей 800 рублей и бегством в Германию, где попытался приобрести модную по тем временам профессию инженера-электротехника, Азеф скоро сообразил, что можно делать «гешефты» на противоборстве полиции и подполья. Он сам предложил охранке стать осведомителем о студентах из России, учившихся в том же политехническом институте в Карлсруэ, что и он. В Департаменте полиции инициативу оценили. Вскоре Азеф стал получать жалованье в двух местах — 150 рублей ежемесячно от своих начальников из охраны (второе больше жалованья подпоручика) и трудно поддающиеся исчислению суммы от загадочных спонсоров русской революции — как изнутри России, так и из-за океана, даже из США.

Великий князь Сергей (справа). Еще не догадывается, что его взорвут

«МУКДЕН ПАРТИИ ЭСЕРОВ»

■ Толстый сдавал полиции тех, кто мешал его росту внутри эсеровской иерархии. Выдав своего предшественника на посту руководителя Боевой организации Гершуни, он лично возглавил ее. А дальше началось невообразимое — 15 июля 1904 года на Измайловском проспекте Петербурга был убит министр внутренних дел (и, следовательно, шеф Азефа по полицейской службе) Плеве. Министра уничтожила группа Савинкова. Его выследили, высчитали график служебных поездок, а потом «металыш» Сазонов подорвал карету «царского сатрапа» брошенной под колеса бомбой.

В феврале 1905 года настал черед генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича — дяди Николая II. И снова удачи достигла группа Савинкова — «адская машина», как называли тогда взрывной снаряд, буквально разнесла жертву на куски у Никольских ворот Кремля. Подчиненный Савинкова Каляев, бросивший бомбу и легко раненный взрывом, был схвачен полицией на месте и повешен по приговору суда. Но он никого не сдал. Сам же Азеф оправдывался перед своим руководством в охранке, что ничего не знал об обоих терактах. Каляева он назвал одиночкой, действовавшим без санкции партии — по собственной инициативе. А накануне убийства Плеве даже специально уехал за границу, дабы иметь алиби.

Ему поверили. Тем более что буквально вслед за убийством Сергея Александровича Азеф выдал охранке все петербургское отделение Боевой организации эсеров, готовившее покушение на губернатора Трепова.

Жандармы арестовали сразу два десятка террористов. Газеты назвали этот успех полиции «Мукденом партии эсеров» — как раз незадолго до этого русская армия потерпела под этим городом в Манчжурии поражение от японцев. Разгром боевиков казался общественному мнению таким же впечатляющим.

Никогда еще репутация Азефа не стояла так высоко по обе стороны баррикад тайного фронта. Организация убийства Плеве и великого князя сделала его настоящим героем для эсеровского ЦК — теперь руководству партии было ради чего выпрашивать новые инвестиции у спонсоров. А предотвращение покушения на Трепова упрочило авторитет Толстого как ценнейшего агента в секретной полиции — ежемесячное жалованье Евно Фишелевича выросло до 1000 рублей. Он мог свободно передвигаться по Европе и планировать новые акции, оправдывающие его существование. Новой идеей «великого комбинатора» стала организация теракта на крейсере «Рюрик».

ПРОЕКТ ЭСЕРОВСКОГО «НАУТИЛУСА»

► Изобретательный Азеф выдвинул еще более передовой план цареубийства. Он предложил эсеровскому ЦК или купить аэроплан и взорвать царя с помощью бомбы, сброшенной с воздуха, или тайно построить в Скандинавии маленькую подводную лодку и шарахнуть по царской яхте торпедой! Обе авантюры требовали мощных капиталовложений в революцию и сулили Евно Фишелевичу как посреднику хорошую прибыль. Но и

Азеф в ЦК: «Нам бы подводную лодочку!»

«ТИТАНИК» ПО-РУССКИ: УДАР ПО «РЮРИКУ»!

■ Вот как описывает в «Воспоминаниях террориста» рождение этого замысла Борис Савинков: «В городе Глазго, в Шотландии, на кораблестроительном заводе Вилкинсона строился русский бронированный крейсер «Рюрик». Один из корабельных инженеров, К.П. Костенко, был членом военной организации партии социал-революционеров. По его инициативе и под его руководством началась революционная пропаганда среди матросов строящегося крейсера». Через него же Азеф начал выбирать подходящую кандидатуру из команды «Рюрика» для цареубийства.

Костенко даже помог Азефу «с разрешения командира судна, не подозревавшего, конечно, с кем он имеет дело, посетить «Рюрик». По первоначальному плану, террорист должен был тайком проникнуть на корабль. «Рюрик», — пишет Савинков, — уходил в конце лета в Россию, и осенью, в Кронштадте должен был состояться смотр в присутствии царя. Мы хотели поместить на корабле кого-нибудь из товарищей: Карповича, меня или кого-либо из членов Боевой организации. Конечно, пребывание на крейсере должно было быть тайным. Но чтобы сесть на корабль и жить на нем тайно, необходима была помощь, по крайней мере, одного из матросов. В румпельном отделении, в отсеке, за головой руля, было несколько темных и узких отверстий. Сидя на корточках и полулежа, там можно было просидеть несколько дней. Если само помещение было неудобно, зато выход из него представлял все удобства: прямо из румпельного отделения через палубы шел вентилятор. Внутри этого вентилятора была лестница. Выйдя из отсека и поднявшись с бомбой по лестнице, можно было взорвать адми-

ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ ПРОСТОГО СОВЕТСКОГО ИНЖЕНЕРА

■ Инженер Костенко — личность широко известная в советской истории. Новиков-Прибой вывел его в «Цусиме» под именем инженера Васильева, а известный кораблестроитель адмирал Крылов частенько вспоминает в своих мемуарах. Правда, или Савинков, или редактор немного перепутали инициалы этого героя. На самом деле, Костенко звали Владимир Полиевктович — то есть В.П., а не К.П. Но никакого другого Костенко на «Рюрике» в тот момент не было. Он даже получил высокую оценку от своего начальства по Морскому ведомству за усовершенствование орудийных башен крейсера. В советские времена Владимир Костенко сделал неплохую карьеру. Он занимал должности начальника управления промышленностью Украины при Высшем совете народного хозяйства СССР в Харькове, а потом до самой смерти в 1956 году занимался судостроением в Ленинграде. Было даже понятие «суда типа Костенко». Да и сам Владимир Полиевктович оставил интереснейшие мемуары «На «Орле» в Цусиме» — о своих приключениях во время русско-японской войны. Но о бурной эсеровской молодости этого уроженца села Великие Будищи на Полтавщине ни он, ни официальные справочники не упоминали.

«Рюрик». В 1908 году — самый мощный крейсер императорского флота

ральское помещение, мимо которого шел вентилятор. Можно было взорвать и верхнюю палубу, именно ту, где и происходит смотр: гриб вентилятора выходил у правой кормовой башни. Теперь, когда место было найдено, нужно было решить другой вопрос, — задачу посадки на корабль».

Рейд охранялся миноносцами. Их бдительность можно было обмануть. Но обвести вокруг пальца вахту «Рюрика», не представляло никакой возможности. Азеф, специально приехавший в Глазго, осмотрел потайной

отсек и все неровности борта, дающие возможность подняться на корабль. Но и он, по словам Савинкова, пришел «к тому же выводу, что и мы: в отсеке можно было жить, но невозможно было тайно подняться на «Рюрик». «Из серой толпы команды, — продолжает Савинков, — выделялись три человека: трюмный квартирмейстер Котов, строевой матрос Поваренков и машинист Герасим Авдеев. Все трое входили в комитет корабельной организации. С ними мы и решили познакомиться ближе».

Поваренков — «маленький коренастый хохол» мало интересовался террором. Он верил только во всеобщее восстание флота. Говорить о цареубийстве с Котовым — «пропагандистом по призванию» — заговорщики даже не решились, настолько он напичкал «чистый тип учителя-подвижника». Зато Авдеев — высокий коренастый матрос, подумав, заявил: «Я сам, один, на смотру убью царя. Я чувствую, что должен это сделать». И попросил дать ему револьвер. «Мы не считали возможным отказать ему в этой просьбе», — завершает Савинков. Кроме Авдеева, убить царя вызвался еще один матрос — вестовой Каптелович. Выдали револьвер и ему.

«Рюрик» ушел из Глазго. Савинков получил письмо от Авдеева: «Я теперь глубоко, серьезно подумавши, представляю себе представление порученной мне задачи. Я говорю, что я пушка, которую заряди да и выпали из нее. Я чувствую, что я закалил пружину, и теперь эту пружину приходится сильно гнуть, боюсь, как бы не сломать ее... А может быть... Нет, одна минута разрешит более целых месяцев». Это путаное послание заставило организаторов покушения задуматься, сможет ли матрос совершить обещанное? Хватит ли у пружины сил сохранить завод до Кронштадта?

В октябре в Кронштадте состоялся высочайший смотр на «Рюрике». Николай II поднялся на борт корабля, и в ответ на его приветствие вместо выстрелов грянуло дружное: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» И Авдеев, и Каптелович встретились с царем лицом к лицу. Но ни один из них не нашел в себе сил нажать на курок! Общее воодушевление команды словно загипнотизировало террористов — «пружина» сломалась.

на старуху бывает проруха. Пока Азеф выманивал у ЦК ассигнования на свои затеи, Владимир Бурцев — «частный сыщик революции» и «охотник за провокаторами», как его называли, проанализировав деятельность главы боевой организации, пришел к выводу, что тот — двойной агент. Савинков, рассчитывавший сам занять место Азефа, горячо поддержал эту версию. Сам же Евно Фишелевич на партийный суд не явился и с тех пор находился от товарищей в бегах, имея все основания опасаться за свою шкуру. Он умер в 1918 году в немецкой тюрьме, став таким же символом провокаторства, как поп Гапон. Отныне в революционной среде «азефами» называли патентованных предателей. Тем не менее Азефа можно считать и жертвой партийных интриг — тем самым шаловливым ребенком, которого революция слопала одним из первых.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Юбилей символа ■ Сегодня, 14 июня, знаменитому команданте Эрнесту Че Геваре исполнилось бы восемьдесят лет. Но представить его старцем невозможно. Че сделал все, чтобы угробить себя ради посмертной славы

Икона. Берет со звездой, сигара, борода и нечесанные космы стали фирменными знаками «бренда» революционного героя

Больше всего Че любил стиль «милитари»

ЧЕ ГЕВАРА — ШОУМЕН МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

XX век подарил человечеству множество знаменитых революционеров. Ленин, Троцкий, Мао Цзэдун, Фидель Кастро... Че Гевара среди этих «глыб» не только неизменно войдет в первую десятку, но и наверняка возглавит ее. И совсем не потому, что он самый выдающийся.

Практические достижения его невелики. А теоретическое наследие скромно. Он не создал великую диктатуру, как Сталин. И не дал имени очередному «изму», вроде троцкизма или маоизма. Все, что оставил Че в этом роде для конструкторов будущих государственных переворотов — это пафос собственных приключений да тощая книжечка, в которой излагается теория «партизанского очага» — достаточно аристократичная и, кстати, совсем неоригинальная.

По Че Геваре, революция должна начинаться с компании образованной молодежи (говоря по-простому, с банды бездельников-интеллектуалов), проникнувшей идеей перемен и сбежавшей в отдаленное место, чтобы вернуться и поднять на восстание толпу необразованного простонародья. Но так происходят все революции в мире! И так они всегда будут

Любимец женщин. Две жены, бесчисленные поклонницы и выводок детей — Эрнесто любил веселую жизнь

происходить! Это было известно задолго до Че.

Сила «команданте» оказалась в другом — в молодости и экстерьере. Его внешность идеально подходила, чтобы «торговать мордой» от имени мировой революции хоть с трибуны ООН, хоть в выпусках буржуйских новостей. Вторая половина прошлого столетия породила молодежную культуру с рок-

н-роллом и джинсовой модой. Этой публике требовался соответствующий «революционер», которого мысленно можно было представить рядом с собой в кафе или на дискотеке. Согласитесь, модернизированный Ленин в джинсах и с гитарой на броневику смотрится комично. Он из эпохи отцов. Как и Сталин со своими усами и широкими погонами генералиссимуса.

А вечно ободранный, антигламурный Че Гевара подходил для этой роли идеально. Ничего не поделаешь, в наше время знаменитости должны быть сексапильными. Поэтому певице нужен не так голос, как красивые ноги, а великий революционер просто обязан нравиться бабам. Че нравился. Знакомые девушки, которым я показывал его фотографию, сразу же на-

чинали пищать: «Какой красивый мужчина!»

Когда его убили в 39 лет, это только поспособствовало посмертной славе. Человечество любит молодых популярных покойников. Для кумира подростков вовремя склеить ласты — первое дело! Все сделал, всего достиг и тут же свалил с театральных подмостков, не превратившись в морщинистую обезьяну наподобие Бриджит Бардо. Поэтому самые предусмотрительные «поп-идолы», приближаясь к сороковнику, сводят счеты с жизнью каким-нибудь изощренным способом. Элвис Пресли передозировал наркотики, Мисима вскрыл себе брюхо самурайским мечом, как консервную банку, а команданте отправился в последнюю партизанскую гастроль, где и нашел свою пулю, что тоже можно считать завуалированной формой самоубийства.

Тем не менее, если кто-то думает, что я не уважаю Че, он ошибается. Христоподобный соратник Кастро, давший себя убить, конечно же, вызывает у меня иронию, как и все в этом мире, не исключая и самого себя. Но эта ирония смешана с изрядной долей восхищения.

АСТМАТИК ЧЕ: НЕ ГОДИЛСЯ ДЛЯ АРМИИ. ЗАТО ПОДОШЕЛ ПАРТИЗНАМ

■ Случай Че Гевары доказывает, что для войны нужны не пудовые кулаки и раскормленная рожа штатного «шварценеггера», а искреннее желание драться. Любая призывная комиссия забраковала бы его как конченного астматика. Че дня не мог прожить без ингаляции. Такому бы сидеть в тихом месте и никуда не рыпаться. А он всего в одиннадцать лет сбежал из дома вместе с младшим братом и был пойман за восемьсот километров от родного аргентинского городишка Росарио! Куда его черти несли, Бог знает. Наверняка, можно сказать, что не делать революцию, о которой он по малолетству еще ничего не знал. Но характер уже был проявлен. Потом Че будет работать судовым врачом на танкере, в лепрозории с прокаженными и попадать то в аварии, то в полицию. Откуда он такой выискался? Порода в человеке всегда важнее среды. Че Гевара по происхождению был потомком испанских конквистадоров — завоевателей Южной Америки. Его полное имя звучит вполне по-дворянски — Эрнесто Гевара де ла Серна. В XVI веке его предки приплыли на Американский континент в поисках богатства. Они были из тех, кто и дал название его родной стране — Аргентина — в переводе «серебряная». Сами понимаете, что они там искали.

Мы привыкли носиться со своими казаками, все подвиги кото-

Студент. На велосипеде молодой Че исколесил половину Южной Америки

рых умеаются в скромный «туристический» маршрут от Запорожья до Стамбула. Теперь этим путем проходят сотни тысяч челоноков-мешочников. А конквистадоры, дабы добраться до цели, преодолевали Атлантический океан, пересекали амазонскую сельву и пампасы, карабкались не на Говерлу, а на высочайшие Анды. И все только ради того, чтобы унич-

тожить империю инков и захватить ее сокровища. Они проливали реки крови, совершали любые злодеяния, бунтовали против собственного правительства. Гены этих благородных бродяг через четыреста лет проявились в аргентинском мальчишке, который в юности даже прошел путем предков, добравшись до заброшенной столицы инков в Андах.

АНТИАМЕРИКАНЕЦ: СТАЛ БУНТОВЩИКОМ ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЯ США В ГВАТЕМАЛУ

■ Молодой Че Гевара — убежденный противник США, как и большинство латиноамериканцев, выросших под боком у быкующего техасского бизона со статусом сверхдержавы. В 1954 году президент США Эйзенхауэр организовал «прогрессивное» вторжение в Гватемалу, где на выборах победили левые. Че, только что получивший диплом врача, тоже оказался в этой стране. Увиденное ему мало понравилось. Ни в какую западную демократию он больше не верил.

Из Гватемалы потомка конквистадоров занесло в Мексику. Тут он познакомился с Фиделем Кастро, недавно предпринявшим неудачную попытку захватить власть на Кубе. Тот не унывал и сколачивал в лагере в окрестностях Мехико новую штурмовую группу. Эрнесто идеально вписался в эту банду кубинских «запорожцев», жаждущих социальной справедливости. Он подрабатывал то уличным фотографом, то продавцом книг, а в свободное время изучал тактику партизанской войны. Буквально накануне отплытия на Кубу его арестовала полиция. Никакого компромата на парня не нашли — только справку об учебе на курсах русского языка. Че едва успел взобраться на борт яхты, которая везла авангард будущей кубинской революции на родину. Всего их было 82 человека, в основном студенты.

На Кубе десант Кастро попал в засаду. Солдаты местного диктатора Батисты часть из них перестреляли, часть взяли в плен. Уцелевшие 20 человек, строго по теории Че, сбежали в отдаленное место, то есть в горы

С тачкой Че Гевара работал в основном в пропагандистских целях

Сьерра-Маэстры, и оттуда повели наступление на Гавану. От голода им порой приходилось грызть только сахарный тростник.

Гражданская война продолжалась больше двух лет. Исход ее решил развал регулярной кубинской армии. Вымуштрованные американскими инструкторами сыновья крестьян не хотели воевать против своих соседей. В самом начале 1959 года заросшее до ушей воинство Кастро ввалилось в оставленную буржуазией кубинскую столицу. С этого момента в мировой лексикон навсегда вошло слово «барбудос» — «бородачи». Патлатые небритые «отщепенцы» входили в моду — американские хиппи будут только подражать их внешности. За время боев Че дважды был ранен.

После победы Че Гевара сделал блестящую управленческую карьеру. Он никогда не интересовался финансами, а оказался директором Национального банка Кубы. Потом — министром здравоохранения. Отличная кубинская медицина (сейчас продолжительность жизни на острове одна из самых высоких в мире) выстроена по проекту этого аргентинского врача, обожавшего военные перевороты. Эрнесто ездил в Москву и Пекин с официальными визитами, общался с Хрущевым и Мао Цзэдуном, выступал на международных конференциях. Но его бюрократический пыл быстро иссяк. Ему хотелось вечно оставаться молодым, а не мутировать в пожилого умудренного вождя второго плана в окружении Фиделя.

ВЕЛИКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ПОБЕДИЛ... КАРНАВАЛ

► В 1965 г. Че отказался от всех постов и кубинского гражданства, а потом исчез. Никто в мире не знал, куда направился 37-летний герой. А в его голове созрел грандиозный проект — проникнуть в Боливию, свергнуть местный диктаторский режим и поднять революцию по всей Южной Америке. И тут трагедия перемешалась с комедией. Боливийская компартия обещала Эрнесто организовать партизан из местных шахтеров. Но в последний момент отказалась. Некоторые утверждают, что по совету из Москвы, не желавшей обострять противоборство с США. Че попытался договориться напрямую с лидером шахтеров. Но все планы спутала южная ментальность — карнавал. Это Че был потомком неукротимых конквистадоров. А шахтеры — в основном происходили из индейцев. Они просто перепились и весь праздник провалились пьяными. Вождь оказался без армии. К тому же пока Эрнесто занимался медициной на Кубе, старый буржуазный мир принимал меры по своему спасению. Как раз накануне проникновения Че Гевары в Боливию американские инструкторы, обогащенные опытом войны во Вьетнаме, закончили тренировку первой партии боливийских рейнджеров, призванных проводить контрпартизанские операции. Восемьсот из них тут же прибыли в городишко Фигуэра, в районе которого околничивалась банда Че Гевары. 8 октября 1967 года повстанцев, которых было только 27 человек, оттеснили в овраг. Раненый Че попал в плен и на следующий день был расстрелян. Считается, что США не хотели этой смерти. Им выгоднее было использовать команданте для пропагандистских шоу. Но боливийские офицеры напились и в угаре прикончили того, кто станет легендой. Они даже не были уверены, что убивают именно прославленного соратника Кастро. Отрубленные ладони Че отправили для ис-

следования на его родину, чтобы убедиться по отпечаткам пальцев в правильности своего выбора.

Истинная причина последнего похода команданте скрыта в его письме родителям: «...Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь... Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту. Я любил Вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз — верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Я добьюсь своего. Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века... Крепко обнимает Вас Ваш блудный и неисправимый сын Эрнесто».

Его гнали на смерть гены и кризис среднего возраста. Он сам назвал себя кондотьером. В XVI веке, когда его предки высадились на Американском континенте, таких, как он, было много. К XX столетию естественный отбор оставил только одного, почему современники так восхищались им. Под модной коммунистической оболочкой скрывался призрак из далекого прошлого. Если мысленно снять с Че Гевары берет со звездочкой, перед нами окажется лицо испанского конквистадора. Такого же, как Кортес или Писарро. Революция и контрреволюция — это сообщающиеся сосуды. Одно не может жить без другого. Ненавидя капитализм, Че стал одним из символов капиталистического маскалута — лицом на футболке, которая продается лучше, потому что на ней изображен команданте.

Реформатор. Бородач умел оживить партийную скуку

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Заколдованное место ■ Скифы, сарматы, готы, авары, печенеги, половцы, жившие на нашей земле в далеком прошлом, оказались тупиковыми ветвями цивилизации. Что если и Украина повторит их судьбу?

На границе двух миров. Как раз по Украине проходит разлом между прагматичной западной и разгильдяйской восточно-европейской цивилизациями

РАСПАДЕТСЯ ЛИ УКРАИНА?

Чтобы избежать ненужных вопросов, сразу скажу, что не хочу распада нашей страны. Но то, что происходит с украинским государством, порождает опасения за его будущее. Бесконечная смена правительств, неспособность парламента принять любое более-менее важное решение, распад управленческой вертикали — государство вроде бы есть, но фактически оно не выполняет свою функцию быть лидером для общества и направлять его развитие.

Вместо этого мы наблюдаем наверху очередную междоусобицу, которую залетные «эксперты» из-за границы называют почему-то «признаком демократии». Избиратель устал. Среди граждан нарастает безразличие к политике. Наивные иллюзии периода «оранжевой революции» остались в прошлом. Все сильнее убеждения, что между государством и его подданными выросла пропасть еще шире, чем накануне конца СССР.

В начале XX века рухнули три крупнейшие европейские империи — Германская, Российская и Австро-Венгерская. Уже на наших глазах с карты исчезли Советский Союз и Югославия, разделилась Чехословакия, в состоянии полураспада оказались Грузия и Ирак. Никакие правовые документы и международные договоренности этому не помешали. Наоборот! Злая ирония заключается в том, что очертания европейских стран стали меняться вскоре после того, как было подписано Хельсинское соглашение о нерушимости гра-

ниц! Следовательно, не международные гарантии, а внутренняя крепость гарантирует жизнеспособность государств. Соединенным Штатам или Китаю такие гарантии не нужны. Они сами готовы «гарантировать» все, что им выгодно. Посчитал некогда Китай, что Тибет — часть его территории, и никто не в силах изменить это мнение. Решил Буш вторгнуться в Ирак, чтобы поискать оружие массового уничтожения, и до сих пор его там «ищут», несмотря на то, что сами же американцы вскоре заявили, что ошиблись — не было, оказывается, у Хусейна ни запасов отравляющих веществ, ни тайной ядерной программы.

За годы независимости мы потеряли целую армию «солдат трудового фронта» — не меньше 5 млн, уехавших за рубеж

Что если следующей жертвой передела мира станет наша страна, легкомысленно отказавшаяся на заре независимости от собственного ядерного щита?

Семнадцать лет назад Украина началась как попытка построить более прогрессивное общество, чем советское. Это было время розовых надежд. Я сам помню, как агитировал поэт Иван Драч за независимость, говоря, что это будет такое государство, в котором русским будет жить лучше, чем в России, а евреям — лучше, чем в Израиле. Наверное, имелось в виду, что и украинцам тоже

придется слаще, чем в Канаде или США. Но не вышло! Правда, одна украинка все-таки эмигрировала из Америки, чтобы стать женой нашего президента. Но массового характера это явление, как говорится, «не набуло».

Зато произошло другое. Как свидетельствует статистика, за годы независимости население Украины сократилось на 6 млн человек. Официально нас теперь не 52, а 46 млн. Но по факту, еще на пять-шесть миллионов меньше — именно столько «патриотов» рвануло во все стороны (и в Европу, и в Россию) на заработки, чтобы не умереть дома с голоду после остановки предприятий. Современные страны борются между собой не так оружием, что дорого и убыточно, как экономическими методами. Можно сказать, что, потеряв такое количество самого трудоспособного и активного населения, Украина лишилась целой армии «солдат трудового фронта» — в переносном смысле, отдала ее в вечный плен, возврата из которого нет.

Теперь говорят, что нам нужны мигранты из Азии и Африки, чтобы развивать свою экономику. Как же! Разовьют! Регулярно проходя мимо знаменитого моста на Шулявке и наблюдая, как прохладятся на тюках с секонд-хендом «афро-африканцы» (не называть же афроамериканцами этих выходцев с Черного континента), отчетливо вижу «светлое» будущее украинского экономического «чуда». Такое же, как во Франции, где разномышленные потомки рабочих из бывших колоний конфликтуют с полицией и жгут автомобили.

ЗАПАДНЫЕ ПРОГНОЗЫ О РАСЦВЕТЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УКРАИНЕ С ТРЕСКОМ ПРОВАЛИЛИСЬ

► Правда, остается еще сельское хозяйство — тот самый слой чернозема, который можно чуть ли не на хлеб намазывать. В 1996 году западный исследователь Лестер Туроу в книге «Будущее капитализма» оптимистически заметил: «Украина — потенциально лучшее место в мире для выращивания зерна. Хорошая почва и хорошие дожди соединяются здесь с лучшей в мире естественной транспортной системой — рядом реки, текущие на юг к Черному морю, так что дешевый водный транспорт избавляет от стоимости всех этих тысяч километров длинных, дорогих железнодорожных перевозок, обременяющих другие страны-производители зерна. Украина еще не пришла в себя, но что будет, когда она очнется?»

Прогноз Туроу для будущего нашей зерновой отрасли выглядел фантастически благоприятным. «Крупнейшие производители сельскохозяйственных машин, — утверждал он, — учредят кредитные компании, которые будут давать займы собственникам земли деньги на закупку машин. Взамен они будут получать зерно для продажи на ми-

ровом рынке. Эта продажа разорит миллионы менее производительных фермеров во всем мире. Очевидно, кто будет разорен в Соединенных Штатах... Земля здесь гораздо хуже, чем в Украине, дожди реже, а транспортная система намного, несравненно хуже украинской. Это произойдет еще не завтра, но это должно произойти.

Для французских производителей зерна главная угроза исходит не из Америки, а из Восточной Европы. Французы привыкли есть рогалики из украинской пшеницы — если не захотят увидеть два миллиона украинцев, живущих в Париже. Все это верно не только для сельского хозяйства, но и для всего остального. Либо жители Западной Европы привыкнут покупать продукцию, которую может изготавливать Восточная Европа (закрыв свои собственные предприятия, производящие эту продукцию), либо жители Восточной Европы миллионными двинутся на Запад в поисках более высоких заработков». Тем не менее случилось именно последнее.

Старики на скамейке. Типичная картина в вымирающих украинских селах

МЫ ПРОЖИВАЕМ СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

■ Чтобы убедиться в этом, достаточно проехать по Украине. И в Галичине, и на Полтавщине вы увидите одну и ту же картину: пустые или разобранные до фундамента коровники и полуразвалившиеся села. Система хозяйствования теперь основана на том, что крупный бизнесмен из города берет в аренду бывший колхоз, выращивает на экспорт пшеницу (механизированная пахота и уборка требует минимума рабочих рук), а от старушек-акционеров откупается копеечными дивидендами, терпеливо выжидая, когда они вымрут вооб-

ще. Экономически это очень выгодно для арендатора. Но краха фермерского хозяйства в США или Франции не последовало — тамошнее правительство предпочло не разорять своего производителя. Экспорт зерна из Украины по-прежнему не столь высок, чтобы превратить нашу страну в сельскохозяйственную сверхдержаву.

Годы президентства Леонида Кравчука были просто потерянными для экономики. Леониду Кучме удалось остановить гиперинфляцию и запустить то, что еще дышало после краха начала 90-х, — унаследо-

ванную от советских времен добывающую промышленность. Но модернизации экономики не последовало. Ни в электронике, ни в других высокоточных технологиях Украине не удалось сделать ни шагу вперед. Приметами того времени стали умерший телевизорный завод во Львове, Киевский авиационный, начавший производить... троллейбусы и детские коляски, и толпы рабочих возле завода имени Артема, прямо с рук торгующие пылесосами. Потом исчезли и они, побежденные другим пылесосом — вездесущим китайским.

ЮГОСЛАВСКИЙ ВАРИАНТ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВТОРЕНИЯ

■ После 2004 года ситуация в Украине стала все больше напоминать Югославию конца 80-х. Там тоже значительная часть трудоспособного населения работала в Европе на стройках, собственное производство держалось на западных кредитах, концы с концами в бюджете сводились за счет спекуляции советской нефтью, получаемой по льготной цене, а политика заключалась в бесконечном подмигивании то Западу, то Востоку. Причем в сторону Белого дома югославское руководство моргало значительно чаще, чем в направлении Кремля.

Сегодня мало кто помнит, что Слободан Милошевич, умерший в ранге американской жертвы, начинал как проамериканский политик. «Слобо десять лет проработал директором представительства «Югобанка» в США, — рассказывал мне известный черноморский публицист Митар Роченович. — Штаты поначалу стояли за него горой. Между прочим, именно из Америки Милошевич привез привычку пить виски и курить сигары».

Но эта привычка не помогла ему спасти единую страну, которую называли «самым веселым бараком в социалистическом лагере». Мне пришлось побывать в Югославии как раз накануне ее распада. Белград очень

напоминал нынешний Киев — подвыпившая молодежь на улицах, дорожные цены и ощущение бессмысленности бытия, буквально разлитое в воздухе.

Югославскую экономику подкосило требование Запада вернуть кредиты и провести увольнения рабочих с неэффективных предприятий. Из кризиса было два выхода: рациональный (засучить рукава и всерьез взяться за промышленность) и иррациональный — удариться в массовую истерику и поиск внутреннего врага.

Милошевич предпочел второе. Именно при нем стал культивироваться образ «обиженного серба». Сделав ставку на сербский национализм, пылкий Слободан сжег хрупкое межнациональное равновесие в Югославии. Точно так же и Советский Союз «подстрелили» не персонально Кравчук с Ельциным в Беловежской пуше, а русский национализм. Жившие в перестроечные времена помнят, как возмущались тогдашние московские публицисты-почвенники, что во всех советских республиках есть свои национальные компартии, а в РСФСР — только общесоюзная КПСС. Борьба за власть безвольного интернационалиста Горбачева с нахрапистым националистом Ельциным и сплела лапти общесоюзному государству.

Дерби по-украински. Все время пытаемся ускакать сразу на двух конях

Народный коллаж. Имеем все шансы повторить судьбу скифов

СТРАШНОЕ ПРОРОЧЕСТВО КОБЗАРЯ: «ПОГИБНЕШ, ЗГИНЕШ, УКРАЇНО...»

■ Теперь Украина вступила на тот же путь. Официальные идеологи создают образ украинца-жертвы, которому все должны. В истории выискивают только примеры катастроф. Живем, как на сельских похоронах. «Круты и голодомор!» — вот «жизнеутверждающие» лозунги для поднятия духа нации. Другие народы гордятся победами. Мы — тем, кто над нами успешнее поглотился. При этом забыты грабительские походы казаков в Молдавию, разграбление России дикими ордами запорожцев гетмана Сагайдачного и этнические чистки поляков, которые проводила УПА во время Второй мировой.

Судя по всему, Виктор Ющенко искренне верит, что живет в мононациональной стране, а не в осколке многонациональной империи, унаследованном от СССР. Нынешняя Украина сложилась только благодаря завоевательной политике царской России и сталинского Советского Союза. Будь Екатерина Вторая ленивой, как некоторые современные Катерины, Крым до сих пор оставался бы независимым ханством. Ненавидь Сталин Украину искренне, он никогда не присоединил бы к ней Львов. Отсутствуй у Ленина широта души, Донецкая область осталась бы Донецко-Криворожской республикой, не имеющей никакого отношения к Украине.

Все это теперь стараются забыть. Зато ошибки царской власти возводят в культ. Эм-

ский указ ограничивал украинское книгоиздание? Но чем лучше его нынешнее изгнание русского языка из школ, а русскоязычных передач с телевидения? И то, и другое — дискриминация!

Именно по Украине проходит разлом между западной и православной цивилизацией. В XVII веке в эпоху казачьих междоусобиц страна уже раскалывалась по Днепру. Так закончилась попытка европеизированной Польши наложить руку на украинские сельскохозяйственные ресурсы и сделать из запорожцев дешовое наемное войско для охраны южных рубежей Речи Посполитой.

Нынешняя политика НАТО очень напоминает этот древний бизнес-план. Предоставить Украине статус самого юного по возрасту члена Североатлантического блока и заполучить почти бесплатные армейские контингенты для так называемых миротворческих операций — несомненно, выгодно. Но не для Киева, а для Брюсселя.

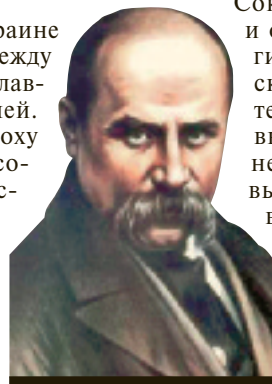
Для нас союз с Западом означает коллапс остатков промышленности. Россия поднимет до максимума цены на энергоносители, захлопнет

свои границы, введя визовый режим, и Украина окажется на окраине истории. Даже если удастся избежать внутреннего межнационального конфликта, то застой не избежен.

Сокращение населения и отток мозгов не многим лучше гражданской войны. Победительница тестирования выпускников нынешнего года для учебы выбрала московский вуз, а работать хочет в США. Вряд ли она вернется домой. Ведь наших политиков интересуют граждане с большой емкостью не мозгов, а желудков, необходимых для переваривания пива в безразмерных количествах.

Украинцы могут разделить судьбу триполь-

цев, так и не двинувшихся дальше своих горшков, и скифов, не научившихся писать, но любивших коллекционировать золотые подбраски. Эта земля — родина многих погибших цивилизаций. Сарматы, готы, авары, половцы, жившие тут до нас, оказались тупиковыми ответвлениями исторического процесса. Забытое пророчество Тараса Шевченко: «Погибнеш, згинеш, Україно, не стане знаку на землі» имеет все шансы стать реальностью.

Тарас

Шевченко:

«Погибнеш, згинеш,
Україно, не стане
знаку на землі»

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Во имя племени ■
Украинский национальный миф — сказка для униженных и оскорбленных

Настоящего украинца, гласит она, непременно чем-то должно переехать — если не колесом истории, то хотя бы трамваем.

Детей в школах запугивают Крутами и Голодомором. Взрослых по телевизору — русским флотом в Севастополе. В результате народ вымирает без всякой войны. Неужели всегда было так? Да ничего подобного! Нам есть чем гордиться! Наши предки умели не только умирать, но и убивать. Они оставили след в прошлом как первостатейные разбойники и головорезы. О «подвигах» Романа Шухевича, уничтожавшего в составе полицейского батальона белорусских партизан во время

Запуганный Крутами и Голодомором народ вымирает при независимости, отказываясь рожать

Великой Отечественной, писали много. Но у него есть исторические предшественники — не менее дикие и жестокие. Имя им — казаки запорожские. Да-да, те самые лихие молодцы, воспетые официальной пропагандой.

Они отметились военными преступлениями против мирного населения на территории Белоруссии еще в XVI веке. Если бы соседняя братская республика захотела, она могла бы выставить Украине солидный исторический счет — наподобие того «списка обид», который наши «патриоты» кстати и некстати подсовывают Москве.

СОЖГЛИ ДОТЛА ВИТЕБСК И ПОЛОЦК: ЗВЕРСТВА ЗАПОРОЖЦЕВ В БЕЛОРУССИИ

Профессиональным историкам хорошо известна «Баркулабовская летопись», составленная священником белорусского местечка Баркулабово Федором Филипповичем. Она описывает события с 1563 по 1608 год. Запорожцы предстают в ней как банды мародеров, которых время от времени нанимал польский король для войны против Швеции или Москвы. Боевая ценность этих «рыцарей удачи» была ничтожна. Зато, проходя

через Белоруссию, они вытапывали все на своем пути, как выражается автор, «горше злых неприятелей, албо злых татар». В 1601 г. король навербовал четыре тысячи запорожцев во главе с Самуилом Кошкой, намереваясь сразиться со шведами. Тут наши предки проявили себя во всей «красе». Как пишет летописец, «ничего доброго» казаки не сделали, и ни гетману, ни королю «жадного ратунку не дали, толко з Швеции утеклы». А вот

по дороге домой они «взяли штурмом» Полоцк и Витебск — то есть, свои собственные города (в это время Белоруссия, как и Украина, входила в состав Речи Посполитой). Полоцку, пишет «Баркулабовская летопись», запорожцы «великую шкоду чинили, а место славное Витебск зводили, злата-сребра множество побрали, мешан учтивых порубали». Именно за этот «подвиг» священник Филиппович и сравнил казаков с татарами, поста-

вив их на почетное первое место среди известных ему разновидностей изуверов. Можно было бы сказать, что описанный случай выпадает из привычного ряда казачьих свершений. Но это не так. Через два года brave запорожцы во главе с новым гетманом Куцковичем, избранным вместо отдавшего концы Кошки, появились в Белоруссии снова. В Баркулабовской и Шупенской волостях они ограбили все, что смогли. В длинный перечень причинен-

ных местным крестьянам потерь, которые приводит Филиппович, входят 50 кабанов, 60 пудов меда, 500 мер жита, полторы сотни «яловиц» (то есть коров), 500 кур и 300 возов сена. Это не считая денежных убытков, выраженных в звонкой монете. Впечатление такое, что по Белоруссии прошла настоящая орда. И это правда. Ведь запорожцев снова было четыре тысячи — примерно в таком же составе ходили в набег и татары.

КОГО ЗАМУЧИЛИ УКРАИНЦЫ?

Казак с отрезанной головой. Популярная народная картинка, живописующая нравы XVIII столетия

КАЗАКИ НАСИЛОВАЛИ ДАЖЕ ШЕСТИЛЕТНИХ

■ Но особенно поразили несчастного белорусского попа сексуальные предпочтения пришельцев. Казаки умудрились изнасиловать даже шестилетнюю девочку, которую один мешанин едва живую вынес на руках королевскому посланнику, приехавшему умирять запорожцев. Глядя на это, «все люди плакали», пишет летописец. И такое творилось постоянно! За несколько лет до походов Куцковича и Кошки те же места посетил знаменитый украинский герой Северин Наливайко всего с двумя тысячами единомышленников. В 1595 году он захватил Могилев, сжег там, по сообщению Филипповича, крепость, все дома, которых насчитывалось 500, а «мешан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жен, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличных побрали с крамов и с домов». «Попоганили», кто не догадался, означает — изнасиловали.

Все это безобразие в современной украинской историографии почему-то именуется «народным повстаньем проти польсько-шляхетського панування під проводом Наливайка». Хотя было обычным разбоем, закончившимся для Северина четвертованием в Варшаве — заслуженной карой любому маньяку, несмотря на его «историческое» значение.

Школьные учебники и официозные историки намеренно утаивают примеры казачьих зверств в Белоруссии от нас, руководствуясь принципом: если факт не вписывается в концепцию, тем хуже для факта. Но современники Наливайко и Кошки хорошо понимали, с кем имели дело. Поэтому в их воспоминаниях присутствуют образы не «святых лицарів», а насильников и головорезов.

Чуток «попоганил» — и в пляс!

Москва белокаменная. В эпоху Смутного времени не единожды испытала «навалу» украинских наемников, но их слезам не поверила

АГРЕССИЯ САГАЙДАЧНОГО ПРОТИВ МОСКВЫ

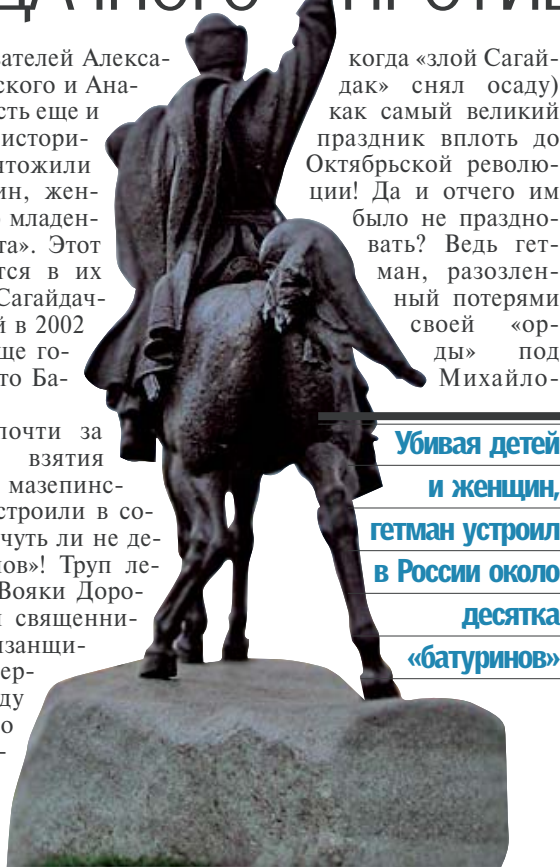
■ Сколько вылиты чернил на описания агрессивных войн Российской империи против якобы несчастной Украины. А ведь первыми напали на Россию именно украинцы! Случилось это задолго до похода воеводы Ромодановского на Конотоп и «большовицкой навали» на станцию Круты — в 1618 году. Как раз в августе круглая дата выпадает — 390-летие.

Гетмана Сагайдачного и его заместителя Дорошенко вместе с двадцатью тысячами готовых на все профессиональных душегубов наняло варшавское правительство, чтобы посадить на московский престол польского королевича Владислава. Первой жертвой казаков стал город Путивль. Сейчас он входит в состав Украины. А тогда был русским — таким же, как Севастополь до передачи его Хрущевым.

Потом запылали Ливны, Елец, Лебядин, Данков, Скопин, Рязьск... Во всех этих городах оккупанты-запорожцы, по словам современных украин-

ских исследователей Александра Чувардинского и Анатолия Паля (есть еще и у нас честные историки!), уничтожили «многих мужчин, женщин и детей до младенческого возраста». Этот факт приводится в их книге «Гетман Сагайдачный», изданной в 2002 году. А у нас еще говорят о каком-то Батурине!

Да казаки почти за столетие до взятия Меньшиковым мазепинской столицы устроили в соседней России чуть ли не десяток «батуринов»! Труп лежал на трупе! Вояки Дорошенко убивали священников даже на Рязанщине. Жители выдержавшего осаду Сагайдачного крошечного городка Михайлов отмечали 27 августа 1618 года (день,

Убивая детей и женщин, гетман устроил в России около десятка «батуринов»

когда «злой Сагайдак» снял осаду) как самый великий праздник вплоть до Октябрьской революции! Да и отчего им было не праздновать? Ведь гетман, разозленный потерями своей «орды» под Михайло-

вым, пообещал, что всем михайловцам от мала до велика прикажет отрубить руку и ногу и бросить псам!

Окончательно агрессию Сагайдачного остановили только под Москвой — прямо у Арбатских ворот, через которые собиралась победоносно войти в царскую столицу объединенная польско-казацкая армия. Не вышло! А всего через полтора года тот же гетман Сагайдачный уже направляет миссию в Москву, сообщая о желании Войска Запорожского послужить русскому правительству! Его вислоусые послы еще и просили, как указывает запись в Посольском приказе, «чтоб их государь пожаловал, як своих холопей».

Самое смешное, что злобные «москальи» вместо того, чтобы разорвать этих дипломатов-погромщиков на части или отрезать у них по руке и ноге, по рецепту Сагайдачного, еще и наделили их жалованьем — отходчивый, оказывается, русский народ!

БЕЗ КАПЛИ СТЫДА: КАК КИЕВЛЯНИН СЛОПАЛ БИБЛИОТЕКУ ИВАНА ГРОЗНОГО

■ Ущерб, нанесенный украинскими захватчиками культурному наследию России в эпоху Смутного времени, не поддается точному исчислению. Можно только сказать, что он колоссален. Именно тогда теряются следы знаменитой библиотеки Ивана Грозного. Исследователи ищут ее до сих пор. И, уверен, никогда не найдут — ее слопали до последнего листика украинские и польские оккупанты, захватившие

Кремль в 1612 году! Большинство тогдашних книг были написаны на телячьей коже — пергаменте. Кроме пищи для ума, он содержал еще и обычные питательные вещества. А в корешках был такой вкусный органический клей! Не то что нынешняя «химия»! Когда армия Минина и Пожарского осадила Москву, изгоняя из нее казаков и польских солдат, среди которых тоже хватало украинцев, в заблокированном

гарнизоне начался голод. Жрали все — сначала собак и кошек, потом пояса и конскую упряжь, и, наконец, даже книги и друг друга! Киевский купец Балыка, переживший эту осаду, оставил поучительнейшие воспоминания о своем участии в нашествии на Москву. Он описывает, как наемники на польской службе заморили червячками московскими пленными, которых им подали прямо из тюрьмы, как сжевали без соли выкопанного из

могилы солдата Воронца, как не провисел и часа на виселице казненный за мародерство казак Щербина — его тут же «на шутики разрубили и изъели». Сам же Балыка со своим приятелем Супруном спаслись только тем, что нашли «килька книг пергаменных; тым есмо и травю живились». Эти воспоминания напечатаны в дореволюционном научном журнале «Киевская старина». Видимо, не один

Балыка разнообразил свой рацион литературными памятниками. Многие книги существовали в единственном экземпляре. Теперь их уже не восстановишь. А жаль. Ведь даже «Слово о полку Игореве» уцелело только потому, что его рукопись хранилась в отдаленном монастыре под Ярославлем. Сколько таких шедевров переварили в своем брюхе безграмотные казаки во время тогдашней оккупации Москвы?

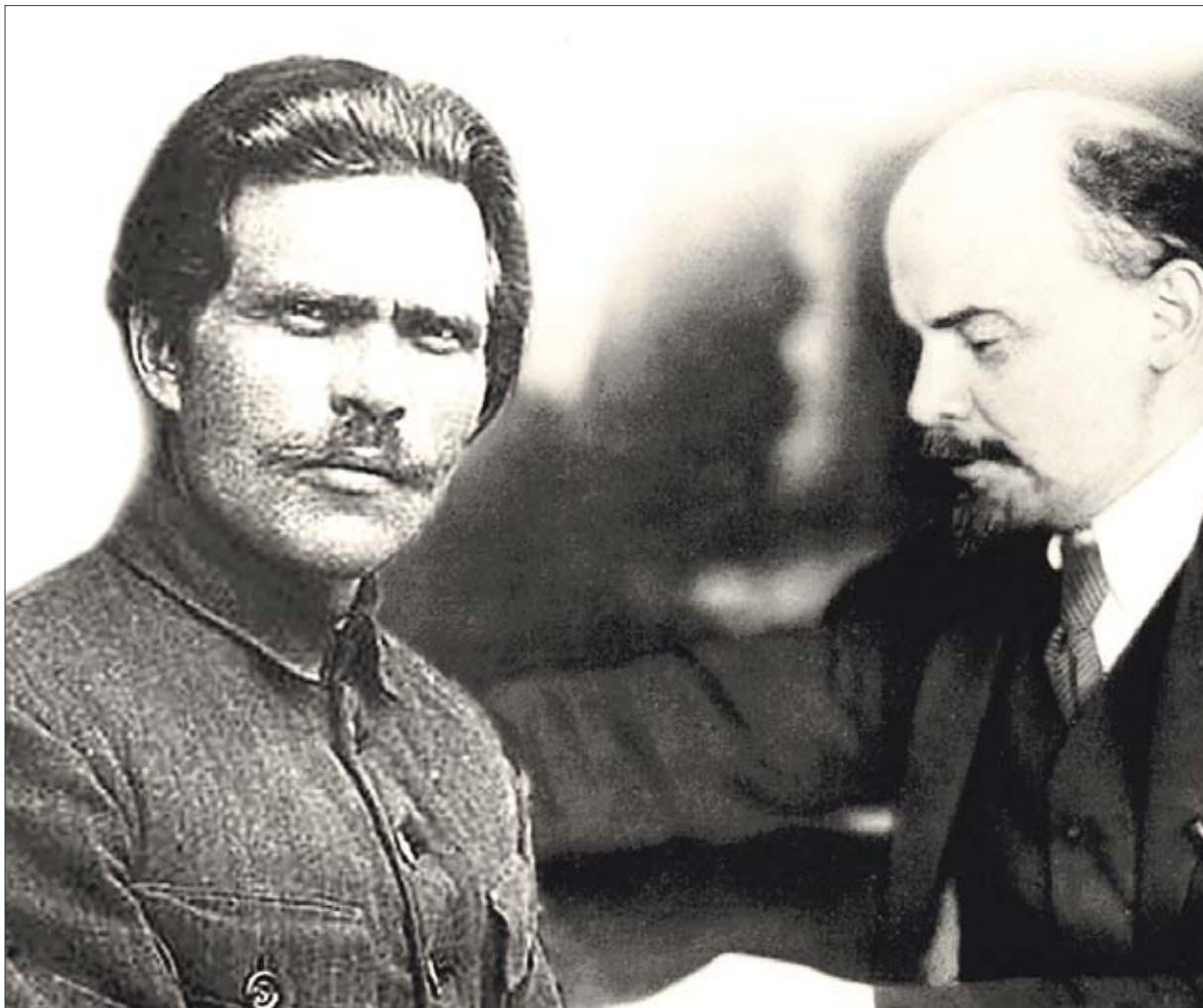
ГЕРОИ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВОЙН

► «Солдаты с ружьями и мешками на плечах медленно шагали по пыльной дороге; в рядах слышались изредка малороссийский говор и смех», — это не описание петлюровского отряда, а ранняя проза Льва Толстого — рассказ «Набег». В нем великий писатель с документальной точностью повествует, как батальон русской армии, состоящий преимущественно из украинцев, сжигает чеченский аул. Сейчас бы это назвали карательной экспедицией. Обратите внимание: русского говора в шеренгах не слышно! Правда, офицеры в «Набеге» носят русские и немецкие фамилии — империя-то была многонациональной.

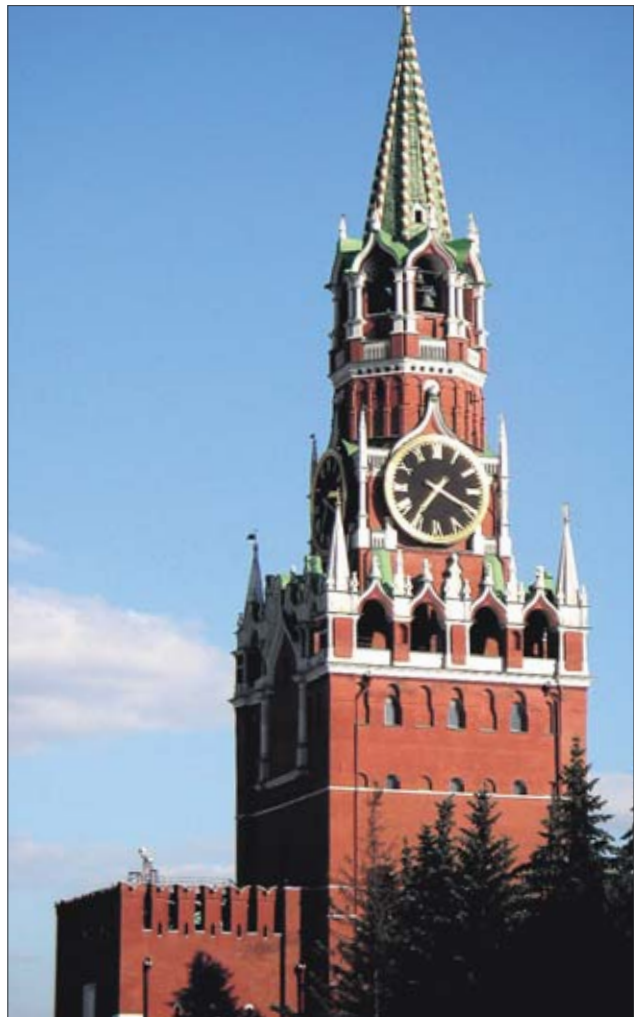
Зато в другом кавказском рассказе Толстого — «Рубка леса» — вместе с рядовыми Веленчуком и Шевченко (распространенная все-таки фамилия!) появляется еще и капитан Тросенко — естественно, наш земляк. Украинцев вообще хватало в императорской русской армии от рядового до фельдмаршала. Фельдмаршал Паскевич родом из Полтавы был любимым полководцем Николая I. В 1831 году он взял штурмом Варшаву, покончив с польской независимостью. Генерал Перовский — потомок гетмана Разумовского — начал покорение Средней Азии. Генерал Котляревский вообще стал легендой кавказских войн. Запорожцы после ликвидации Сечи почти в полном составе были переведены Екатериной II на Кубань и переименованы в черноморских казаков. Главным занятием их стало усмирение черкесов. Среди друзей Великого Кобзаря числился атаман черноморцев Кухаренко. Тарас Григорьевич писал ему в 1857 году: «Ти все-таки напиши мені, чи будеш ти се літо на коші, чи, може, знову підеш вражого черкеса та прескурвого сина по кручах ганяти?» Мало кто помнит, что и сам Шевченко просился из Оренбургского корпуса служить на Кавказ — ему тоже хотелось погонять черкесов! Ни одна колониальная война России после воссоединения с Украиной в 1654 г. не обошлась без украинцев. Они воевали от Польши и Венгрии до Афганистана и Манчжурии. Бывший гетман Многогрешный, став русским воеводой, даже чукчей на Чукотку ездил покорять! Штыки наших предков обгарены в крови разномастных туземцев, а сапоги — топтали половину земного шара. Кое-кто любит говорить, что украинцы нация сержантов. Неправда! На самом деле, это нация генералов-колонизаторов.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Ильич и Махно. В нелегком 1918-м встретились и интересно поспорили о теории и практике революции

Кремль. Через эти ворота Нестор вошел в логово большевиков

Вперед, к славе! ■ 90 лет назад, в июле 1919 года, Нестор Махно находился накануне всеевропейской славы и переодетый в форму царского офицера пробирался из Москвы на свою родину в Гуляйполе

МАХНО В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Нестор Махно всегда пользовался популярностью у деятелей искусства. «А у батки у Махна волосня густая», — писал еще в 20-е годы советский поэт Эдуард Багрицкий. Он стал героем романа Алексея Толстого «Хождение по мукам», выдержавшим две экранизации, главным «злодеем» в фильме «Александр Пархоменко» и персонажем легенды еще при жизни — «батько», давно состригший космы, сидел в эмиграции в Париже, а в СССР шел о нем немой приключенческий фильм «Красные дьяволята» (предшественник «Неуловимых мстителей»), юные герои которого, в отличие от чекистов, с успехом поймали главного анархиста бывшей Российской империи. И даже в последние годы о нем пели группа «Любэ» («Батько Махно смотрит в окно, за окном темным-темно...») и «лысый и босый» Иван Миколайчук («Нестор Иванович — батько наш!»...). Одним словом, человек-миф!

Изумляла анархистская республика в Гуляйполе и немногих очевидцев, оставивших о ней воспоминания. «То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило, — писал в вышедших в 1922 году в Берлине мемуарах некий Н. Герасименко. — Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная Запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить

на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев были одеты в белые цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были «до зубов». Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, висели по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины, тут же, у стен, валились винтовки и кое-где по нуротрчали пулеметы».

Тот, кто видел знаменитую махновскую тачанку, поймет, что, в переводе на современную терминологию, эти молодцы рассекали по степи на «мерседесах». По происхождению, тачанка — экипаж немецких колонистов. В гуляйпольском музее стоит такая

— упругие рессоры, изящная откидная подножка, чтобы было удобнее заскакивать вовнутрь, и поворотная передняя ось, позволявшая закладывать лихие виражи. Это не крестьянская телега! Это почти что «феррари»!

Но в июле 1918 года ничего этого еще не было. Была гетманская Украина, австро-немецкая оккупация, кайзеровские отряды по деревням, а сам Махно, переодетый в форму царского офицера и еще не отпустивший свою знаменитую «волосню», пробирался из революционной Москвы на родину. По крайней мере, так он утверждал в своих мемуарах, вышедших в Париже. Многие исследователи отрицают достоверность этого маскарада. И напрасно. Оккупационная армия контролировала прежде всего железные дороги. Махно ехал домой на поезде. Офицерские погоны и поддельные документы идеально гарантировали его безопасность. Как

На этом снимке
«сухопутный матрос»
Щусь в бескозырке,
с парадной саблей
и матерчатым поясом

ГУЛЯЙПОЛЬСКИЙ «ОТ КУТЮР»

► Фотографии подтверждают экзотический внешний вид армии батки. Правая рука Махно матрос Федор Щусь на снимках позирует в невообразимо прекрасном наряде, перед которым меркнет фантазия современных кутюрье — матросскую бескозырку с ленточками, оставшуюся от флотской службы, он носил вместе с гусарским доломаном, расшитым шнурами, щегольскими галифе и парадной кавалерийской саблей образца 1827 года в металлических ножнах. А на шее, вместо кулона, у этого модника болтался кавказский кинжал! Чтобы не испортить такое великолепие, в дождливую погоду Щусь дополнял свой туалет прорезиненным непромокаемым плащом. Махновцы, имевшие более скромные возможности, тоже запечатлены на снимках в самых невероятных комбинациях стиля «милитари» — рядом с папахами попадаются персонажи в гвардейских дореволюционных киверах, трофейных австрийских кепи и двуплечном офицерском снаряжении с узорчатыми запорожскими поясами поверх ремней.

следует из многочисленных воспоминаний, бывших царских офицеров немцы и австрийцы не только не преследовали, но наоборот поддерживали — те совершенно свободно разгуливали по Киеву и другим городам. Сойти за так называемого «офицера военного времени» (из «простых» — то есть, сыновей зажиточных крестьян) Махно вполне мог. Тем более что разговаривал он преимущественно по-русски, а «родного» украинского языка, как признавался в воспоминаниях, почти не знал.

Вообще стоит почитать книжку Нестора Махно, чтобы убедиться: никакой единой украинской нации тогда не существовало. Украина для большинства ее жителей была понятием географическим, а не политическим. Посудите сами, Гуляйполе находится на территории земель бывшей Запорожской Сечи. И Махно, и его соратники носят типично «украинские» фамилии — Каретник, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Виктор Белах (начальник штаба анархистской армии), Лепетченко, Щусь. Но украинцами они себя не считают. Наоборот, являются злейшими врагами Симона Петлюры! В начале 1919 года сразу после антигетманского переворота, петлюровцы займут Екатеринославль. А махновцы их тут же выбьют из города! Дважды за гражданскую войну — в том же 1919-м и в конце 1920-го Махно будет поступать на службу к красным. Но на союз с Петлюрой не пойдет никогда!

СПЕЦОПЕРАЦИЯ: ЗАСЛАННЫЙ КАЗАЧОК ИЛЬИЧА

■ Ни в одном из советских фильмов, где Махно представлен обычным бандитом, нет разговора Нестора Ивановича с Лениным. Зато в парижских воспоминаниях Махно такой эпизод есть. Оказавшись в июне 1918 года в Москве, он добился через Свердлова аудиенции у вождя российской революции. По его словам, тот набросился на него с вопросами: «Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах» и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной Рады в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?»

Махно сказал, что лозунг «Вся власть Советам на местах» — «по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся». И добавил, что он сам так считает. «В таком случае, крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом», — заметил Ильич. «А разве это плохо?» — спросил Махно. «Я этого не хочу сказать», — ответил Ленин. — Наоборот, это было бы отрадно, так как это ускорило бы по-

беду коммунизма над капитализмом и его властью».

Незадолго до этой встречи большевики разгромили московский центр анархистов. Терпеть бузу в своем тылу они не желали. Зато развести анархизм за спиной гетмана Скоропадского и немцев Ленину показалось очень своевременной идеей. Вот как описывает завершение этой беседы Махно: «Заметив, что я начал постепенно таять перед его красноречием, он вдруг совершенно неожиданно для меня спросил: «Итак, вы хотите перебраться нелегально на свою Украину?» Я ответил: «Да». «Желаете воспользоваться моим содействием?»

«Очень даже» — ответил я. Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами: «Кто у нас теперь непосредственно стоит в бюро по переправе людей на юг?» И, выяснив этот вопрос, подхватил: «Так

вот, товарищ, зайдите завтра, послезавтра или когда найдете это нужным, к товарищу Карпенко и попросите у него все, что вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он вам укажет и надежный маршрут через границу. «Какую границу?» — спросил я его. «Разве вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украиной граница. Она охраняется немецкими войсками». «Да вы же считаете Ук-

Восковая персона. Современная цветная реконструкция облика батьки

раину «югом России» — заметил я ему. «Считать — одно, товарищ, а в жизни видеть — другое», — ответил Ленин».

Так, с поддельными документами Махно оказался в поезде, следующем на юг. Можно только удивиться, как вождь оценил потенциал этого «ходока». «За чем в Москве такой талантливый беспокойный человек? — по-видимому, подумал Ленин. — А на Украине он будет на своем месте — вредить нашим врагам».

Я далек от того, чтобы представлять веселого кремлевского беса непогрешимым провидцем. Но это моментальное решение картавого лысого коротышки имело глобальные последствия. Махно фактически взбунтовал весь юг Украины. Он развалил тыл сначала Петлюре, а потом и белой армии в тот самый момент, когда осенью 1919 года она наступала на Москву. Удар махновцев в спину генералу Деникину белогвардейские историки будут называть главной причиной провала контрреволюции. Подсаженный в нужное время и в нужное место вирус анархизма уничтожил врагов большевизма на «юге России» и сам обессилел в этой борьбе. После этого кремлевским «докторам» оставалось только изгнать ослабленную «бактерию» из страны. До конца жизни Нестор Иванович так и не отдал себе отчет, что его страстность использовали втемную.

АНАРХИЗМ: ЧИСТО РУССКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

■ Несмотря на иностранное звучание, анархизм — чисто славянское, русское изобретение. У истоков его стояли два аристократа — Михаил Бакунин и князь Петр Кропоткин. Оба они были помещиками и офицерами, но от великосветской скуки подались в бунтари и большую часть жизни провели за рубежом. Бакунин дружил с Карлом Марксом. Кропоткин — прославился побегом из царской тюрьмы. Однако по натуре они являлись полными противоположностями. Кропоткин муху не мог обидеть. Он испытывал отвращение к кровопролитию и настаивал только на мирных методах борьбы, презирая о всеобщем братстве трудящихся без убийств и насилия.

В противовес ему Бакунин отличался принципиальной аморальностью. Он считал, что революционер имеет право на любой обман и жестокость, лишь бы восторжествовала справедливость. По мнению этого идеолога мирового переворота, гибель сотни невинных жертв ради уничтожения всего одного врага революции, вполне оправданна.

Бакунин был одним из основателей 1-го Интернационала. Но в 1868 году он создал тайный союз анархистов, с помощью которого попытался «подсидеть» Маркса и Энгельса и выжить их из руководства этого международного коммунистического шаталы. В 1872 году Гаагский конгресс исключил Бакунина из Интернационала за анархистскую деятельность, и вскоре он умер.

Петр Кропоткин. Выдающийся князь-анархист

Петру Кропоткину, кроме царской, удалось отсидеть пять лет еще и во французской тюрьме — за принадлежность к анархистской «Международной ассоциации рабочих». К слову сказать, никаких орудий труда, кроме карандаша и ручки, он в жизни не

Михаил Бакунин. Выглядит не хуже «карлы-марлы»

держал. В 1917 году князь-революционер вернулся в Россию, увидел победу Октябрьской революции и умер в Москве в 1921 году в преклонном 79-летнем возрасте. Серьезные революционные практики считали его чем-то вроде юродивого. Дед часто чудил. Во время

Первой мировой войны, несмотря на свои «вегетарианские» воззрения, ни с того ни с сего публично поддержал империалистическую Россию против такой же империалистической Германии, за что его критиковал Ленин, обвиняя в «социал-шовинизме».

«САЛЮТ И БОМБА!»

► Кроме России, бакунинско-кропоткинское учение особой популярностью пользовалось в горячей Испании, где любят все остренькое, вроде фламенко и боя быков. Испанцы придумали и знаменитое приветствие, которым настоящий анархист должен здороваться с другим анархистом: «Салют и бомба!» Во время гражданской войны в Испании возникла Каталонская анархистская республика. Там же был сформирован батальон имени Махно. Воевал он жестоко. В плен франкистов не брал. Те, естественно, отвечали такой же принципиальностью. В связи с физическим уничтожением большей части анархистов на земном шаре, ныне острого всплеск этого идеологического вируса не регистрируется. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

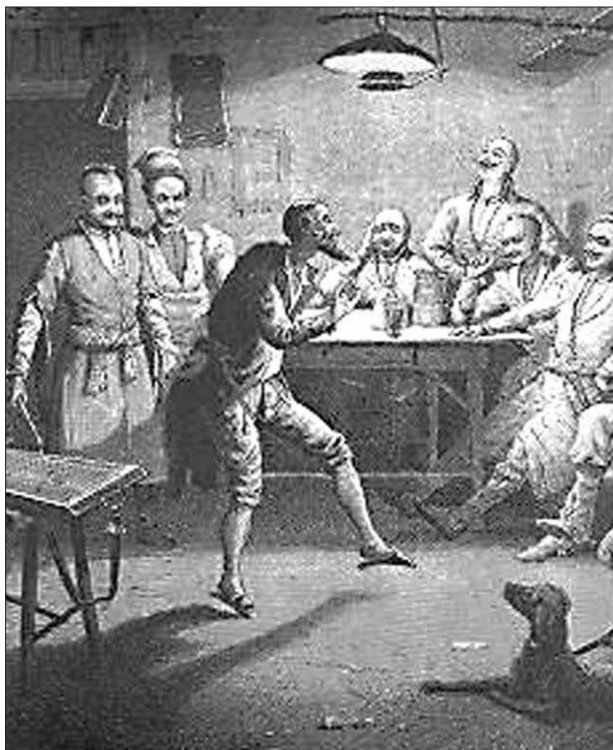

Шушь в облике «морзяка-гусара»

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Темная годовщина ■ Юбилей разграбления Умани в Украине не праздновали. Оно и понятно — 240 лет назад, вырезав в этом городке две тысячи поляков, евреев, униатов, а заодно и подвернувшихся под руку православных (гулять, так гулять!), гайдамаки не подозревали, что поступили «неполиткорректно»

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА XIX ВЕКА СЛАСТИОНА К ПОЭМЕ «ГАЙДАМАКИ»

ЗА КУЛИСАМИ УМАНСКОЙ РЕЗНИ

В разрез с «проевропейским» курсом нынешнего официального Киева, честно говоря, поступили! Правда, один остроумец заметил, что тогда еще не существовало понятия «права человека». Это, дескать, несколько извиняет жестокость и гайдамаков, и прочих борцов за народ радикальными методами, живших в далеком прошлом.

Но, по моему мнению, дело не в наличии или отсутствии юридических терминов. И в 1768 году, и значительно раньше, хорошо понимали, что такое милосердие, и чем оно отличается от зверства. Кровавые подвиги Зализняка и Гонты и не менее лютая расправа над ними показывают, до какого остервенения могут дойти люди в том месте, где столетиями накапливается национальная, религиозная и социальная несправедливость, которую власть имущие упорно не желают замечать. Примерно так же, как в Речи Посполитой при ее последнем короле, когда произошла Уманская трагедия, пухнет эта несправедливость и в современной Украине. А потому память о гайдамактине по-прежнему актуальна.

Уже после подавления восстания его предводителя, называвшего себя «полковником Зализняком», но не умевшего даже подписаться, допросили в канцелярии Каргопольского карабинер-

ного полка. «Из местечка Умны, — поинтересовались у него следователи, — ты и сотник Гонта с командами почему на здешнее место, на котором вы с казаками взяты под караул, выступили?» И получили ответ, замечательный в своей простоте: «Из местечка Умны я и сотник Гонта вышли потому, что от великого побитого народу жить было не можно...»

Иными словами, от разлагающихся трупов стоял такой смрад, что гайдамаки не смогли

Полковник
Максим Зализняк:
«От великого побитого
народу жить было
не можно»

даже толком отпраздновать «победу». Да и назвать ее победой, если честно, не поворачивается язык. Писатели эпохи романтизма, в том числе и наш Шевченко в поэме «Гайдамаки», любили изображать те события яркими живописными красками, придавая им накал и эффектную картинность. А вот, что свидетельствуют показания участников.

Ответ Зализняка опубликован в изданном крошечным тиражом еще в 1970 году сборнике документов «Гайдамацкий рух на Україні в XVIII ст.». Его никто не чи-

За день в Умане зарезали 2 тысячи

тает. А напрасно. Никаких описаний настоящих штурмов и битв не смог привести даже Зализняк. Он рассказал, что родился в «Польской области Чегиринской губернии в местечке Медведевке», а потом, после смерти отца, «пошел в Запорожскую Сечь тому уже назад пятнадцать лет», откуда направился в Матреновский монастырь. Перезимовав там, в апреле 1768 года (точного дня допрашиваемый не смог вспомнить), и, собрав партию в 70 человек запорожских и прочих беглых казаков, Зализняк выбрался на промысел и первым делом перехватил под Жаботином отряд из полусотни шляхтичей-конфедератов, «ис коих заколото человек до сороку».

Получается, что на этом этапе «народный герой» ситуативно воевал на стороне польского короля Станислава Понятовского, против которого выступили эти конфедераты. Впрочем, он вряд ли задумывался о столь высоких материях. Что король, что шляхетские оппозиционеры — для него был один хрен. Но так как после первого успеха к Зализняку сбегалось из разных мест с оружием около тысячи человек («а откуда оные пребывали, о том знать не могл»), то он решил попытать счастья под Уманью.

Весь этот бардак мог происходить только в таком глубоко «свободном» государстве, как польское. Сами поляки говорили,

что «Польша стоит раздорами». По Вечному миру 1686 года, после проигранной многолетней войны, Варшава отдала России Левобережную Украину и Киев. Но правобережье Днепра, где находилась Умань, осталось за Речью Посполитой.

Местность эта после Руины была страшно разорена. Очевидцы вспоминали скелеты и черепа, валявшиеся под открытым небом на местах бывших сражений. Но шляхта потихоньку возвращалась в свои владения и налаживала тот же экономический механизм, который существовал до восстания Богдана Хмельницкого. Управлять обширными земельными владениями лично магнаты не желали — слишком хлопотно. Они предпочитали сдавать их в аренду предприимчивым еврейским бизнесменам, официально не имевшим права владеть землей. В результате православные крестьяне, на эксплуатации которых процветала эта система, ненавидели и тех, и других. Ко всему прочему, у Польши не было ни толковой армии, ни эффективной полиции. Внешних войн шляхта не желала, а поддерживать порядок в колониальной Правобережной Украине предпочитала, набирая казачьи отряды из самих же «туземцев». Именно так предводителем «надворной милиции» на службе у Салезия Потоцкого, которому принадлежала Умань, оказался крестьянин села Росощки Иван Гонта.

КИЕВСКИЕ МОНАСТЫРИ — ТАЙНЫЕ БАЗЫ ПОВСТАНЦЕВ

■ Гайдаматчина 1768 года назревала постепенно. Исподволь бурлило тут на протяжении всей первой половины XVIII столетия. Одной из тайных баз повстанцев стал Киев. Сюда через государственную границу между Польшей и Россией, пролегавшую по речушке Ирпень, сходились со всего правобережья православные священники, которых поляки изгоняли из приходов, передавая их униатам.

Это придавало гайдамацким набегам характер религиозной войны. Как писал в статье «Исследование о гайдамачестве» украинский историк XIX века Владимир Антонович: «В актах мы встречаем гайдамацкие отряды, организующиеся разновременно на землях всех киевских монастырей... В 1750 году, в подробном описании похождений гайдамацкого ватажка Ивана Подoliaки, мы встречаем сведения о том, что монахи Киево-Софийского и Михайловского монастырей оказывали ему постоянно покровительство; один из них, отец Дамиян, управлявший пасекой Михайловского монастыря за Лыбедью, не только приютил Подoliaку, но дозволил ему набрать

Гайдамацкий набег. *Некоторые отряды повстанцев формировались прямо на киевском Подоле*

целый отряд, на свой счет снабдил на дорогу хлебом, оружием, порохом и свинцом и, при выходе благословил гайдамаков образом». В благодарность гайдамаки пожертвовали часть добычи на пользу сельских православных церквей.

В 1747 году один из гайдамацких отрядов был сформирован прямо на Подоле. Сборным местом для него стал дом мещанина Афанасия Цирульника. Этот виртуоз парикмахерского мастерства снабдил налетчиков за свой счет хлебом, деньгами и оружием, после чего те отправились в поход на город Чернобылъ, который успешно и разграбили.

Но и сами поляки частенько выдавали себя за «народных месников!» «В 1751 году, — пишет Антонович, — помещики Юхновские, переодевшись гайдаками, и выкрасив лица сажей, напали с толпой слуг на имение соседа своего, Рудницкого, изувечили его крестьян и ограбили двор». А годом раньше за разбой взялся даже католический священник — приор (то есть, настоятель) Бышевского монастыря Клюковский! С отрядом своих надворных казаков он ограбил имение и шинок шляхтичей Ленкевичей, «выдавая свой отряд за гайдамаков и подражая их приемам».

БЕЗ ВРАНЬЯ: КАК «ПОЛТОРЫ КАЛЕКИ» ЗАЩИЩАЛИ УМАНЬ

■ Український советський історик Володимир Голобуцький описував захват Зализняком Умани так, словно речь шла как минимум о взятии Берлина: «Повстанці пішли на штурм. О сьомій годині вечора, коли їхні лави наблизилися до кріпосних валів, на стінах почалася шалена стрілянина з гармат і рушниць. Повстанці мусили відступити, залишивши на місці декілька вбитих. Проте перша невдача не похитнула їх. Знову і знову протягом цілої ночі штурмували фортецю. Вранці наступного дня гайдамаки вступили до міста».

Пылающий город, ночной штурм — красиво! Но документы не подтверждают этого масштабного батального полотна. Никаких «гармат» в Умани не было. Была только одна «гармата». Да и та почти без ядер. Как пишет Владимир Антонович, польский губернатор Умани Младанович даже был вынужден «отправить доверенных лиц в Бендеры для закупки у турецкого паши пороха и ядер, в которых чувствовался недостаток».

Да и сам Зализняк на допросе скромно вспоминал: «Как скоро в местечко Умны вошли, то хотя по нас и было из одной прежде пушки, а потом из мелкого ружья выстрел, однако нам никакого урона, кроме одного человека, не учинено». Не известно даже, был ли убит этот единственный подстреленный гайдамака! Возможно, только ранен. О героическом многочасовом ночном штурме, который он якобы совершил, реальный Зализняк, в отличие от Голобуцкого, писавшего после него через двести лет, тоже ничего не знает.

В Умань сбежалась шляхта и евреи со всей округи. Защищаться это воинство почти не умело. А единственный боеспособный отряд — надворная казачья милиция, набранная из православных крестьян,

ян, в полном составе под командой сотника Ивана Гонты перешел на сторону Зализняка.

К тому же в городе не хватало питьевой воды. Владимир Антонович, описавший Уманскую трагедию по воспоминаниям уцелевших очевидцев с польской стороны, приводит очень прозаические, но правдоподобные факты: «Запасы пороху и картечи истощились; при том в городе не было воды, колодезь, начатый за несколько дней назад, на глубине 30 сажень, наткнулся на скалу; осажденные должны были утолять жажду медом, вишневою и вином, от которых хмелили и увеличивали беспорядок; сверх того, ночью из города сбежали все солдаты гарнизона, экономические слуги и арестанты...»

Потеряв надежду удержать Умань, губернатор Младанович решил договориться с гайдамаками.

Младанович уговорил купцов-евреев отправить Гонта и Зализняка в подарок несколько возов с дорогими тканями, чтобы задобрить их. Гайдамацкие батеньки приняли «взятку», но переговоры отложили до утра. «На следующий день Гонта, — пишет Антонович, — привязав белый платок к копыю, подъехал к воротам и предложил возобновить переговоры об условиях сдачи; он требовал, чтобы Младанович вышел к нему лично».

Губернатор в сопровождении мешан с хлебом и солью выбрался из городских ворот и отправился в поле. Но тут среди обожавших плюрализм поляков началась неуместная дискуссия. Одни шляхтичи утверждали, что Младанович не имеет права сдавать город. Другие — им возражали. Наступил такой бардак, что Младанович плюнул на всех и со словами: «Помышляйте же сами о себе, а я предаю себя Господу!» пошел в костел молиться.

Сотник-страдалец отличался импозантной внешностью

Современный памятник Зализняку

ГОНТА: СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ,
ЧУЖОЙ — СРЕДИ СВОИХ

■ Через оставшиеся не закрытыми ворота в Умань хлынула толпа гайдамаков, не слушая даже своих предводителей, и устроила резню. «Поляков, жидов, а при том и тех, кои и во услужении конфедератов были веры греческой, поколото немало число, — вспоминал на допросе Зализняк, — а сколько, заподлено знать не могу, однако думаю не менее, как всех мужеска и женска, даже до сущих младенцев, тысячи две человек ... и при том пограблено денег тысячи сто рублей... Между показанным побитым нами народом, губернатор с женою убит, а о прочих: как ксензах, попах и протчих полскаго шляхетства ведать не могу, потому что я не здешняго места житель».

Кого смог, спас лично Гонта. В поэме Шевченко «Гайдамаки», напичканной выдумками, этот сотник убивает двух своих сыновей, отданных матерью на воспитание католикам. В реальности ничего подобного произойти не могло. У Гонты было четверо дочерей и только один сын. В дни осады Умани все они находились в его родном селе Росошки. К тому же женат сотник был на православной женщине. Это была обычная семья, усердная в родной вере. На православном храме в Росошках долго сохранялась надпись: «Церковь сия збудована коштом сотника Ивана Гонты и всей громады». А в Воздвиженской церкви местечка Володарки в числе ктиторов был записан Гонта вместе с женой.

В дни бунта Ивану Гонте пришлось совершить сложный выбор. Потоцкий всегда относился к нему хорошо и даже по-

дарил ему его родное село — те самые Росошки. Сотник отличался импозантной внешностью и превосходно говорил и писал по-польски. Как вспоминал сын убитого губернатора Павел Младанович, «воспитание его было такого, что и теперь его можно было бы считать за шляхтича». (Между прочим, в допросных листах за неграмотного Зализняка по-польски расписался именно Гонта.) Но голос крови пересилил. «Своими» для Ивана были все-таки православные гайдамаки, а не католики-шляхтичи.

Жестокая ирония заключалась в том, что и Гонтю, и Зализняка поймали именно русские войска, которые пришли на помощь своему польскому союзнику — королю Станиславу Понятовскому. Но во время казни Гонта вел себя достойнее любого дворянина и даже завещал вырезанную из его спины полосу кожи одному шляхтичу, попросившему: «В

Гонта не мог
резать своих
сыновей —
у него было
четыре дочери

наследство» дорогой пояс сотника. Казнь Гонты должна была продолжаться две недели. В течение первых десяти дней, по решению польского правосудия, ему предписывалось вырезать по «пасу» кожи, на одиннадцатый день — отрубить ноги. На двенадцатый — руки. На тринадцатый — вырезать сердце. И только на четырнадцатый — обезглавить. Выдержать эту процедуру так и не смогли. Польский гетман Браницкий приказал отрубить Гонте голову на третий день, а все остальное проделать на трупе. Череп сотника многие годы красовался на воротах городка Могилев в Подолии.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Покушение столетия ■ За всю историю в Киеве погиб только один фельдмаршал. Им стал командующий немецкой группой армий «Киев» фон Эйхгорн, убитый эсером-террористом Донским девяносто лет назад

Генерал-фельдмаршал Эйхгорн по прибытии в Киев осматривает на вокзале почетный караул синезупанников (весна 1918-го)

Немецкое, австрийское и украинское командование принимают парад Синезупанной дивизии на Софийской площади

Военный оркестр одного из немецких пехотных полков на Думской площади (сейчас это Майдан Незалежности)

Германский патруль проверяет документы на Крещатике. Немцы 1918-го вели себя в Киеве совсем не так, как их наследники в 1941 г.

БОМБА ДЛЯ «ЛУЧШЕГО ДРУГА» УКРАИНЫ

В последний день июля 1918 года все киевские газеты вышли с устрашающими заголовками, сообщавшими об убийстве командующего германскими войсками в Украине. «Покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна», — кричали «Последние новости»: «Сегодня в половине второго дня было сделано покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна, который возвращался со своим адъютантом пешком домой. Брошенной бомбой тяжело ранен адъютант и получил тяжелые ранения генерал-фельдмаршал. Преступники задержаны. На место покушения немедленно прибыл пан Гетман и в его присутствии генерал-фельдмаршал, который был в сознании, был перевезен в одну из киевских клиник. Врачи выражают надежду, что, невзирая на тяжкие ранения, жизни генерал-фельдмаршала не угрожает опасность».

Вслед за этим текстом шло сообщение германского пресс-бюро о том, что командующий и его адъютант в момент покушения возвращались «из офицерского собрания на квартиру» и заметка «Смерть ген. Эйхгорна». В газете так спешили, что даже не заме-

тили ошибки в первом сообщении. «Сегодня» следовало заменить на «вчера». Ведь покушение произошло 30 июля, во вторник, а газета вышла 31-го, в среду. Но, видимо, потрясение газетчиков

Именем убийцы Эйхгорна, Бориса Донского, в 20-е годы в Киеве назывался Липский переулок

было таким сильным, что полученную из УТА (Украинского телеграфного агентства) рассылку поставили в номер без всяких правок.

В претендующем на респектабельность «Русском голосе», в отличие от легковесных «Последних новостей», успели подумать. Тут та же фраза звучала правильно: «Официально. Вчера в половине второго дня было совершено покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна»...

Дальше шли подробности: «Сотрудникам газеты удалось беседовать с врачом, который пользует генерала Эйхгорна и его адъютанта. По словам доктора, положение фельдмаршала очень тяжелое, но все же есть некоторая надежда на его выздоровление. Что же касается адъютанта, то его ранение очень серьезно, оторвана одна нога, а другую придется ампутировать. Надежды на выздоровление почти нет». И завершала подборку краткая заметка «Кончина г.-ф. Эйхгорна»: «В 1 ч. ночи нашему сотруднику сообщили в германской комендатуре, что генерал Эйхгорн скончался около 10 ч. вечера. Незадолго перед тем скончался его адъютант».

«Голос Киева» перепечатал то же сообщение УТА, добавив только, что, по распоряжению германских властей, «ввиду покушения» были «отменены зрелища во всех театрах».

Липская, 16. Тут жил Эйхгорн

Здесь, на углу Липской улицы (в начале прошлого века — Екатерининской) и Липского переулка, террорист Борис Донской бросил гранату под ноги фельдмаршалу фон Эйхгорну и его адъютанту Дресслеру

ПО ПРИГОВОРУ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

■ Абсурдом было все это покушение. Германский патруль догнал бомбиста. Им оказался балтийский матрос Борис Донской — 24-летний уроженец села Гладкие Выселки Рязанской губернии. На допросе он заявил, что проник в Киев по решению левых эсеров, чтобы исполнить смертный приговор фельдмаршалу как душегубу русской революции.

Добиться чего-то большего немцы следователи от него не смогли. Донского повесили на Лукьяновской площади в Киеве 10 августа 1918 года. Теперь тут находится базар. Место для казни было выбрано лишь потому, что рядом Лукьяновская тюрьма, где держали террориста: и конвоировать недалеко, и соратники точно не отобьют. А тайные обстоятельства покушения приоткрылись, когда в Берлине в сборнике «Пути революции» в 1923 году вышли воспоминания некой левозеро-вской деятельницы И. Каховской «Дело Эйхгорна». Каховская вспоминала, что поначалу «сконструировалась» группа из трех человек, куда вошли «тов. Смолянский, занимавший в то время ответственный советский пост; тов. Борис Донской, кронштадтский матрос, пользовавшийся доверием в глазах товарищей, большой любовью и уважением, и я». После того как II съезд Партии левых эсеров в апреле 1918 г. постановил применить

«интернациональный» террор против врагов революции, ЦК наметил «центральные фигуры» — графа Мирбаха в Москве и фельдмаршала Эйхгорна в Киеве, «которые приковали к себе внимание всех трудящихся России». По ее свидетельству, только «в силу случайного стечения обстоятельств» теракт против Мирбаха предшествовал теракту против Эйхгорна.

Но в это время он уже полностью потерял практический смысл. Большевики разгромили левозеро-вский мятеж в Москве, вспыхнувший после убийства Мирбаха 6 июля. Никаких надежд захватить власть во всей бывшей Российской империи у эсеров не осталось. Да и Эйхгорн, как пишет в мемуарах Скоропадский, «был как бы не у дел, а всеми вопросами ведал генерал Гренер». Семидесятилетний фельдмаршал являлся «свадебным генералом». Не от него зависела судьба Украины, России и, тем более, мира. Она решалась в этот момент на Западном фронте, во Франции, где немецкие армии стали трещать под ударами французов и американцев. В какой-то мере бомба Донского избавила старика Эйхгорна от печальной возможности увидеть капитуляцию Германии, немецкую революцию, словно подражавшую русскому образцу и крушение Рейха, которому он служил с юности.

Лютеранская кирха. Храм, где отпевали Эйхгорна, стоит в Киеве

ВНУК ФИЛОСОФА И ГЕРОЙ ТРЕХ ВОЙН

■ Фельдмаршал Герман фон Эйхгорн по женской линии был внуком известного немецкого философа Шеллинга, но философией не занимался. Эйхгорн появился на свет в 1848 г. в западной части Польши, которая тогда входила в состав Германской империи. Его родной город назывался Бреслау. Теперь это Вроцлав.

Карьеру офицера он начал, в 1866 г. и сразу же оказался на войне с Австрией. Второй войной будущего командующего немецкой оккупационной армией в Украине стала франко-прусская 1870—1871 гг.

Накануне 1914 года он был уже военным пенсионером, но вернулся на службу и успешно командовал частями на Восточном фронте. Его армия разгромила русских в сражении в Августовских лесах зимой 1915 года. А вершиной успехов Эйхгорна стало взятие Риги в 1917 году. В декабре этого же года он стал фельдмаршалом.

Скоропадский называл его человеком, который «умел умиротворять все страсти». «Это был безусловно честный, неподкупный человек, — писал гетман. — Он явился на Украину с армией и в сущности мог сильно увеличить требования, которые немцы нам предъявляли, так как мы были совершенно бессильны, в нем же, наоборот, я находил всегда полное сочувствие». Скоропадский вспоминал, как за несколько дней до убийства фельдмаршала «запросто» зашел к нему в гости: «Он сам варил кофе, и в разговоре я ему указал на целый ряд беззаконностей, которые себе позволяли кое-кто из его многочисленных подчиненных, и он возмущался этим и обещал принять меры»...

Сразу же после убийства Эйхгорна гетман почувствовал, что «его уход может лишь осложнить еще больше положение на Украине». Однако Павел Петрович так и не осознал главного: задуманная как антирусский проект Украинская держава, державшаяся только на немецкой помощи, не имела ни малейших шансов на существование. Потом эту же ошибку повторит Петлюра, который понадеялся в 1920 году на поляков. Ныне немцев и поляков в раскладах украинской «элиты» заменили американцы. Осталось совсем немного времени, чтобы проверить, на сколько хватит этой опоры.

Герман фон Эйхгорн (1848—1918)

Сенсация. Статьи в киевских газетах «Русское Слово» и «Последние новости» от 31 июля 1918-го года, сообщавшие о покушении на фельдмаршала

И только «Киевская мысль» — самая популярная и «думающая» газета города, не ограничившись пересказом официальных сообщений, на первой полосе успела выдать даже пространную редакционную статью. «Убийство фельдмаршала фон Эйхгорна, — по-бабьи причитала она, — будет, несомненно, встречено населением Украины с негодованием и ужасом. Истощенное и измученное событиями этого года оно в безумном и бессмысленном акте террориста увидит основание для новых тревог. Кто послал этого бомбиста на его преступление, к тому времени, когда пишутся эти строки, еще неизвестно».

Но памятливая «Мысль» тут же припомнила (и, нужно заметить, очень кстати!) недавнее убийство левыми эсерами в Москве германского посла Мирбаха и следовавшее за ним «бессмысленное восстание» (то есть левозеро-вский мятеж), назвав его участников «кучкой фанатиков и искателей приключений». «Кем бы ни было совершено убийство фельдмаршала Эйхгорна, — негодовала газета, — ясно, во всяком случае, одно: это дикая авантюра тех, кто в общей массе населения является безот-

ветственными одиночками, не имеющими за собой никаких народных сил».

СОСЕД ГЕТМАНА. Эйхгорн жил на Екатерининской улице, 16, (ныне — Липской) в шикарном особняке графа Уварова, незадолго до революции перепроданном киевскому домовладельцу Попову. В советские времена в этом здании находилось управление КГБ по Киеву и области, а теперь — Украинский фонд культуры. Интерьеры сохранились до сих пор, хотя и в весьма изношенном виде — дубовая лестница на второй этаж, парящие амурчики под потолком, массивный камин — 70-летний вояка предпочитал пошлую роскошь, как сказал бы Остап Бендер.

На параллельной улице (сейчас она называется Шелковичной, а тогда — Левашовской) располагалась резиденция гетмана Скоропадского. Поэтому гетман хорошо слышал взрыв, который описал в своих мемуарах: «Мы только что окончили завтрак в саду, и я с генералом Раухом хотел пройтись по саду, примыкающему к моему дому. Не отошли мы и нескольких шагов, как раздался сильный взрыв. Я по звуку понял, что ра-

зорвалось что-то вроде сильной ручной гранаты... Я и мой адъютант побежали туда. Мы застали действительно тяжелую картину, фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом с ним лежал на других носилках его адъютант Дресслер, с оторванными ногами, последний, не было сомнения, умер. Я подошел к фельдмаршалу, он меня узнал, я пожал ему руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика».

ПОСЛЕДНЯЯ УЛЫБКА. «Русский голос» в номере от 1 августа добавил еще и чувствительную подробность в духе булгаковского Шервинского из «Дней Турбиных», обожавшего фразы вроде «и прослезился». «Пан гетман, — писал «Голос», — наклонился и поцеловал раненого. Фельдмаршал открыл глаза, улыбнулся и пытался было заговорить, но силы оставили его».

Аж плакать хочется! Как бы то ни было, но на вокзал, когда тело фельдмаршала будут отправлять на родину, Скоропадский не поедет. Зато накануне, по сообщению того же «Русского голоса», в Лютеранскую кирху, где отпевали убитого, был доставлен венок от гетманского МИДа

с трогательной надписью: «Генералу-фельдмаршалу Эйхгорну, другу и защитнику Украинской державы!»

«УКРАИНА — НЕ ПОНИМАЮ!» Вот ведь как получается! Целых три года Скоропадский и Эйхгорн сражались по разные стороны фронта в Первой мировой войне. Первый — как генерал-лейтенант русской армии. Второй — как генерал немецкий. Потом произошла революция. Пала монархия. Возникла Центральная Рада, пригласившая немцев «защитить Украину» от большевиков, и Эйхгорн явился во главе своей железноголовой армии в стальных касках в Киев, где, сбросив беспомощную Раду, посадил на украинский «престол» гетмана Скоропадского. А теперь он лежал в гробу, с венком от Украинской державы, несмотря на то, что именно ему принадлежала не без иронии сказанная историческая фраза: «Россия — понимаю, Украина — не понимаю!»

Да любой тут скажет: абсурд какой-то! Но именно абсурдом и является то, что профессиональные историки называют «закономерностями исторического процесса».

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

ЧИГИРИН: БЕЛЫЕ ПЯТНА ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

330 лет назад ■ Произошло одно из самых кровавых и незаслуженно забытых сражений в истории Украины

Битва с турками. В конце XVII в. войско султана еще наводило ужас на весь христианский мир

Политическая конъюнктура не знает справедливости. Кавалерийскую стычку под Конотопом у нас возводят чуть ли не до уровня государственного праздника. А двухлетнюю войну за Чигирин, в результате которой Украина была спасена от завоевания турками, забыли, словно ее и не было. Почему? Да только потому, что там сражалась русская армия боярина Ромодановского и казаки гетмана Самойловича. И тот, и другой ныне в Украине не в моде. Первый за то, что «москаль». А второй — потому что не Мазепа. Но пропустили они тогда турок к Киеву, не было бы где Виктору Андреевичу встречать Вселенского Патриарха — стояла бы посреди нашего города, вместо собора святой Софии, турецкая мечеть. Точь-в-точь как в Стамбуле —

людей в тогдашней Украине. Я цитирую его в современном украинском переводе. Но сути дела это не меняет. Ужас и накал тех событий чувствуется в каждой его строке.

Результатом Хмельнитчины и гетманских междоусобиц стала гигантская дыра, развороченная на самой границе христианского и мусульманского миров. Польша больше не могла удерживать свои южные границы. В Турции это сразу оценили. В 1672 году армия султана захватила Каменец-Подольский. Потом — Умани. «В Умани, — писал в своей летописи гадячский полковник Григорий Грабянка, — турки отрезали у убитых христиан головы и за каждую голову брали у паши по червонцу. В тех же городах, что покорились туркам, они взяли выкуп сыновьями и дочерьми и обасурманили их». Ставленни-

ком турецкого султана был гетман Дорошенко, при котором бегал ротмистром еще мало кому известный Мазепа. «После покорения Умани, — продолжает

Грабянка, — турок вернулся в свои земли, оставив Дорошенко орду. С ней Дорошенко прошел Украину и всех, кто поддался царскому величеству, истреблял. А у тех, кто припрятал что-то от войска, тотчас же забирали все пытками и платил татарам. А своей пехоте, не имея чем платить, приказал грабить купцов на дороге».

ТУРКОФИЛ ДОРОШЕНКО. Таковы были эти «защитники Украины!» Народ бежал от

Осада Чигирина. Хорошо видны турецкие осадные пушки

них, куда глаза глядят. По словам Грабянки, «начали заднепряне свою землю бросать и переходить в Малую Россию к гетману Самойловичу». Тот принимал беглецов с радушием».

К 1676 году Дорошенко оказался в полной политической изоляции. «Рейтинг» его был примерно, как сейчас у Виктора Андреевича. Он закрылся в Чигирине, а когда Самойлович и боярин Ромодановский приехали его осаждать, решил сдать-ся без боя, выторговав право на жизнь. Те согласились. «Тогда он вышел из города, — пишет Грабянка, — поклонился боярину и гетману, сдал Самойловичу

гетманство вместе с булавой и бунчуком, потом вывел из города наемников и сдал город и артиллерию. Их место заняло войско великорусское и малорусское... Вот таким позором и разрушением Украины завершилось гетманство Дорошенко. Ибо привел на Украину турецкого султана, а тот... передвинул границу своей империи до самого Львова».

«Обиду», нанесенную своему ставленнику, султан не простил. Он выпустил из тюрьмы сына Богдана Хмельницкого — Юрия, дал ему титул «князя Сарматского» и вместе с армией и татарской ордой направил под Чигирин. В 1677 году русско-украинская армия отстояла город — в битве погиб даже ханский сын. Но ровно через год 8 июля, по старому стилю, новая турецкая рать во главе с великим визирем Кара-Мустафой опять оказалась под Чигирином.

ВРАЖЬЯ СИЛА. Она была огромна. По свидетельству находившегося в Чигирине шотландского полковника на русской службе Патрика Гордона, Кара-Мустафа привел 15 тысяч янычар, еще столько же других пехотинцев, 15 тысяч саперов («шанцекопов»), 3 тысячи кавалеристов, 10 тысяч солдат вассальных князей Молдавии и Валахии. Турки имели 4 гигантские пушки, «каждую из которых везли 32 пары буйволов», 27 больших батарейных орудий, 130 полевых пушек и 15 мортир. Крымский хан привел 50 тысяч татар. В армии было 5 тысяч верблюдов, 8 тысяч подвод, 100 тысяч повозок для провианта и 8 тысяч пастухов — «пастухи, извозчики и шанцекопы были все христиане из европейских владений султана».

Гарнизон крепости насчитывал 11 тысяч русских солдат, драгун и малороссийских казаков. Самым

Казак-артиллерист. Рисунок XIX ст.

Поэт Бучинский-Яскольд:
«Вже турецька притисла нога Україну...»

Вже турецька притисла нога Україну —

Смок азійський поспішно поведе до Чигирину...

*Чигирин ув облозі у відчай впадає
І надії на поміч вже майже не має...*

*Християн тисне нехрист
накотом важезним.*

Вдар їх, Боже! Кинь в їжу гадюкам шаленим!

Жил Бучинский в Новгороде-Северском, а писал по-польски, как и большинство образованных

ПАТРИК ГОРДОН: ГЕНЕРАЛ И ПИСАТЕЛЬ

■ Больше всего о Чигиринской осаде мы знаем из мемуаров шотландского наемника на русской службе Патрика Гордона. В России его называли еще Петром Ивановичем. Гордон родился в 1635 году и с восемнадцати лет участвовал во всех войнах, которые про-

Гордон получил
около десятка
ран и оставил
три толстых
тома мемуаров

том, какое оружие выбрать. Пока ездили за шпагой для Монтгомери, хмель вышел, brave шотландские парни поостыли, и «в тот же день после обеда их помирили английские купцы». Несмотря на этот анекдотический случай, Патрик Гордон был храбрым и честным воякой. В 1665 году он получил чин полковника. Потом ездил послом к английскому королю Карлу II. С 1667-го по 1686 год большая часть службы шотландца проходила на Украине. Несколько лет он прожил в Киеве. Став генералом, он участвовал в двух походах на Крым при царице Софье, взятии Азова при Петре Первом, подавил стрелецкий бунт, когда Петр находился в заграничном путешествии. Царь-реформатор очень любил Гордона, считал его своим учителем в военном деле, а когда генерал умер, в 1699 году, проводил его такими словами: «Когда б не Гордон, Москве было бы бедствие великое. Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом».

Всю жизнь генерал вел дневник, описывая исторические события, в которых участвовал. Он никогда не стеснялся правды, какой бы неприглядной она не была. Воспоминания Гордона — самое интересное чтение по истории России и Украины конца XVII столетия. Полный перевод их вышел только несколько лет назад в Москве.

Бои за город продолжались больше месяца. Наиболее полное описание его оставил полковник Гордон: «Янычары стреляли из своих траншей в бойницы настолько удачно, что ни один русский не мог выглянуть, не подвергаясь опасности быть убитым». Но самый сильный психологический эффект произвели ручные гранаты турок. Гордон рассказывает о панике, возникшей среди его солдат, когда они впервые столкнулись с этим оружием: «Они приведены были в такое смятение случайно разорвавшейся ручной гранатой, что побросали оружие и сломя голову бросились в ров». Но вскоре защитники крепости привыкли к гранатам и научились тушить эти набитые порохом ядрышки с фитилем, набрасывая на них мокрые рогожи.

Не забывал Гордон и о денежных стимулах. Перед штурмом турками Крымских ворот Чигирин он пообещал каждому из своих солдат, «который захватит знамя или пленника, 5 руб. из своего кармана». В результате, во время вылазки осажденные выгнали турок из траншеи и захватили сразу два знамени. Но они, как повествует полковник, «были так изодраны русскими и казаками (так как каждый хотел принести их), что невозможно было решить, кому принадлежала обещанная награда».

Осада Чигирина. Она действительно напоминала ад. Турки взрывали валы крепости минами. Каждый день в город попадало около тысячи ядер и две-три сотни бомб (разрывных снарядов). Жар от огня пыла-

ющих зданий был так силен, что в некоторых местах «казаки не могли устоять на валу». Это была зрелищная, достойная киноэкранизации война, чем-то напоминающая нынешние уличные бои в Грозном или Багдаде. Русские солдаты сражались в кирасах и шлемах, как современные дерутся в бронежилетах и касках. Иногда схватки происходили в минных галереях под землей. От взрыва бомбы погиб комендант крепости.

Хватало и комичных моментов. Однажды вечером к Гордону прибыл один голландский подполковник и рассказал, что обещал боярам прогнать турок с вала с 50 солдатами. «Видя, что он пьян и что предприятие это, конечно, невозможно, — иронизирует Гордон, — я попросил подождать его до следующего утра, а пока осмотреть крепость».

9 августа противостояние достигло пика. Перед рассветом в Чигирин перебежал молодой поляк, взятый в плен турками четыре года назад, и рассказал, что турки создали совет, на котором большинство было за снятие осады. Но визирь ничего не хотел и слышать об этом. Русские и казаки оставили крепость, только когда всю ее охватила пожар. Сражаться было уже не за что. Об ожесточенности бомбардировки говорит то, что в последнюю ночь в полку Гордона погибли три капитана, четыре лейтенанта и шесть прапорщиков. «Весь вечер и ночь, — завершает полковник, — турки не переставали стрелять со своих батарей, чтобы помешать тушению пожара... Так был защищаем и потерян Чигирин; он был оставлен, но не покорен».

Надвигалась осень. Ни времени, ни сил для похода на Киев у турок больше не осталось.

Оборона Чигирина. По накалу превосходила сотню «битв за Конотоп»

Секретный объект. Таким зарисовал Чигирин 1678 г. полковник Гордон, спроектировавший некоторые укрепления

ЧИГИРИН — СЛОВО ТАТАРСКОЕ

■ Название этого города писали по-разному — Чигирин, Чегирин, Чигрин. По происхождению оно не славянское, а тюркское. Как свидетельствует словарь Владимира Даля, на языке астраханских и крымских татар чигирь — «водопроводный снаряд для поливки садов, виноградников, бахчей, баштанов». Он представлял собой стоячий вал, который с помощью шестерни соединялся с другим валом — установленным горизонтально над колодцем. Это приспособление вращали лошади или волю. «Через колесо, — пишет Даль, — перекинута круглая цепь ковшей на веревке; они черпают и выливают воду опрокидую через колесо в корыто, желоб, откуда

она растекается скатными канавками по бахче; главное искусство — расположить канавки». Другое значение слова «чигирь», по Далю, — «звезда или планета Венера, утренняя звезда, зарница, восходящая или заходящая, как чигирная бадья». В украинской истории слава Чигирина действительно возшла и погасла, как звезда. Накануне восстания Богдана Хмельницкого этот городок был обычным сотенным местечком Черкасского полка на рубеже Речи Посполитой и Крымского ханства. Но так как чигиринским сотником и был сам Богдан, то после первых побед над поляками он сделал Чигирин своей столицей. После его смерти тут находилась ставка следу-

ющих гетманов — Юрия Хмельницкого, а потом Выговского и Дорошенко. Чигиринский период Украины вошел в историю всего в три десятилетия с 1648-го по 1678 — от начала «национально-освободительной войны против Польши» до взятия города турками. Следующей столицей Украины стали тоже маленькие города — Батурин, а после 1708 года — Глухов. Спрашивается, почему не Киев? И Батурин, и Глухов располагались поблизости от границы с Россией, вассалом которой была Гетманщина. А Киев находился на самой границе с Польшей. Чтобы чувствовать себя в безопасности от вторжения с запада, гетманы и забирались в эту «глухомань».

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

История-сказка ■ Последняя война на Кавказе пробудила интерес к грузинскому прошлому. Откуда есть пошла Грузия? Так, перефразируя Нестора Летописца, хочется спросить

ГРУЗИЯ — РОДИНА УДАБНОПИТЕКА

В наших школах историю Грузии не изучают. А жаль! Это поучительная для любого националиста история народа, окончательно «придуманного» только в советские времена. Начнем с того, что сами грузины себя грузинами не величают, хотя и любят спорить, кто из них настоящий грузин. В обычную человеческую логику это не вписывается. И тем не менее это факт.

Наименование «грузин» происходит от персидского слова «гюрдж». Так персы называли земляков Саакашвили еще в Средние века. От них слово пере-шло в европейские языки. Склонные к самопрославлению представители гордой кавказской нации, насчитывающей ныне около 3 млн человек любят утверждать, что международное имя грузин произошло якобы от св. Георгия Победоносца. Дескать, все грузины такие же храбрые, как он. Но наука (и филологическая, и военная) пока не подтвердила такое объяснение.

Самоназвание грузин — «картвелеби» (во множественном числе) и — «картвели» (в единственном), а их страны — Сакартвело. То есть один грузин — это картвели. А два и больше —

картвелеби. Прижилось это название от имени центральной провинции Грузии — Картли. Там находится и Тбилиси — столица страны.

Как же так получилось, что грузины до сих пор не решили, кто из них подлинный? А дело в том, что сильно пересеченный кавказский рельеф отлично способствует сохранению различных сепаратизмов. Тут удобно защищаться за каждой кочкой. И из-за нее же нападать на ближнего своего. За всю историю Грузии только в XII — первой половине XIII и во второй половине XIV — середине XV веков она была относительно единой. Во все остальные времена на ее нынешней территории находилось около десятка независи-

мых государств. С древности, кроме «картвелеби» тут существовали и другие племена — кахетинцы со столицей в Кутаиси, имеретинцы, мингрельцы, гурийцы, хевсуры, пшавы, сваны... Этот список можно продолжить до бесконечности! Причем, если диалекты кахетинцев и имеретинцев похожи на официальный гру-

ДАВИД СТРОИТЕЛЬ — ЦАРЬ АБХАЗИИ

► До начала XII века на территории будущей Грузии продолжались бесконечные войны всех против всех. Конец этому на некоторое время положил царь Давид Строитель. Сейчас он считается грузинским национальным героем. А кем был в реальности, трудно сказать. Происходил Давид из династии Багратионов. Этот род утверждал, что является прямым наследником знаменитого по Библии израильского царя Соломона. На Кавказе любят сказки. Мог ли еврейский царь, исповадовавший иудаизм, стать родоначальником христианского правящего рода? Но пыли в глаза окружающим кавказским народам Багратионы пустили! Первым же точно известным их представителем был некий Смбат Багратуни, трудившийся у армянского царя конюшим в конце III века. Вот и решайте, кем они были по корням: евреями, армянами или грузинами? Ко времени Давида Строителя Багратионы благодаря родственным связям унаследовали Абхазию. Территория Картли вместе с городом Тбилиси в этот период вообще находилась в руках турок-сельджуков. Большинство населения города составляли мусульмане. А правил ими турецкий эмир. Но Давиду очень повезло. Как

Фреска. Давид Строитель

раз в эти годы русские князья во главе с Владимиром Мономахом разбили половцев. Орда их бежала на Кавказ. Давид нанял 40 тысяч этих битых кочевников себе на службу и с их помощью в 1122 г. отобрал у турок Тбилиси и перенес туда свою столицу. Но полным хозяином он там никогда себя не чувствовал и даже запретил любившим свинину грузинам приводить свиней в мусульманскую часть города, чтобы не оскорблять религиозные чувства правоверных. Полный титул Давида Строителя в конце жизни значился так — царь Абхазии и Картли.

зинский, то сванский и мингрельский — абсолютно отдельные языки. Речь свана напоминает тбилисскую куда меньше, чем говор наших гуцулов — язык донецких шахтеров.

Сванский и мингрельский языки насчитывают почти 3 тысячи лет. Но в советские и нынешние времена в Грузии их последовательно подавляли во имя единства нации. Поэтому даже не существует их письменной формы — только устная. Но мингрелов легко отличить от всех остальных грузин по фамилиям, оканчивающимся на «-ия» или «-иа». Жвания, Берия, Гамсахурдия — мингрелы. Время от времени мингрельский клан захватывает власть в Тбилиси, словно мстя за свое национальное унижение. Ведь самое древнее из известных истории государств на территории Грузии — Колхида — сложилось именно на земле мингрельцев. Сюда плыл древнегреческий герой Ясон за золотым руном. Отсюда увез он домой волшебницу Медею. Позже эта часть мингрельской истории была присвоена официальной грузинской пропагандой.

Ни одно событие в грузинской политике нельзя понять без учета этих запутанных «племенных» взаимоотношений. Свержение первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдия в начале 90-х было не просто гражданской войной, но и борьбой против преобладания в правящей элите мингрелов.

Один грузин —
«картвели».
Два и
больше —
«картвелеби»

МУТАЦИЯ ДИНАСТИИ: КАК БАГРАТИОНЫ СТАЛИ МУСУЛЬМАНАМИ И НАРКОМАНАМИ

■ Эпоху Давида Строителя грузины считают великой, хотя она относится к ним, как говорится, боком. Посудите сами: царь — абхазский, войско у него — половецкое. А в результате все это — грузинская история. Между прочим, правил в Тбилиси Давид всего три года — после этого он умер.

Еще более выдающейся считается эпоха царицы Тамары (1184—1213). Если вы побываете в Грузии, местные жители покажут вам в разных местах штук десять могил, якобы принадлежащих этой великой женщине. Просто «переселение тел» какое-то! На самом деле, «величие» Грузии было эфемерным — одно нахальство. Так же, как князьями на Кавказе называли чуть ли не каждого второго, так и царем там мог стать обладатель пары десятков деревень. У нас Ярослав Мудрый правил огромной страной от Новгорода до Киева и скромно подписывался князем — всего лишь «герцогом» по западноевропейской терминологии. А Тамара — царица! Хотя царство ее с трудом можно различить на карте.

В XIII веке все, что осталось от царства Тамары, захватили монголы. Потом эти руины завоевал Тамерлан, дважды сжигавший Тбилиси. И только в промежутке между этими азиатскими нашествиями — при Георгии V Блистательном (1314—1346 гг.) — царство Картли ненадолго воскресло.

Но дали знать местные сепаратисты, считавшие, что они прежде всего кахетинцы или имеретинцы и только потом, возможно, еще и грузины. В 1469 г. Картлийское государство распалось, как писал грузинский историк XVII в. Вахушти Багратиони, «на три царства и пять княжеств» —

Картлию, Кахетию, Имеретию, Самцху, Одиши, Гурию, Сванетию и Абхазию.

Вахушти Багратиони происходил из царского рода. Он хорошо знал повадки своих родственников. По его рассказу, в XVII в. цари Картли выглядели не очень благопристойно. Большинство из них правили только по милости персов или турок и тайне от своих подданных принимали мусульманство. Началось все с царя Ростом — ставлен-

ника Персии, воцарившегося в 1634 г. По словам Вахушти, он «был мусульманином» и «привел из Персии омусульманившихся пленников грузин, и по их вине распространились среди грузин роскошь, прелюбодеяние, ложь, наслаждение тела, баня персидская, щегольство непристойное, арфисты и певцы мусульманские. И кто не пристрастился к этим делам, их не почитали».

Другие правители оказались под стать Ростому. Царь Симон во время боя с турками под Гори обкурился гашишем,

обился вином и послал своих воинов за зеленью из сада, говоря: «Неужто не стыдно вам, ибо желаю зелени, вижу глазами и не могу отве-

дать». Битва, начатая полководцем-наркоманом в обстановке такой морально-бытовой распущенности, естественно, была проиграна вчистую.

Еще один герой того времени — царь Иесе, начавший править в 1714 г. как ставленник персидского шаха, «веселился и наслаждался непристойно с юнцами и неподобающими песнями, вместо того, чтобы поступать величественно, отнял жену у Кайхосро Амираджиба, дяди матери своей, племянницу бабушки своей, и взял себе в жены». А когда грузинские епископы стали упрекать царя в непотребстве, Иесе ответил: «Подобает мне как мусульманину».

В эту эпоху магометанином стал даже Георгий Саакадзе — так называемый Великий моурави (правитель) — знаменитый грузинский деятель, о котором в советские времена выходили многочисленные неудобочитаемые сочинения. Под 1626 г. Вахушти пишет о нем и его соратнике: «Кайхосро и моурави отправились в Стамбул к султану, попросили у него войско, чтобы захватить Картли, и там же моурави омусульманился».

В результате такой политики разваленная на восемь частей страна не могла защитить себя не только от Турции или Персии, но даже от племени лезгин, регулярно совершавших набеги чуть ли не на все три грузинских царства и пять княжеств одновременны.

**В Грузии вам покажут
штуку десять могил
царицы Тамары.
Какая настоящая —
неизвестно!**

**ОБЕЗЬЯНОЧЕЛОВЕК —
ЗЕМЛЯК ВОЖДЯ
НАРОДОВ**

► Вершиной грузинского исторического мифотворчества сталинских времен стало «открытие» удобнопитека — останков «единственного» в Советском Союзе ископаемого обезьяночеловека. Вот как описывал это событие английский кавказовед Дэвид Лэнг в книге «Грузины»: «К востоку от Тбилиси, в Гареджийском районе, было открыто несколько поселений, где обнаружили останки человекообразной обезьяны, названные поэтом удобнопитеком (от грузинского слова «удобно», означающего «дикий»). Это существо занимало промежуточное положение между шимпанзе и гориллой. Оно было открыто в 1939 г. геологами Н.О. Бур-

Удобнопитека удалось найти только при великом Сталине

шак-Абрамовичем и Е.Г. Габашвили. От удобнопитека сохранилось лишь несколько разрозненных фрагментов, два зуба, один — коренной, но они представляют единственную человекообразную обезьяну, останки которой сохранились на территории СССР». «Некоторые советские ученые, — продолжал Лэнг, — рассматривают это открытие как свидетельство того, что Закавказье входит в число тех районов мира, где в конце Кайнозойской эры происходил переход от обезьяны к человеку разумному». Странно другое: в постсталинскую эпоху никаких новых удобнопитеков больше не находили. Да и с первым делом темное. Открыли-то всего чих-то два зуба! И из этого сделали вывод, что Грузия — колыбель человечества! Наша Трипольская культура отдыхает. Мне же ясно как дважды два: при тогдашнем подхалимаже эти два зуба просто обязаны были «найти». Что больше могло польстить материалистическому самолюбию Сталина? Получалось, что и глава СССР родился в Грузии, и обезьяна стала человеком примерно в тех же местах. А потом Сталин умер. И необходимость в сказке об удобнопитеке отпала в связи с политической неактуальностью. Хотя кто знает, как повернется история? Возможно, при Саакашвили мы еще услышим о находках в Грузии новых экземпляров удобнопитеков. Тем более, костей в тех местах после 1991 г. не делали хоть отбавляй.

По завещанию Георгия XII. Империи Грузия досталась довольно разрушенной

«РОБКИЕ ГРУЗИНЫ» В ЧРЕВЕ ИМПЕРИИ

■ После того как в 1795 г. персы сожгли Тбилиси, последний царь Картли и Кахети Георгий XII завещал свое царство Российской империи. 12 сентября 1801 г. присоединение было официально оформлено манифестом императора Александра I. Это отнюдь не означало, что в состав России вошла вся Грузия. «Всей Грузией» Георгий XII попросту никогда не владел. В 1804 г. русские войска присоединили к империи царство Имеретию и княжество Мингрелию. В 1809 г. наступил черед Абхазии. Впервые за долгие столетия все эти земли оказались в составе одного государства. Вместо кучи «царств» Россия образовала две губернии — Тифлискую и Кутаисскую. Порядка сразу стало больше. Цари, кроме того, что сидел в Петербурге, перевелись. Даже с «родословными» от Соломона. Абреки сбежали в горы.

Будущая единая Грузия вызрела в чреве Российской империи, до 1917 г. обеспечившей этой стране мир. Кровь за нее в войнах с турками и персами теперь проливали в основном русские и украинцы, служившие в императорской армии. А о боевых качествах местных жителей Михаил Лермонтов, воевавший на Кавказе, в одной из поэм отзывался так: «Бежали робкие грузины».

До самой Октябрьской революции этнографы писали не о

грузинах, а о «грузинских народах», понимая большую разницу между сванами, картвелами, мингрелами и прочими племенами. Так же, как теперь пишут о славянских народах, например.

Но в 1918 г. грузинские националисты, захватившие власть в Тбилиси, создали миф о единой нации и сразу же стали угнетать нацменьшинства. Тогда же, впервые в XX в., вспыхнула резня в Осетии и Абхазии. Тбилиси считал эти земли своими. А местные народы думали иначе. Тем более что с грузинами они не находились даже в отдаленном родстве. Свое особое мнение на происходящее было и у мингрелов — весной 1918-го там тоже вспыхнуло восстание.

В феврале 1921 г. Грузию захватила победившая в гражданской войне Красная Армия. Но политика поддержки грузин в пику остальным народам страны продолжилась. СССР не признавал таких национальностей, как сван или мингрел. А в Кремле у этой точки зрения была надежная крыша, попылавшая трубой, — сам Иосиф Сталин. Официально он считался грузином, хотя, кроме грузинских, имел и осетинские корни. Только благодаря ему в составе Грузии, ставшей в 1936 г. союзной республикой, в качестве автономий оказались Абхазия и Южная Осетия.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Развилка ■ 300 лет назад, как и сегодня, Украина стояла на распутье. С кем пойти? С лукавым Западом? Или с единоверной, но не всегда справедливой Москвой? Выбор делал не только Мазепа. Выбор делал весь народ. Это было что-то вроде референдума на тему: вступать в НАТО или нет?

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ МАЗЕПЫ

«Референдум» этот, естественно, проходил без формальных процедур. Но он предопределил нашу историю до самого 1917-го года, когда ситуация цивилизационной развилки повторилась снова.

Я уже не раз напоминал, что Украина — страна говорящих фамилий. Мы живем, как в мало-российской комедии с шельменками и кирпа-гнукошиенками. Одно из значений слова «мазеп» — маска. Действительно, до самого перехода к Карлу XII хитрый гетман на протяжении двух десятилетий скрывал свою подлинную сущность под личиной верного «слуги престола».

Но еще занятнее трактует это прозвище академический «Словарь украинского языка» 1908 г. под редакцией классика нашей литературы Бориса Гринченко. «Мазепа, — гласит он, — первоначально то же, что и замазюра, а затем вообще неопрятный, грубова-тый и простоватый человек, вах-лак, простак, простофиля, глупец». Тут же приводится пример: «У нас у селі мазепою лаються: от як дурна людина, чого не зро-зуміє, так кажуть: ах ти мазепа!» Есть и соответствующее прилагательное, тоже значащееся в словаре: «мазепський» — бранное слово: плохой, глупый». Дуру, кстати, согласно тому же Гринченко, называли «мазепською дівчиною».

Развязка мазепинской биографии — это еще и притча об уме и гордыне, перехитривших самих себя. Иллюстрация русской поговорки: «На всякого мудреца довольно простоты». Историк Николай Костомаров в своей известной монографии «Мазепа», со слов писателя Орлика (того, который якобы придумал «першу в світі конституцію»), приводит фразу, сказанную гетманом в ответ на просьбу старшин раскрыть им подробности секретного соглашения со шведским королем. «Ты, гетман, — спросил кто-то из тогдашней украинской «элиты», созданной на тайный «сходняк» в Батурине, — объяви нам, чего имеем с целю Украиною и Войском Запорожским надеяться и на яком фундаменте ты тую махину заложил?»

Мазепа в ответ сердито заявил: «Для чего вам о том прежде времени ведать? Спуститесь вы на мою совесть и на мое подлое розумишко... Я по милости Божой мею розум един неж вы все».

«Мазепа, — пишет Костомаров, — был из таких личностей, которые, получив власть, стараются внушить подчиненным постоянную веру в свою мудрость и потому умышленно не открывают им сразу всего, что замышляют, дабы тем приучить их с благоговением полагаться во всем на свою главу или владыку. Мазепа за 20 лет своего гетманства уже приучил старшин к такому повиновению себе, и теперь он только понемногу приподнимал перед ними завесу, скрывавшую его тайный замысел».

Слуга всех господ. Карл был для Мазепы «последним работодателем». До этого он сумел послужить королю Польши, султану Турции и русскому царю

Двуглавый русский орел

Шведский герб с золотыми львами

Одноглавый белый орел Польши

ЗАКУЛИСЬЕ: СЕКРЕТНЫЙ ДОГОВОР С КАРЛОМ XII И ПОЛЬШЕЙ

■ Ныне усиленно рекламируется легенда, будто бы гетман хотел добиться для Украины независимости. Но это не так. Секретарь Карла XII — Густав Адлерфельд, погибший в Полтавском сражении, оставил подробные записки о походе шведов на Украину. Как человек, входивший в самый ближний круг короля, он был в курсе всех закулисных соглашений между гетманом, шведами и их союзником польским королем Станиславом Лещинским. По словам Адлерфельда, Мазепа заключил с поляками следующую договоренность: «Вся Украина с Северским княжеством, с Черниговом и Киевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владения воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог Курлянский подвластным ему краем».

В случае удачи этого проекта гетман из выборного предводителя казачьего края превращался в наследственного монарха пусть небольшого, но «своего» государства на территории нынешней Беларуси. У него не было прямых наследников. Но зато новое княжество могли унаследовать его родствен-

**По договору со шведами
Украина возвращалась
Польше, а Мазепа
получал княжество
в Белоруссии**

ники, имевшие детей. Выглядит все это очень правдоподобно. В молодости будущий гетман начинал карьеру пажом у польского короля Яна-Казимира. Он был воспитанником иезуитов, поляком по духу и культуре. И даже разговаривал до конца дней на польско-украинском суржики, вплетая в свою речь варшавские словечки.

Правда, расплатиться за этот новый монархический мираж следовало реальной Украиной. Но просвещенные европейские умы нашли «изысканный» ход. Предполагалось, что Карл XII разобьет армию Петра. А после этого, утверждал Адлерфельд, «Мазепа созовет своих полководцев, объявит им договор и постарается уговорить их добровольно принять его».

В победе же Карла никто не сомневался. Ведь, несмотря на успехи русских в Прибалтике, где им противостояли второсортные шведские контингенты, царские генералы неизменно пасовали перед армией самого короля, отступая все дальше на восток. Полтава оказалась шоком не только для Швеции, но и для всей Европы. В ее возможность осенью 1708 года, когда Мазепа совершил свое предательство, никто не верил. Да разве могут какие-то «дикие москвиты» разбить лучшую западноевропейскую армию, только что расколотившую Данию и Саксонию?

ПО ВЕЛЕНИЮ НЕБА: КАРЛ XII ВЫСТУПИЛ В ПОХОД НА УКРАИНУ, ПОСЛУШАВШИСЬ СОВЕТОВ АСТРОЛОГОВ

■ Правда, в шведской ставке были и скептики, не советовавшие Карлу XII переоценивать помощь предателя. В начале августа в Могилеве, где располагалась лагерь шведская армия, состоялся решающий военный совет. Квартирмейстер (по-нынешнему начальник штаба) генерал Гилленкрок предлагал повернуть не на Украину, а к Витебску, и там дожидаться вспомогательного корпуса Левенгаупта, двигавшегося из Прибалтики с продовольствием и боеприпасами. Но соперники Гилленкрока фельдмаршал Реншильд и генерал Мейерфельд подначивали короля рвануть на Украину. Они особенно расхваливали бесстрашие казаков, будто бы готовых единодушно отложиться от царя, и уверяли, что трусливые русские не посмеют напасть на Левенгаупта.

Но главным аргументом для суеверного Карла XII стали «разведданные» астрологов, предсказавших, что «Золотой Лев севера с малыми силами одолеет Орла, притупит его когти и распространит свою власть на Азию и Африку».

Так они трактовали туманные тексты мистика Парацельса, писавшего почти за два столетия до похода Карла на восток. На знаменах шведов красовался золотой лев. А гербом России был двуглавый орел. Все выглядело очень убедительно.

И «шведский лев», как называли

ПАРАЦЕЛЬС
«Золотой Лев севера
с малыми силами одолеет
Орла, притупит
его когти и распространит
свою власть
на Азию и Африку»

Карла, 8 августа 1708 г. выступил из Могилева на Украину. Ему даже не пришло в голову, что пророчество могло иметь в виду совсем другого орла — одноглавого белого.

Именно эта птица является до сих пор геральдическим символом Польши. А Карл действительно разбил Польшу накануне вторжения в Россию и посадил на ее престол нового короля Станислава Лещинского!

Вторая часть пророчества тоже удивительным образом сбылась! Разбитый под Полтавой Карл сбежал на турецкую территорию в молдавский городок Бендеры и сумел уговорить султана начать войну против России.

В турецкую империю в это время входили земли в Азии и Африке. Таким образом, втавив султана в войну, Карл действительно «распространит свою власть на Азию и Африку». Но только на короткое время. Ибо уже в 1710 г. после битвы на реке Прут Турция заключит мир с Россией и останется ни с чем.

Любой астролог скажет вам, что шведский монарх просто неправильно понял пророчество.

Через 300 лет, тоже 8 августа 2008 г., «армия запада» во главе с президентом азиатской Грузии Саакашвили нанесла удар по России в Осетию. События повторились день в день. Совпали даже три восьмерки в дате. Но нападавших ждал такой же конфуз. Неизвестно, прислушивался ли Саакашвили к астрологам. Но свою маленькую горную Полтаву он получил.

«МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ»: УМИРАЮЩИЙ ГЕТМАН ОЖИЛ И НАЧАЛ ШУТИТЬ И РАЗВЛЕКАТЬ ПУБЛИКУ

■ 21 сентября Карл XII вступил в пределы Гетманщины. Край показался им обильным и населенным. Но уже через неделю захватчиков ждала первая неудача. Король напрасно разделил свою армию. Вскоре он получил известие, что корпус Левенгаупта разбит в Белоруссии при деревне Лесной. Шведы остались без запасов пороха.

Узнав о приближении Карла, Мазепа прикинулся больным. Петр I звал его в свою ставку в Смоленск, где он праздновал победу при Лесной, а гетман отписывался, что не может встать с постели. Втайне ему хотелось обмануть всех — и короля, и царя. Пусть бы они выяснили, кто сильнее, а Мазепа бы присоединился к победителю. Но Петр не спешил вступать в генеральное сражение, изматывая нервы и шведов, и потенциального предателя, которому по-прежнему доверял. Чтобы еще больше убедить царя в своей верности, гетман просил Петра в одном из писем утвердить покупку им земель у русских помещиков в Рылском уезде. Кто бы мог подумать, что человек только что обросший недвижимостью в России, собирается перебежать к неприятелю? Мазепа поздравлял Петра с победой при Лесной и даже

Обаятельный предатель. Мазепа умел нравиться правящим особам

желал в письме сокрушить врагов «до конца». Между тем главная шведская армия приближалась, вынуждая гетмана соображать быстрее. Наконец, престарелый авантюрист, у постели которого дежурили доктор и попы, решился. Он вскочил с постели и с немногочисленной свитой 24 октября рванул из Батурина навстречу Карлу, демонстрируя отличную физическую форму. Комедия «Мнимый больной» закончилась.

29 октября Мазепа впервые лично встретился с Карлом XII и тут же пригласил его, как раньше Петру. По сообщению королевского секретаря, гетман выглядел лет эдак на 66. Он был среднего телосложения, без бороды, но с усами на польский манер. Имел вид важный, но «временами проявлял проблески веселого и живого нрава» — шутил и развлекал публику. Особенно королю понравилось, что гетман сложил к его ногам свою булаву и бунчук. Нового «союзника» тут же пригласили к столу, где за обедом все славно выпили и закусили в честь встречи. Наконец, заморивший червячка гетман взобрался на коня под звуки труб, на которых играли казаки из его свиты, и отправился в свой шатер отдыхать.

**ИСТОРИК
КОСТОМАРОВ:
«НАРОД ОСТАЛСЯ
ВЕРЕН ЦАРЮ»**

► Нынешние конъюнктуры не хотят ответить на вопрос: почему украинцы в 1708 г. не поддержали Мазепу? Ведь он же был, по официальной версии, «за незалежність»? Лучшее всего об этом сказал Николай Костомаров. В книге о Мазепе, изданной еще в царские времена, он раскопал немало нелегитимного и о гетмане, и о Петре Первом. Но так и выглядит правда! «В последнее время, — писал Костомаров, — много было говорено о внутреннем смысле, какой проявляет масса народная в важные минуты своего исторического бытия. Нигде эта истина не явилась так наглядно, как в эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с «москалями»; напротив, мы на каждом шагу наткаемся на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной

Костомаров. Классик украинской исторической мысли

личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиан от верности русскому царю. И, однако, вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польши. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменяли к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее».

субботние истории для взрослых от Олеся Бузины

Дипломатический юбилей ■ Как и Виктор Ющенко, Павло Скоропадский любил зарубежные визиты. Правда, ездить ему было особенно некуда — в Европе шла мировая война. И все же один вояж международного уровня за время своего куцега семимесячного «царювання» гетман совершил — в Берлин за смазкой

Берлин начала XX века. Сегодня в этот помпезный имперский город, разрушенный во Второй мировой войне до основания, можно попасть только на старинной открытке

В БЕРЛИН ЗА СМАЗКОЙ

Как раз на днях этому «эпохальному» дипломатическому событию исполнилось 90 лет. Да и вообще это был первый в истории независимой Украины государственный визит на высшем уровне. Грушевский в пору председательствования в Центральной Раде никуда не ездил. Почему? Просто потому, что не имел соответствующего статуса, числясь всего лишь спикером парламента, а не главой государства. Эдаким Яценюком с бородой. (Миф о его «президентстве» придумает задним числом украинская эмиграция, а растиражирует совсем уж недавно наш известный «ученый» Леонид Кучма — «историк-ракетчик» и автор «капитальнейшего» труда «Украина — не Россия». До сих пор, кстати, спорят, сам ли написал?)

Большевистское правительство Украинской социалистической советской республики — «фирмы», конкурирующей с Украинскими националистическими, — в 1919 г. тоже никуда не поедет. Как по причине своей полной подчиненности красной Москве — Совдепии. Так и потому, что ее импровизированных вождей (главой УССР числился болгарский жулик Кристо Станчев, которому придумали звучный политический псевдоним Христиан Раковский) миглом изгнали из Харькова белогвардейцы генерала Деникина. А вот гетман съездил! И провел не без удовольствия на территории Германского рейха почти две недели. Даже в оперу сходил.

В НОВЫЙ ЦЕНТР. В своих мемуарах Скоропадский не скрывает, что отправиться в Берлин его вынудили трения с новым руко-

водством немецкой оккупационной армии. 30 июля 1918 г. в Киеве был убит генерал-фельдмаршал Эйхгорн, с которым у гетмана сложились прекрасные отношения. Погибшего старика сменил на посту командующего группой армий «Киев» генерал граф Кирбах. Но в «мать городов русских», ставшую в одночасье столицей Украины, новый хозяин не поехал, засев в литовском Вильно.

Зато, как вспоминает гетман, он «привык распоряжаться, не считаясь ни с каким местным правительством». Немцы стали запускать руки туда, куда раньше не совались. Особенно Ско-

Гетман Скоропадский:
«Мне казалось, что раз я
побываю в центре, то
со мной уже так свободно
действовать не станут»

ропадского раздраконила бумага от Кирбаха, которая предлагала все проекты законов, «имеющих существенное значение», направлять предварительно ему на рассмотрение. «Это была вещь недопустимая, — пишет Скоропадский, — я решительно протестовал».

Немецкий посол барон Мумм, которого тоже раздражала дуболомная прямолинейность генералов собственной страны, поддержал Павла Петровича. Он считал, что с Украиной следует обращаться мягче, не унижая прогерманское украинское правительство.

Мы помним выражение советских времен «съездить в центр», означавшее на бюрократическом жаргоне путешествие по служебной надобности из Киева в Москву. Избавление от руки «центра», зажавшей власть в кулак, было одним из лозунгов эпохи провозглашения независимости в начале 90-х. Но понятие «центр», символизировавшее подчиненное положение Украины, существовало задолго до эпохи брежневского застоя.

Рассказывая о своей поездке в Берлин, гетман пишет: «Мне казалось, что раз я побываю в центре, то это не повторится, со мной уже так свободно действовать не станут. Они будут считаться с тем, что в центре я могу всегда найти поддержку». В 1918 г. Скоропадский повторил тот же прием, который задолго до него применяли казацкие гетманы. Только те ездили на поклон в Белокаменную, а для Павла Скоропадского «центром» стал Берлин.

КТО НАСЛЕДНИК? Хлопоты по линии немецкого посольства завершились успешно. В конце августа Мумм шепнул гетману, что император Вильгельм II готов принять его 5 сентября. Правда, оставалось еще решить вопрос о форме управления, как пишет гетман, «в случае моей смерти, серьезной болезни или временного отъезда за пределы Украины».

Но и с этим легко разобрались. Так как Скоропадия была государством простым, беспарламентским, то соответствующий закон разработали прямо в гетманской канцелярии. И гетман его утвердил. Согласно ему, если бы главу Украинской державы шлепнули по дороге в Берлин или он подцепил бы инфекцию, полностью подрывавшую его дееспособность, власть

Навытяжку перед начальством. Сразу видно, кто тут главный

до избрания нового гетмана перешла бы к Верховной Коллегии из трех лиц.

Имена этого триумвирата хранили в тайне, запечатав в особые конверты, дабы не смущать умы прежде времени. Один из них спрятал митрополит в Софиевском соборе, второй — держали в Сенате (высшем судебном органе), и третий — у председателя Совета министров. Гетман не без удовольствия повествует: «Я торжественно устроил передачу

этих конвертов, пригласивши митрополита, Сенат и Совет министров к себе. Предварительно я обратился с речью к собравшимся, в которой указал идею, которую я этим хочу провести. Старая история Украины вся наполнена всевозможными осложнениями именно из-за того, что со смертью гетмана власти не было и начинались партийные раздоры из-за выбора нового гетмана, выборы которого обычно приводили к анархии».

КИЕВЩИНА ВО ВЛАСТИ АТАМАНОВ

■ Произнося эту речь, Павел Петрович, по-видимому, казался себе очень мудрым государственным деятелем, задумавшимся даже о том, что ждет Украину в случае его преждевременной кончины. А задуматься об этом следовало, ибо путь в Берлин пролегал через места дикие и опасные, где уже пошаливали местные повстанческие атаманы, плевавшие и на гетмана, и на немцев, но с первобытной жадностью взиравшие из своих лесных «схованок» на проносившиеся мимо них в Германию эшелоны с украинским салом и хлебом.

В конце лета, когда Скоропадский подписал свой закон о престолонаследии, на Киевщине уже вовсю разгоралась партизанщина в самых колоритных и грубых ее проявлениях. Как докладывал еще в августе киевский губернский староста Чарторыйский, «до настоящего времени в Звенигородском, Таращанском, а также в частях Каневского и Уманского уездов Киевской губернии, прилегающих к Звенигородскому, не восстанавливаются порядок и нормальные ус-

ловия жизни... Вся северная часть Звенигородского уезда и большая часть Таращанского находятся в руках повстанцев. Ведущаяся в настоящее время германскими военными властями с

«Настрій населення в повіті спокійний... Появилась озброєна банда в кількасот чоловік»

большим напряжением борьба с повстанцами, к сожалению, не достигает цели».

Повстанцы захватывали паромы на Днестре и катались на них в свое удовольствие, перерезали телеграфные линии и

нападали на отряды гетманской полиции. Гуляня шла на всю губернию! Сводки киевского губернского старосты только успевали отмечать размах этого разгула: «По Уманському повіту. 15 липня загін партизанів в м. Буках заарештував надсмотрщика Іваньківської поштово-телеграфної контори, який вїїхав для праці на лінію. Надсмотрщик з-під аресту втік, інструменти і телеграфний дріт партизани забрали з собою і заборонили всяку працю на лінії, загрожуючи всім службовцям пошт Буків і Іваньок розстрілом... По Радомисльському повіту. Настрій населення в повіті спокійний, за винятком Коростишівської волості, де появилася озброєна банда в кількасот чоловік і були випадки перестрілки з германськими солдатами і державною вартою». А сводка за 20—28 июля 1918 г. гласила, что антигетманские «отряды имеют гарматы, кулеметы та обоз, строга дисциплина, є офіцери-отамани. Повстанці населення не граблять, кажуть, що йдуть проти німців та пана гетьмана».

По Радомисльському повіту. Настрій населення в повіті спокійний, за винятком Коростишівської волості, де появилася озброєна банда в кількасот чоловік і були випадки перестрілки з германськими солдатами і державною вартою». А сводка за 20—28 июля 1918 г. гласила, что антигетманские «отряды имеют гарматы, кулеметы та обоз, строга дисциплина, є офіцери-отамани. Повстанці населення не граблять, кажуть, що йдуть проти німців та пана гетьмана».

Афиша «Звенигоры». В этом фильме Довженко воскресил разгул антигетманской атаманины на Киевщине летом 1918 года

КАВАЛЕР ОРДЕНА КРАСНОГО ОРЛА

■ И вот через эти бандитские дебри предстояло ехать в Берлин его ясновельможности! Однако поездка прошла не без пользы. В Украине любят душить начальство хорошими новостями. Дескать, все в порядке — спите спокойно. Дурили ими и Скоропадского. У гетмана был министр путей сообщения — большой украинский патриот Бутенко. И гетман думал, что, кроме министра, он имеет еще и пути сообщения. Но только по дороге в Германию, ознакомившись на практике с состоянием своих железных дорог, гетман узнал, что они скоро станут. Кончалась смазка. До революции в Украине ее не производили — ввозили из других мест Российской империи. Но так как в тех местах теперь сидели большевики, смазка стала важным государственным вопросом. «Во время путешествия до Голоб, — пишет гетман, — меня сопровождал Кирилович, начальник Юго-Западных железных дорог. Я довольно долго беседовал с ним и узнал от него многое, что до меня не доходило раньше. Я лично мог убедиться, проезжая по линии, что передвижение почти прекратилось из-за недостатка смазочных веществ. Это было у меня записано как один из особенно важных вопросов, о которых нужно было особенно хлопотать в Германии».

Что же касается других вопросов, то гетмана предупредили, что с императором не стоит говорить о делах, так как никакого значения это иметь не будет. «Я не намотал себе на ус, — вспоминал Павел Петрович, — и совершенно не старался говорить о тех вопросах, которые меня в то время интересовали». Поэтому сначала главы государств поболтали о здоровье немецкой императрицы, некстати захворавшей, потом о службе гетмана во время войны с Германией в бытность ге-

Награда нашла героя! Окрыленный гетман после вручения Красного Орла

нералом царской армии. Наконец, адъютант кайзера принес футляр с орденом Красного Орла, и Вильгельм II «с большой серьезностью» сам нацепил его звезду и ленту на гетмана.

Потом отправились завтракать. «Император очень много говорил о лошадях и охоте», — запомнил Скоропадский. А после завтрака вся компания вышла на террасу дворца, где «сейчас же появился кинематограф, и нас снимали во всех видах». Эти снимки обошли

немецкие и украинские журналы. Каждая сторона преследовала свои пропагандистские цели. Гетман убеждал своих врагов в Украине, что он «круто стоит» в Берлине и трогать его не стоит. А Германия демонстрировала миру явные признаки своей победы на Восточном фронте, результатом которой стало возникновение нового вассального государства. В условиях продолжающейся войны с Антантой это тоже было нелишним.

КАЙЗЕРЫ НЕ СДАЮТСЯ!

■ Самым интересным моментом из беседы с кайзером был разговор о расстрелянном большевиками Николае II. Хотя это случилось еще в июне и в Киеве вскоре после этого были отслужены панихиды по царской семье, но в смерть царя и в царицы никто не хотел верить. Немецкому кайзеру о екатеринбургском расстреле было известно не больше, чем Павлу Петровичу. И тогда гетман сказал, что император, может быть, «рано отказался от власти, раз почти все войска были нетронуты». «Я считаю, — сказал гетман, — что царь может лишь тогда отказаться от власти, когда все средства уже исчерпаны, а что до этого он не имеет права этого делать».

Фраза Скоропадского так врезалась кайзеру в память, что в ноябре, когда в Германии произойдет революция и отречения потребуют уже от Вильгельма, он упрямо будет повторять, что как император не имеет права отречься и что на этом также настаивал гетман.

Критики Скоропадского не раз упрекали его в предательстве России. Первым в череде этих ненавистников стал Василий Шульгин. До революции он издавал газету «Киевлянин». А в 1918 г. редактировал белогвардейскую газету на подконтрольном Деникину юге России. После визита гетмана в Берлин он написал: «Скоропадский обещал повернуть к ногам его величества Украину, мы знаем теперь, к ногам какого величества он поверг страну». Только Шульгин почему-то забыл, что это он лично как депутат Государственной думы был направлен в ставку царя, чтобы... принять его отречение! И в числе других уговаривал императора отречься. Как говорится, в чужом глазу видна и соринка, а в своем — не увидишь и бревна.

Скоропадский считал, что царь не имел права отречься

Ныне у Николая II много поклонников. Но, если кто и был предателем, так это он. Царь предал сам себя и свою Россию. За что и поплатился смертью в екатеринбургском подвале. А мог бы победить, как его прадед Николай I декабристов, и спасти свою страну от кровавой бани. Или, по крайней мере, погнать с оружием в руках.

Два развала империи — в 1917-м и в 1991 году — произошли в ее столицах — Петербурге и Москве. Оба раза империю прикончили русские. После этого у окраин возникло такое же законное право выбора на будущий путь, как и у погрязшего в междоусобице «центра». Упрекать после этого Украину «центр» не имеет права. Как гласит другая русская поговорка: «На зеркало нечего пенять, коли рожа крива».

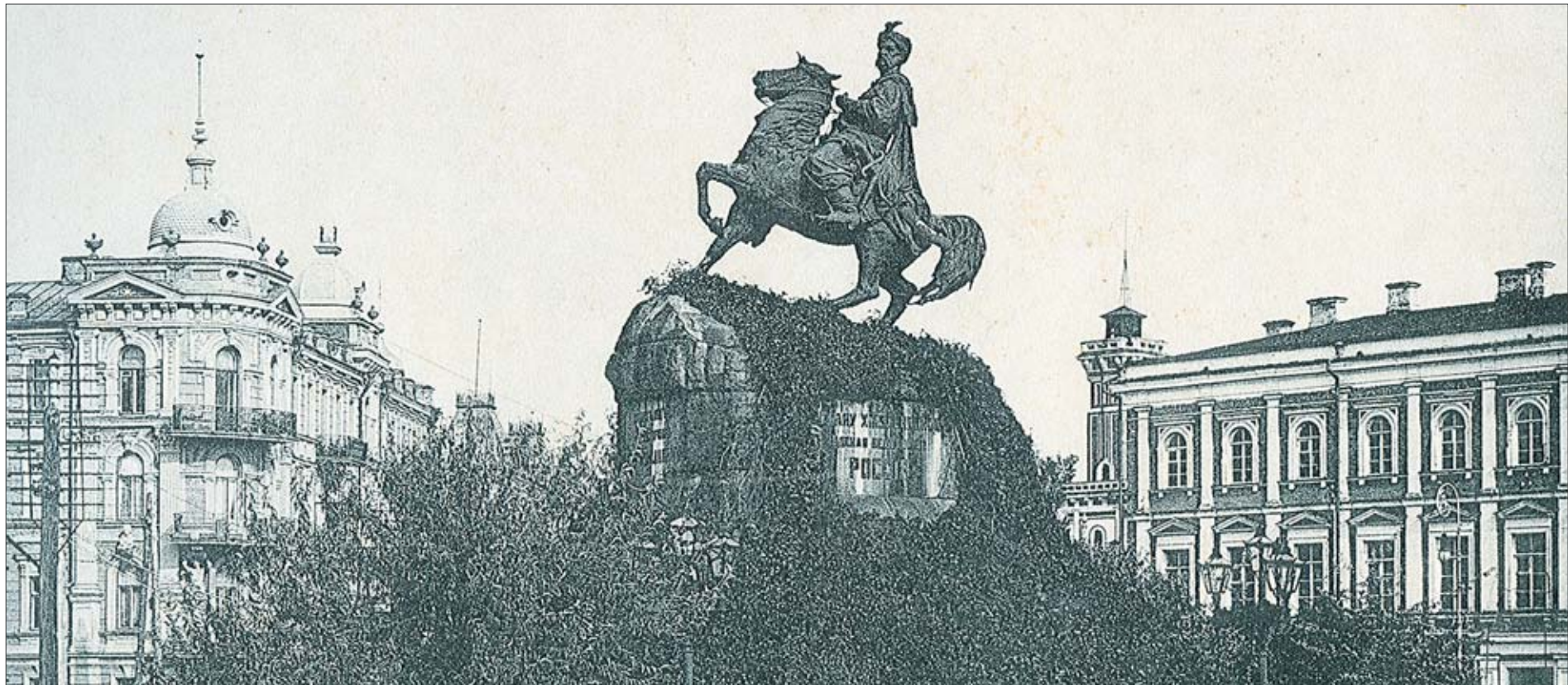
А смазку из Берлина Павел Петрович так и не привез. К декабрю от несмазанного государственного механизма Украинской державы остались одни руины. Потому что центр для Украины (да и для всего восточного славянства) должен быть в Киеве.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Астрологическая хронология ■ Чуть ли не все самые важные события нашей истории — восстание Хмельницкого, измена Мазепы, Колиивщина и даже первое издание «Кобзаря» — по странному стечению обстоятельств припали на год всем известного грызуна

УКРАИНСКИЙ РОК ГОДА КРЫСЫ

Двойное совпадение. И восстание Богдана Хмельницкого в 1648-м, и открытие памятника ему в Киеве в 1888-м выпали по восточному гороскопу на год Крысы

Советских времен в украинских научных кругах гуляет поговорка: «Если факт не вписывается в концепцию, тем хуже для факта». Под «концепцией» «круги» понимают не так науку, как политическую конъюнктуру. Одни и те же люди при Брежнев строчили пухлые тома о коллективизации и рабочем классе как «движущей силе» всего сущего вплоть до звезд, а теперь ваяют «наукові розвідки» о Голодоморе как геноциде нации. Только по причине такой принципиальной беспринципности история до сих пор считается гуманитарной наукой. Я же полагаю, что ей давно пора стать точной. Даты — те же цифры. Циклы развития этносов и государств подчиняются таким же законам роста и умирания, как и любой живой организм. Если законы истории действительно существуют, то по ним можно предсказывать будущее с такой же уверенностью, как и то, что за весной непременно последует лето, а потом — осень и зима.

Новые открытия будут происходить на стыках наук. И даже тех из них, которые до сих пор презрительно считаются «лженауками». Например, астрологии.

Кстати, с детства, будучи скептиком, я испытывал к астрологии предубеждение. Но гороскопы почитывал. До тех пор, пока не заметил на основании своего жизненного опыта, что в людях, рожденных, к примеру, в год Кота действительно есть общие черты. Так называемый восточный или китайский гороскоп, оперирующий 12-летним циклом, — не такая уж простая забава, как кажется на первый взгляд. Китайцы создали одну из самых древних цивилизаций на Земле. Они же первыми заметили, что царства

распадаются, а потом соединяются вновь. Сложно найти начало и конец этого процесса. Но он есть, мы в нем живем, и с этим ничего не поделаешь.

Как-то забавы ради я наложил китайский гороскоп на историю Украины и обнаружил потрясающую закономерность. Чуть ли не все самые значимые события нашей истории выпадали на год Крысы. Я глазам своим не верил. Но этот факт буквально лез из всех щелей, то есть, простите, со страниц летописей и хроник.

По крупному счету история украинского народа началась с восстания Богдана Хмельницкого. Естественно, и до него существовали казаки, которых польский

год Крысы! Тогда под волынским Чудновом русская армия Шереметьева и казаки Юрия Хмельницкого — сына Богдана — столкнулись с польско-татарским войском. Внезапно Юрий переметнулся на сторону поляков и заключил с ними так называемый Слободищенский трактат. Нынешние историки-приспособленцы называют это дипломатическим соглашением. На самом деле произошло банальное предательство. В результате его войско Шереметьева попало в окружение и капитулировало. Командующий умер в татарском плену. В чудновских болотах черные археологи до сих пор находят ржавые бердыши, замки ружей и пушки — свидетельства катастрофы, по сравнению с которой Конотоп — кавалерийская стычка.

Но о Чуднове у нас не вспоминают — президент о нем, наверное, просто не слышал, а «науковці» молчат. Еще не унюхали «конъюнктуру». Между тем событие знаменовало крайнюю точку шарахания Украины в сторону Запада. В отличие от современных интерпретаторов-подпевал, украинский народ Юрася Хмельницкого не поддерживал. После Чуднова тут же вспыхнуло всеобщее восстание. Гетмана-предателя свергли. Украина подтвердила выбор, сделанный на Переяславской раде.

Еще раз это подтверждение произошло ровно через 12 лет — в 1672-м, в очередной год Крысы. На раде был избран новый гетман Левобережной Украины — Иван Самойлович, стойкий сторонник ориентации на царя. К этому моменту восточная часть страны оказалась в составе России, а западная — пришла в полный упадок после вторжения турок и «гетьманування» их ставленника Петра Дорошенка. Но в 1683 г. самый рыцар-

ственный из польских королей — Ян Собеский — разбил турецкую армию под Веной. Результат этой победы сказался для Украины в следующем году — 1684-м. Не стоит, наверное, напоминать, что он опять был «крысиным». Именно тогда окрыленный Собеский издал универсал, который снова разрешал казакам селиться на разоренном правобережье Днепра. От этого указа там завелись Палий и прочие казацкие полковники, вокруг которых начала восстанавливаться мирная жизнь.

В следующий год Крысы — 1696-й — русско-украинская боевая дружба принесла первые наступательные плоды на юге. Объединенная армия Петра I и Мазепы взяла турецкую крепость Азов. Восточнославянская цивилизация впервые со времен Киевской Руси закрепились на побережье ближайшего южного моря. Пусть всего лишь мелководного Азовского! Но почин был сделан! Кстати, Петр I тоже родился в год Крысы (1672-й). В дни первой победы юного царя ему едва исполнилось двадцать четыре.

Через 12 лет происходит знаменитое предательство Мазепы. Гетман сбегает к Карлу XII. Эта роковая дата знаменовала конец целой эпохи — большого десятилетнего цикла, начавшегося восстанием Хмельницкого. После вопиющего вероломства Мазепы выборы нового гетмана Ивана Скоропадского проходят под полным контролем Петра I. Фактически это не выборы, а назначение. Кредит доверия к ненадежной казацкой старшине со стороны царя исчерпан. На бумаге автономия Гетманщины еще остается. Но в реальности от нее — только прах. Отныне, вместо гетмана, все решает Малороссийская коллегия.

**Начиная с 1648 года
каждые 12 лет в истории
Украины происходит
знаковое событие,
меняющее лик эпохи**

король нанимал для походов в Турцию или Москву. Эти хлопцы бунтовали, пили горилку, лапали толстопопых девок в плахтах, но общенациональными событиями такая их, с позволения сказать, жизненная активность еще не была. Мифической эпохальной вехой, врезающейся в сознание каждого современного украинца и превратившейся в памятник на Софийской площади в Киеве, стала только Хмельниччина. А началась она в 1648 г., выпавшим... на год Крысы.

Совпадение? Возможно. Только как быть с тем, что следующий крутой поворот украинская история совершила ровно через двенадцать лет — в 1660-м. И снова в

Гетман Богдан Хмельницкий

Император Петр Великий

Гетман Иван Мазепа

ПИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА СТРАНЫ

■ Куда менее известно событие, случившееся в следующем году Крысы — 1720-м. Но оно тоже поистине эпохально. В Замостье проходит организованный поляками униатский собор. После него православные церкви на Галичине начинают массово закрываться. Религиозный раскол, заставивший западных украинцев отречься от веры отцов и изменивший их душу, достиг апогея.

Последствия его сказываются до сих пор. Большая часть Украины останется православной и ориентированной на восток. Меньшая — западная — войдет в орбиту католического Рима. Какой бы ни была болезненной эта тема, ее невозможно обойти. Разница между мироощущением этих двух Украин видна с первого взгляда. Возможно, в будущем она сгладится. Но вероятен и прямо противоположный сценарий: галичане могут стать отдельной нацией, если идентифицируют себя по религиозному принципу — как хорваты, у которых с сербами один язык, но разная вера.

Удивительное совпадение: в 1744 г. (как вы догадались, в год Крысы!) в Киеве архитектор Шедель заканчивает возведение главного символа украинского православия — над Днепром возносится Большая Лаврская колокольня. А во Львове в это же время как униатский

Поединок символов. И Лаврская колокольня в Киеве, и собор Св. Юра во Львове связаны с годом Крысы

ответ задумывают строительство нового собора Святого Юра — резиденции греко-католического митрополита. За его постройку возьмется в следующем — 1745-м.

Не стану утомлять читателя излишними подробностями. Скажу только, что большой 60-летний цикл после измены Мазепы закончился в 1768 г. Опять Крыса! Причем известная любому школьнику — Колиивщина и разгром гайдамаками Умани, который хронологический справочник «Україна від найдавніших часів до сьогодення» (Київ, — Наукова думка, 1995) почему-то именует «звільненням міста гайдамацькими загонами Максима Залізняка та Івана Гонта». Действительно, «звільнили» — от подавляющей части населения города, которое тогда состояло в основном из поляков и евреев. Колиивщина была пародией на Хмельниччину, завершившей целую эпоху казачьих восстаний. То, что началось при Богдане как великое событие, закончилось обыкновенной разбойничьей свистопляской. Хмельниччина породила гетманскую Украину, а гайдамаки Зализняка и Гонты подали пример разве что разбойнику Кармалюку.

ДУЭЛЬ ИДЕОЛОГИЙ

■ Еще более интересно, что именно в год Крысы вышли два самых значимых для национальной идеологии произведения. В 1840-м украинский помещик-меценат Петр Мартос публикует в Петербурге первое издание «Кобзаря» Шевченко. А ровно через 60 лет в Харькове в 1900 г. адвокат Николай Михновский на Шевченковском вечере обнародует первую официальную националистическую программу. В том же году она выходит во Львове под названием «Самостійна Україна». С нескольких фраз Михновского о «єдиній, нероздільній, вільній, самостійній Україні від Карпатів аж по Кавказ» начался украинский национализм. Однако лозунг «идеолога-новатора» был по-школьнически содран с чеканной имперской формулы «Единая неделимая Россия», красовавшейся тогда даже на памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве. Кстати, повесился Михновский, страдавший нарушениями психики, как вы уже догадались, тоже в год Крысы! Это случилось в 1924 г. в Киеве тихим майским вечером во дворе дома на улице с жизнерадостным названием Жиланская. Дважды месяцами ранее, как говорится, в двух шагах от яблони, на которой закончил путь земной главный идеолог ультрасамостийности, во флигель на улицу Паньковскую вернулся из эмиграции бывший «лжепрезидент» УНР Грушевский, заявивший советскому правительству, что ради такого счастья он готов переступить даже через «трупы наших партийных товарищей, що безвинно погинули від червоних куль».

В годы Крысы произошли и все знаковые события, символизирующие противоположный Михнов-

скому идеологический курс. В 1864 г. начинает выходить газета «Киевлянин» — главный орган киевских сторонников имперского единства, на первой странице которого красовался лозунг: «Юго-западный край — русский, русский, русский». В 1876 г. Александр II подписывает хрестоматийный Эмский указ. Ныне его не ругают только очень ленивый «патриот», но цитировать никто не любит. Ибо украинского языка он не запрещал, а только ограничивал употребление художественной литературой, что, впрочем, не делает его прогрессивным актом, точно так же, как и нынешние ограничения нашей властью русского языка в Украине. И, наконец, именно в год Крысы (1888 г.) в Киеве как символ воссоединения Руси (так тогда называли Переяславскую раду) по инициативе горожан открывают уже упомянутый памятник Богдану Хмельницкому.

Естественно, не все знаковые для Украины события выпадают на год Крысы. Украинский ритм часто заглушался более сильным российским имперским циклом, для которого особенно важны годы Змеи — 1881 г. (убийство Александра I), 1905 г. и 1917 г. (первая и вторая революции), 1929 г. (конец НЭПа — год Великого Перелома), 1941 г. (начало Великой Отечественной войны) и 1953 г. (смерть Сталина). Влияние этого энергетического потока было столь мощным, что Крысе просто приходилось прятаться в норку.

Но как только имперский цикл ослабевал, тенденция возобновлялась. К примеру, именно в год Крысы (1996-й) была принята первая после независимости Конституция, сделавшая Украину президентской республикой.

ГОД ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

Альтернатива. Или на «вилах», или «вилами» — третьего не дано

■ И тут меня ждало самое неожиданное открытие. Нынешний 2008-й — тоже принадлежит Крысе. А кто в нашей политике самый известный представитель этого знака? Юлия Тимошенко. Это ее год. Ключи для общегосударственных решений, которые способны надолго предопределить судьбу Украины, находятся в ее руках. Так случилось, хочется это кому-то или нет. Именно поэтому вокруг нее вертятся сегодня все политические сюжеты — создание и роспуск правительства, формирование коалиции, обвинения в государственной измене. Пересечение всех украинских интриг проходит через историческую точку, имя которой Юля.

Крысы — открытый знак. Часто безжалостный, но в то же время, будем справедливы, новаторский, сверхактивный, легко ломающий стереотипы и прогрызающий любые стены — особенно ветхие. В этом году Тимошенко может совершить очень многое — как говорится, почти все, вплоть до изменения политической системы. Что, впрочем, и происходит. Ведь в Украине, благодаря ее последним ходам, де-факто возникла парламентская республика, а во внешнеполитическом курсе отчетливо наметился отход от рабски проамериканского курса, олицетворением которого стал Виктор Ющенко. Отказ БЮТ поддержать президентскую авантюру на Кавказе ясно дал это понять.

Но и ошибки, совершенные в год Крысы, имеют стратегический, воистину эпохальный масштаб. Тот же Хмельницкий в пору своего наивысшего успеха 1648 года, когда Польша буквально лежала у его ног, побоялся решительно порвать с прошлым и взять Варшаву, что предопределило его долгую изнурительную войну с неожиданно вновь окрепшей Речью Посполитой. Год Крысы требует принимать молниеносные решения и воплощать их в жизнь немедленно и до конца.

Еще один исторический закон заключается в том, что Украина — это часть восточнославянской православной цивилизации. Те, кто в год Крысы поднимал на эту цивилизацию руку, как Мазепа или Карл XII, заканчивали полным крахом. Другие же — как Петр I и тот же Богдан — в мгновение обретали историческое величие.

И последнее. В год Крысы неожиданно-негаданно обретают душевный покой и внутреннюю гармонию пчеловоды. Как говорил по этому поводу Михаил Булгаков, «попадают на свое место». Именно в «крысином» 1828-м в селе Пальчики на Черниговщине выдающийся ученый-пчеловод Петро Прокопович открыл первую в Украине и даже во всей Российской империи школу «бджолярства». Это было, кстати, неподалеку от Батурина, который так любит наш Виктор Андреевич.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

«Мюнхенский сговор» ■ 70 лет назад, 30 сентября 1938 года, Англия и Франция отдали на растерзание Адольфу Гитлеру независимое европейское государство — Чехословакию. Но у этой неприличной сделки был еще один виновник — Польша, откусившая на радостях у чехов кусок территории, за что вскоре и поплатилась

КАК ГИТЛЕР С ПОЛЯКАМИ ЧЕХОСЛОВАКИЮ ПОДЕЛИЛ

В мифологии Второй мировой есть один однозначный мерзавец — Гитлер и его многочисленные «жертвы». Но на роль самой первой и главной из них почему-то пролезла Польша. Сколько слез пролито польскими историками по поводу вероломного нападения вермахта на их беззащитную «ойчизну». Сколько фильмов снято о благородных польских офицерах! Сколько песен сочинено о красивых уланах с пиками, отправившихся в последний поход на танки Гудериана под плач своих Басек и Марысек!

Увы, это только поддельная овечья шкура польской гиены, кинувшейся грабить чужое и оставшейся без хвоста. «Гиеной», кстати, Польшу не я первым назвал, а великий демократ и немножко империалист (как же без этого?) Черчилль. Это он — самый обаятельный Винни-Пух британской политической мысли выразился в мемуарах о нынешней «евроадвокатше» Украины: «Польша — та самая Польша, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»!

Возмущение любителя коньяка и сигар легко понять. Он вспоминал о тех гарантиях безопасности в случае нападения Германии, которые летом 1939 г. потребовало у Великобритании польское правительство, только что принявшее участие вместе с немцами в разделе Чехословакии.

В смутные 90-е широкое распространение в бывшем СССР получили бредни советского перебежчика Виктора Резуна, сочинявшего под псевдонимом Суворов. Этот похожий на пингвина в очках субъект, прописавшийся после своего бегства в Великобритании, доказывал, что Сталин использовал Гитлера как «ледокол» мировой революции, направляя его на западные демократии. Смысл писаний псевдо-Суворова сводился к тому, что вина за развязывание Второй мировой лежит на Советском Союзе. А Франция и Англия, где Резун живет до сегодняшнего дня, вышли из-под его пера белыми и пушистыми.

Но правда заключается в том, что дата 1 сентября 1939 года (агрессия Германии против Польши), с которой отсчитывают начало Второй мировой войны, условна. Ей на целый год предшествовал так называемый «Мюнхенский сговор». Согласно ему фактически перестала существовать независимая Чехословакия, куски которой расплозились по карманам широких галифе Германии, Венгрии и Польши. О последней почему-то стыдливо забывают — так, словно речь идет о невинной

Советский плакат 20-х годов. В 30-е «дрессированное в Париже животное» неожиданно влюбилось в Гитлера

ПОЧТИ КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ «ЧЕХОСЛОВАК» БЫЛ... НЕМЦЕМ

► Особенно же возмущались немцы в Судетах. Еще вчера они были имперской титульной нацией, а теперь должны были вытягиваться перед любым чешским Баллоном. В 1933 г., сразу после прихода Гитлера к власти, в Судетах возник Германский патриотический фронт некоего Генлейна. Идеей фикс этого

«клуба по интересам» стала федерализация Чехословакии с предоставлением автономии немецкому меньшинству. В 1937 г. в Судетах прокатилась первая волна чешско-немецких беспорядков. 14 марта 1938 г. произошел аншлюс (воссоединение) Австрии с Германией. Пришло время разбраться с чехами, «уг-

нетавшими» судетских немцев. Всего через две недели после аншлюса Гитлер тайно принял Генлейна и заявил: «Я поддерживаю вас. Завтра вы станете моим наместником». И тут же поручил Генлейну выдвинуть такие требования, которые правительство Чехословакии просто не могло бы принять.

панянке, а не о средних размерах хищнике, равнявшемся в крупные международные разбойники.

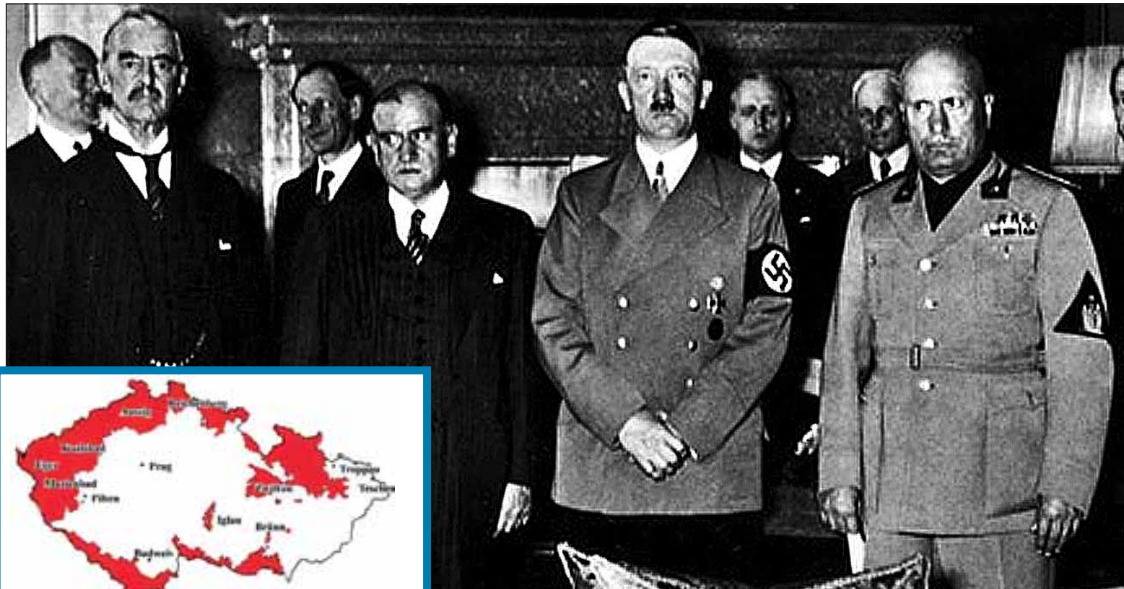
Что бы ни писал Резун, факты гласят: в 1938 году, когда «демократический» Запад предал и продал Чехословакию, СССР уже около двух лет находился с гитлеровской Германией в состоянии необъявленной войны. Эта война шла на территории Испании, просоветское правительство которой сражалось с мятежниками генерала Франко. Испанским «красным» помогала Москва, а испанским «коричневым» — нацистский Берлин и фашистский Рим. Советские истребители в испанском небе вели воздушные бои с немецкими асами из легиона «Кондор», на земле воевали советские танкисты, а корабли испанского флота в море выводили советские инструкторы.

Тогдашние новые европейские «национальные» государства, возникшие после распада Австро-Венгерской и Российской империй, были нарезаны так же «на глазок», как и те суверенные державы, которые появились после демонтажа Югославии и СССР. В Центральной Европе все были недовольны всеми. Румыния захватила из австро-венгерского наследия Трансильванию, большинство населения которой составляли венгры. Варшава проглотила Восточную Галицию со Львовом, а также Волынь, Западную Белоруссию и кусок Литвы с Вильнюсом.

Впрочем, этого ляхам казалось мало. Они мечтали еще и о Тешинской области в чешской Силезии. А временами — о Правобережной Украине с Киевом! Старая концепция Польши «от моря до моря», то есть от Гдыни как минимум до Одессы, упорно не покидала заиклившиеся на идее великопольскости шляхетские мозги. Ведь бжезинских с их «мировыми» шахматными досками вместо здравого смысла там всегда хватало.

Что же касается Чехословакии, то она представляла собой рыхлое многоэтническое государство, являвшееся пародией на рухнувшую Австро-Венгрию. Автономии в Чехословакии не имели даже словаки. А из 14 млн населения 3,5 млн составляли этнические немцы, жившие в Судетской области.

Кроме того, в состав Чехословакии входила Подкарпатская Русь (Закарпатье) с целым букетом народов — венграми, русинами, румынами, словаками и украинцами. К этой земле приценивалась Венгрия. Да и вообще все соседи считали, что чехам, умевшим только пить пиво бочками и дезертировать целыми полками (о том, что в 1938 и 1968 гг. у них дважды получился сделать это целой страной, еще никто не подозревал!), досталось от Господа незаслуженно много.

Мюнхенская четверка. Чемберлен, Даладьё, Гитлер, Муссолини

ФРАНКО-БРИТАНСКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

■ У Чехословакии был оборонительный союз с СССР против Германии. Но он начинал действовать только в том случае, если в войну с Берлином на защиту чехов выступала Франция. Впрочем, Москва заявила, что готова защищать суверенитет Чехословакии и без французов. Главное, чтобы сами чехи этого хотели. Но Прага желала оставаться правоверным прозападным государством — совсем как Украина сегодня. В мае 1938 г. чехословацкий президент Бенеш заявил послу Великобритании: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, они будут зависеть от отношений Франции и Великобритании. Только наличие франко-русского союза сделало возможным современный союз Чехословакии с Россией. Если же, однако, Западная Европа отвернется от России, Чехословакия также от нее отвернется».

Между тем французский премьер-министр Даладьё отворачивался от Чехословакии. 23 мая он встретился с послом Германии Вельчеком. Немцы не скрывали, что готовы на общеевропейскую войну из-за Судет. Но Даладьё считал, что в результате франко-германской «потасовки» погибнет «европейская цивилизация», а в выигрыше окажется только красная Россия. На опустошенных боями территориях, по словам Даладьё, появятся «казаки» и «монголы».

Не хотела воевать и Великобритания. Зато польский посол в Париже Лукаевич еще 21 мая заявил, что Польша немедленно объявит войну Советам, если те попробуют направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии.

30 мая Гитлер заявил своим генералам: «Мое непоколебимое стремление — уничтожить Чехословакию в результате военных действий в самое ближайшее время». И тут же утвердил план «Грюн». Согласно ему, вторжение в Чехословакию должно было начаться не позднее 1 октября 1938 г.

Мальш и Гитлер:
«Спасибо за Судеты,
мой фюрер!»
«Погоди — то ли
еще будет...»

15 сентября в Мюнхен лично прибыл премьер-министр Великобритании Чемберлен и тут же отправился на randevу с Гитлером. Фюрер демонстративно встретил главу британского правительства на последней ступеньке. Он напомнил о трех сотнях убитых в результате чеш-

ско-немецких столкновений в Судетах и добавил, что только от Германии и Англии зависит, сумеют ли они достигнуть соглашения. «Если судетских немцев включить в рейх, отделить венгерское, польское и словацкое меньшинства, то оставшаяся часть окажется столь малой, что по этому вопросу не придется ломать голову», — услышал Чемберлен от Гитлера. В противном случае фюрер «готов взять на себя риск войны любого масштаба и даже риск мировой войны».

В тот же день глава люфтваффе Геринг пугнул английского посла в Берлине отнюдь не британским юмором: «Если Англия начнет войну против Германии, то трудно представить ее исход. Одно ясно, что до конца войны немного чехов останутся в живых и мало что уцелеет от Лондона».

Становилось ясно, что Германия загоняет британцев и французов в дипломатические силки. Немцы играли на слабостях национальных психологий — чешской нерешительности, английском и французском эгоизме, польской алчности. И у них получалось! 19 сентября посол Польши в Берлине Липский сообщил Гитлеру о желании польского правительства полностью ликвидировать Чехословакию как независимое государство, так как его правительство рассматривает «Чехословацкую республику как создание искусственное... не связанное с действительными потребностями и здоровым правом народов Центральной Европы». На следующий день последовало германо-польское соглашение о координации военных действий против Чехословакии.

СССР БЫЛ ГОТОВ ВОЕВАТЬ ЗА ЧЕХОВ

► А в это время простые чехи митинговали. Посол СССР сообщал в Москву: «В Праге происходят потрясающие сцены... Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство»... К вечеру пало чешское правительство Годжи. Кабинет возглавил генерал Сыровы. А пражский МИД обратился к правительству СССР с просьбой воздействовать на Польшу, сосредотачивающую свои войска на границе с Чехословакией. На следующий день наркомат иностранных дел предупредил Варшаву, что разорвет пакт о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., если польские войска перейдут границу Чехословакии. 28 сентября последовала Директива начальника Генштаба РККА Шапошникова о задержке демобилизации во всех военных округах европейской части СССР. Если бы тогда началась война, то Чехословакия и Советский Союз плечом к плечу сражались бы против Германии и Польши. Тем более что, как казалось, в чехах проснулся боевой дух. 29 сентября они завершили мобилизацию. В армию было призвано около 1 млн резервистов. Какие-нибудь сербы сказали бы: «Вместе с русскими мы непобедимы». Но чехи — не сербы. В ночь с 29 на 30 сентября Англия и Франция договорились с Германией о том, что от Чехословакии отрежут «лишнее». Президента Бенеша даже не пригласили

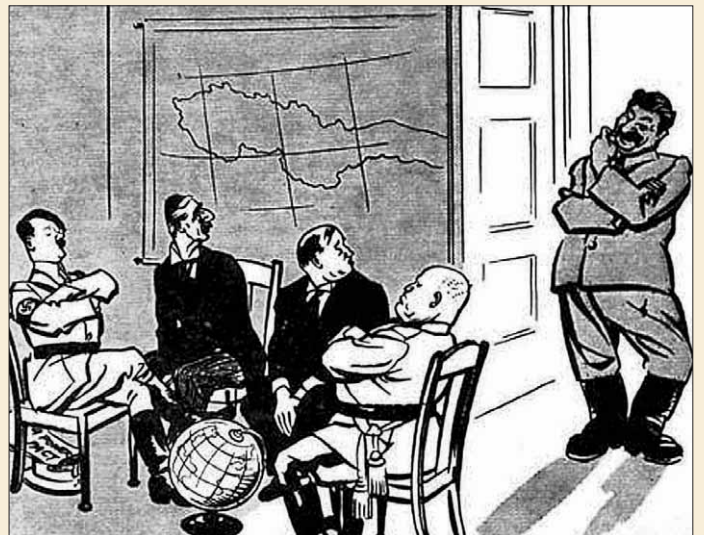
Красная армия уже оседлала коней

за стол переговоров, а всю нацию — поставили перед свершившимся фактом. И нация сдалась.

1 октября немецкие войска победоносно вошли в Судеты, а вечером того же дня Тешинскую область заняли поляки. Президент Бенеш бежал в Лондон, а Черчилль тут же назвал все случившееся «бедствием первостепенного значения».

Никакого морального права считать себя первой жертвой Второй мировой войны Польша не имеет. Вместе с Германией осенью 1938-го она швырнула окурков в пороховой погреб Европы. То, что через год в результате этого некультурного и, скажем прямо, глупого жеста, не стало и ее, отнюдь не умаляет польской вины в развязывании общеевропейской бойни.

Ну, а писания Резуна? Это всего лишь пиар-акция, призванная прикрыть вину Лондона в подталкивании Гитлера на восток. Если он и был чьим-то «ледоколом», так это «старой доброй» Англии.

Карикатура на Мюнхен 38-го. Сталин: «А мне стульчик?»

БЕНИТО МУССОЛИНИ: ЧЕХО-германо-польско-мадьяро-словакия

■ 21 сентября наступил апогей кризиса. В 2 часа ночи послы Великобритании и Франции разбудили президента Бенеша и потребовали от него немедленной капитуляции перед Германией. «Если чехословацкое правительство, — заявили они, — не примет англо-французский план, то весь мир признает Чехословакию единственной виновницей неизбежной войны... Если же чехи объединятся с русскими, война может принять

характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне».

А в это время советский нарком обороны маршал Ворошилов приказал Киевскому особому военному округу начать выдвижение войск к государственной границе. Кремль еще надеялся, что чехи не сдадутся без боя. В разгар этого трагифарса прибавил итальянского юмора

Дуче. «Простой и человечный»

Муссолини, заявивший на митинге, что Чехословакия — это «многоязычное государство Чехо-германо-польско-мадьяро-словакия», которое больше «не может существовать в своей нынешней форме».

22 сентября в Германию опять примчался на самолете «миротворец» Чемберлен. Он радостно доложил Гитлеру, что Чехословакия готова уступить Судеты. Но в ответ услышал от Гитлера: «Очень сожалею, но теперь это

нас не устраивает». Фюрер явно издевался над старым лондонским маразматиком и как «честный человек» потребовал кусочек Чехословакии для своих союзников — поляков.

В тот же день официальная Варшава заявила о разрыве польско-чехословацкого договора о национальных меньшинствах и предъявила чехам ультиматум о присоединении к Польше «земель с польским населением».

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Веселый литературовед ■ Его звали Николай Петров. Он был профессором Киевской духовной академии, крестным отцом Миши Булгакова и первым украинским литературоведом. За что прочно забыт нынешней Украиной

Проводы казака на войну. Популярная тема в украинской литературе со времен Гоголя

Народная идиллия. Все сюжеты украинской классики происходили на свежем воздухе

ПЕРВУЮ ИСТОРИЮ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАПИСАЛ МОСКАЛЬ

До Николая Петрова современная украинская литература насчитывала уже почти сто лет. Но истории ее, да и мало-мальски профессионального критического разбора не существовало. Виновато в этом, на мой взгляд, то завистливое животное, которое у нас называют «жабой». «Жаба» душила чуть ли не каждого украинского литератора, испытывавшего лютую зависть к коллегам по цеху. Каждый хотел быть самым великим. Каждому был нужен храм имени себя в мазанке под стрехой, но как минимум с античными колоннами и собственной статуей в тоге и шароварах. Поэтому Пантелеймон Кулиш поносил Гоголя и Шевченко. Гоголь — вообще никого не замечал, надеясь стать самым знаменитым украинцем в мировой литературе, что в результате у него и получилось. А Шевченко в свойственном ему духе «правдолюбия» мазал дегтем «і мертвих, і живих» конкурентов, щадя только «ненароджених».

В марте 1847 года Тарас решил написать предисловие ко второму изданию своего «Кобзаря», а заодно разделаться по заслугам с тем, что называлось на тот момент украинской литературой. Текст его я привожу по подлиннику. Так, как писал Великий Кобзарь. «Гоголь, — считал Шевченко, — вырись вь Нижни, а не вь Малороссии, и своего языка не знае... Покойный Основьяненко дуже добре прыглядив ся на народ, та не прислухав

ся до языка, бо може ёго не чувь у колысци одь матери, а Г. Артемовський хоть и чувь, такь забувь, бо в паны пострыгся».

К слову сказать, так же строго судил Тарас Григорьевич и об украинской философии, назвав «творчий доробок» самого известного представителя ее «бестолковыми произведениями философа Сковороды», а самого их создателя — «идиотом». Так и написал: «В малороссийских произведениях почтеннейшего князя со всеми подробностями

Шевченко называл мэтра отечественной философии Сковороду «идиотом», а его произведения — «бестолковыми»

отразился идиот Сковорода». Кто не верит, пусть откроет повесть Шевченко «Близнецы» и найдет эту цитату.

Понятное дело, что такой горячий человек не мог написать историю литературы. Да и другие были немногим объективнее. Поэтому неблагоприятную миссию в очередной раз пришлось взвалить на плечи «москаля» — Николаю Петрову.

Он происходил из самой что ни на есть исконной Московии — села Вознесенское под Костромой. Родился в 1840 году в семье церковного дьячка. Да и сам внешне

походил на типичного интеллигента-разночинца — очки, чеховская бородка, галстук-шнурок. Как выходец из семьи церковнослужителей Петров приехал учиться в Киевскую духовную академию (она находилась на Контрактовой площади, там, где сейчас «Могилянка») и остался в нашем городе до самой смерти в 1921 году. Тут он стал преподавателем в том же учебном заведении, которое закончил, профессором, членком Петроградской академии наук, с 1919-го академиком ВУАН (Всеукраинской академии наук) и членом Украинского научного общества.

Каждая книга Петрова становилась для научного Киева крупным событием. Он первым выпустил историю того заведения, в котором служил. Книга его называлась «Киевская Академия во второй половине XVII века». После нее гоголевские бурсаки, воспетые в «Вие», стали не просто художественными образами, но и предметом исследования. Первым же, по сути, разобрался с летописной топографией столицы Руси, написав «Историко-топографические очерки древнего Киева». Монографии эти были настолько хороши, что до сих пор разномастные «науковці» охотно передирают у Петрова, когда пытаются писать популярно, и не всегда на него ссылаются. Но главным достижением ученого стали «Очерки из истории украинской литературы XVII—XVIII веков» и «Очерки истории украинской литературы XIX столетия».

Профессор Николай Петров

АКТУАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД

► Многие идеи Петрова актуальны до сих пор. «Недоброжелатели украинской литературы, — писал он, — относятся к ней пренебрежительно, обзывают ее хохлацкою, хохломанскою и хлопоманскою литературою и не считают достойною серьезного изучения, — другие, преимущественно из украинцев, замечают в ней особую свежесть, девственность и оригинальность, ставят ее несравненно выше северно-русской искусственной литературы и дают ей почетное место между литературами других славянских племен... В том и другом лагере не достает спокойного изучения историко-литературных фактов и даже надлежащей полноты этих фактов».

Последняя книга попала мне как-то у одного букиниста. Запросил он дорого. Но только за то, что книга была старая — 1884 года издания. К счастью для моего кошеля, продавец не оценил автограф на титульной странице: «М.Любичу от Автора». Кто такой Любич, я не знаю, но Петров, кроме всего прочего, был еще и крестным отцом Михаила Булгакова. Причем, видимо, очень хорошим крестным, раз, кроме первенца, он крестил потом еще нескольких детей в этой семье. Так что автограф его — немалая ценность.

С отцом Миши — Афанасием Ивановичем — они были друзьями. Да и трудились в одном месте — все в той же Духовной академии. Значит, Петров бывал у Булгаковых в доме, делился своими научными интересами. В связи с этим становится понятна и та скрытая симпатия, которая есть у автора «Белой гвардии», несмотря ни на что, к игравшим в украинскую историю петлюровцам — взять хотя бы колоритный образ полковника Козыря-Лешко или сцену петлюровского парада. Описывая украинское, Булгаков хорошо его знал. Все украиноязычные персонажи его говорят на настоящем, а не стилизованном украинском языке. И это понятно — маленький Миша не только слышал этот язык на киевских улицах, но и был крестником автора первой истории украинской литературы. Это только лишний раз подтверждает, насколько тесно переплетены Украина и Россия, вышедшие из одной общей колыбели — Киевской Руси.

СТРОГИЙ СУД ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИША НАД КОТЛЯРЕВСКИМ

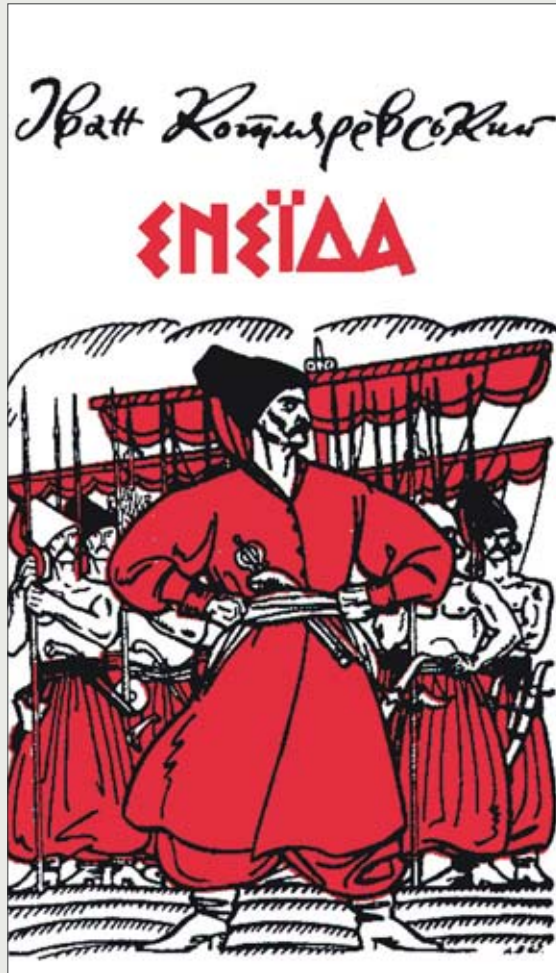
■ Обилие фактов и стало одним из главных достоинств «Очерков». Преподавая литературу в школе, у нас стараясь залакировать сложные отношения украинских писателей друг к другу. А Петров их не скрывал. Поэтому герои его книги — живые люди, а не памятники. Они конфликтуют, завидуют, стремятся к славе, иногда даже заимствуют чужие сюжеты.

Петров подробно описывает, например, два противоположных отношения к основоположнику новой украинской литературы — автору «Энеиды»: «Малорусские критики разошлись в своих мнениях о Котляревском: одни порицают его за насмешливое, карикатурное или же сентиментальное изображение малорусской действительности и, давая произведениям его лишь историческое значение, считают их анахронизмом для настоящего времени; другие, наоборот, возвышают его на степень истинного поэта».

Особенно строго, указывает Петров, относился к Котляревскому Пантелеймон Кулиш. «Уже самая мысль написать пародию на языке своего народа, — язвил этот критик,

Котляревский. Рисунок художника Базилевича

Эней и компания. Кулиш судил о них слишком строго

— показывает отсутствие уважения к этому языку. Троянский герой в виде украинского бродяги смешил товарищей Котляревского до слез, и рукопись его начала ходить по рукам. Помещики украинские расхохотались над «Энеидой» не хуже офицеров; расхохотались над нею и их лакеи... Одни простолудины не смеялись: им было не до «Энеиды». Тот век был вообще последнею пробой нашей народности, которая упала мало-помалу до бессознательного состояния; но ни что не подвергло ее столь опасному испытанию, как пародия Котляревского». И даже сам автор, по мнению Кулиша, «смутно почуял беззаконие своего смеха».

Но за этим строгим «приговором» скрывалась обычная зависть. Кулиш был не только критиком, но и сам грешил прозой и стихами. Его раздражала популярность Котляревского, на фоне которой собственные достижения Кулиша выглядели очень скромно. «Впрочем, как ни строго судил Кулиш произведения Котляревского, — писал Петров, — но и он признавал большое значение их для современного и последующих поколений малороссов».

ГОГОЛЬ — НАЦИОНАЛИСТ

■ В свою историю украинской литературы Петров включил и Николая Гоголя, которого сегодня наши дети проходят как иностранного писателя. Получается, что «москаль-литературовед» проявил больше уважения к этому автору, да и к самим украинцам, чем нынешнее Министерство образования. Гоголь, по словам Петрова, представитель «национализма» или «национальной школы в украинской литературе». При этом под «национализмом» он подразумевал «то направление, которое, опираясь на историческое и этнографическое изучение народа, идеализирует прошлую или современную

жизнь его». В XX веке это слово изменило значение и стало ассоциироваться в основном с Петлюрой или Бандерой и их деяниями.

Гоголь же был представителем совсем другого национализма. И даже Кулиш писал о нем: «Со времен Гоголя взгляд великорусов на натуру украинца переменялся: Почуяли в этой натуре способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидели, что народ, посреди которого явился такой человек, живет сильною жизнью и, может быть, предназначен судьбою к восполнению духовной натуры северо-русского человека».

Николай Гоголь. В XIX веке он считался украинским литератором

Зимний дворец. Эти петербургские красоты Тарас Шевченко в шутку называл «болотом»

ШЕВЧЕНКО В «КАЦАПСКОМ» БОЛОТЕ

■ Но особенно удалась Николаю Петрову глава о Тарасе Шевченко. Он описывал Великого Кобзаря не только как автора минорных стихов о страданиях простого народа, но и как гуляку, не перетруждавшего себя работой: «К веселой разгульной жизни располагал Шевченко и его знаменитый учитель и покровитель Брюллов, который и сам не прочь был поблуждать. Наконец, Шевченко отбил у Сошенко (своего друга) племянницу его хозяйки — немку Марью Яковлевну, за что Сошенко выгнал нашего поэта из своей квартиры. Эта Марья Яковлевна жаловалась впоследствии на Шевченко в Академию художеств».

Николай Петров:
«К разгульной жизни Шевченко располагал Брюллов»

Получив в 1843 году звание свободного художника, Шевченко стал рваться из столицы на родину. Петров приводит одно из его писем к приятелю на Украину, где описывается их житье-бытье с Брюлловым: «Карль Павлович байдаки бье, а «Осада Пскова» жде лита. А я чортъ знае шо — не то роблю шо, не то гуляю, сновигаю по оцему чертову болоту, та згаду нашу Украину.. Спиткали мене прокляты кацапи, такъ шо не знаю, як и выкручатыя». «Болотом» Тарас называл столицу Российской империи — Петербург. Но вряд ли всерьез. По самому тону письма

чувствуется, что ему там не так уж плохо, раз основное время приходится тратить на загулы. С точки зрения «серьезных специалистов» нашего времени, «Очерки по истории украинской литературы XIX столетия» написаны слишком свободно и непolitкорректно. Но, кто тогда вообще что-то слышал о политкорректности? Это поздняя американская выдумка, призванная как-то сгладить неприязнь между различными этническими и расовыми группами в США. Теперь ее пытаются навязать остальному миру. Сам Шевченко — вызывающе «неpolitкорректен». Но тем он и интересен. Как и первый историк украинской литературы профессор Петров, которого давно пора вернуть нашей науке и культуре.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Беспамятство ■ 110-летие лучшего украинского поэта XX века в нынешнем году прошло незаметно. Хотя его биография составила бы честь любому литератору: скандалист, бабник, завсегдатай психиатрических клиник, «истинно пролетарский» мастер пера и... бывший петлюровец

Богоспасаемое место. Храм «благочестивого князя Александра Невского» на Сабуровой даче, где лечили Сосюру

Комсомолец-петлюровец. Поэт сумел вместить несовместимое

ВЛАДИМИР СОСЮРА — КЛАССИК ИЗ ДУРДОМА

Признаюсь, я всегда питал к нему слабость. На фоне скучных литературных рыл из «Спілки письменників» этот выделялся лица необщим выраженьем. Он тоже приспособливался, тоже сочинял «нужные» и «правильные» поэмы. Но до конца его так и не обломали. В пору полугодной литературной молодости 20-х годов, когда его коллеги по цеху старались не выйти из образа социалистического писателя от сохи и станка, Сосюра умудрился сфотографироваться в буржуазной бабочке. Что он этим хотел сказать, ясно. Молодой Сосюра словно подмигнул нам: со мной не все так просто.

Не просто и с его стихами. В школе в советские времена изучали балладу Сосюры «Комсомолец»:

*Бій одлунав, жовто-сині знамена
Затріпотіли на станції знов,
І до юрби полонених
Сам курінний підійшов.
Аж до кісток пропікає очима...
Хлопці стоять перед ним,
як мерці...*

*П'яно хитається смерть
перед ними,
Холодно блима наган у руці...
— Є комсомольці між вами, я знаю.
Кожного кулі чекає печать.
...Стиснуто губи в останнім відчаї.
Всі полонені мовчать.*

Но в литературных кругах гуляла легенда, что первоначально это стихотворение, заканчивающееся проникновенными строками:

«Вийшов один і сказав курінному: «Я — комсомолец, стріляй!» называлось совсем иначе: «Гайдамака». И написал его Сосюра якобы во времена своей петлюровской юности, когда служил в 3-м Гайдамацком полку батьки Волоха. Вместо садиста-куренного в нем действовал не менее жестокий комиссар, а вместо желто-синих знамен — красные. И звучало оно несколько иначе:

*Бій одлунав, і червоні знамена
Затріпотіли на станції знов,
І до юрби полонених
Сам комісар підійшов...
— Є гайдамаки між вами, я знаю...*

Как вы уже догадались, ответ комиссару заканчивался истинно по-петлюровски: «Я — гайдамака, стріляй!»

Возможно, это всего лишь слух. Рукопись националистического варианта «Комсомольца» не сохранилась. Что не доказывает, будто ее не существовало вообще. Известно, что первый поэтический сборник Сосюры напечатал в разгар гражданской войны атаман Волох, не чуждый, несмотря на свою зверообразную внешность, чувства прекрасного. Свои же приключения в армии Украинской Народной Республики Сосюра никогда не скрывал. Ни в красном Харькове 20-х, ни даже в более поздние времена. У него даже есть по этому поводу совершенно определенная, самооправдательная строчка: «І тоді побіг я до Петлюри, бо у мене штанив не було».

Дескать, что с меня взять — молодой, неопытный...

Официальная советская биография утверждала, что Сосюра родился в 1898 году на Донбассе в семье шахтера. Но все было немного сложнее. Среди его предков — украинцы, русские, карачаевцы, сербы и даже евреи. Дед по

Из украинских советских писателей 20-х гг. только Сосюра сфотографировался в контрреволюционном имидже

линии отца владел кабаком и торговал, как вспоминал поэт, водкой «на пользу русской императорской армии».

Другой дед — по матери — Дмитрий Локотош был мещанином города Луганска и имел водяную мельницу, «которую пропил». Склонный, как и все поэты, к мифологизации прошлого,

Сосюра утверждал, что его предки якобы происходили из Франции, где носили дворянскую фамилию де Сосюр, а потом попали на Запорожскую Сечь. Версия эта никакими документами, естественно, не подтверждается. Сосюра всегда любил чудить. И даже в куда более острых формах. Как истинный художник слова он позволял себе всяческие излишества, чуть-чуть отклоняясь от генеральной линии партии, но не настолько, чтобы попасть во «враги народа». Например, в годы НЭПа, когда с буржуазией было заключено временное перемирие, а частная собственность стала считаться такой же полноправной, как и государственная, Сосюра настроил антиэпмано-вское стихотворение в духе военного коммунизма:

*Я не знаю, хто кого морочить,
Але я б нагана в руки взяв,
І стріляв би в кожні жирні очі,
В кожну шляпку і манто стріляв...*

Его пожурили, да и только. Естественно, отстреливать на тротуарах дам в дорогих меховых шубах поэт не собирался. Он предпочитал употреблять их по прямому назначению. А особенно любил балерин, игравших тогда ту же роль, которую в нынешнем бомонде представляют модели. Тем более что тут же поэт был готов проявить неуместный гуманизм, пролив слезу и над красными, и над белыми:

*Шумлять і клени, і тополі,
Лиш не шумить один перон:
Лежить зарубаний за волю,
Лежить зарубаний за трон...*

Но мало того! Официально «работая» украинским советским поэтом, в быту классик предпочитал разговаривать по-русски, как об этом вспоминали его соседи по киевскому писательскому дому уже в послевоенные времена. А в молодые годы он даже печатался на этом языке в одном из донбасских поэтических альманахов. Юрий Смолыч в мемуарах вспоминал начало этой поэмы, вышедшей в разгар украинизации 20-х. Она начиналась строчкой: «Разве я не могу творить и писать стихи по-русски?»

Все это, однако, не помешало Сосюре примерно в те же годы настроить «националистическую» поэму «Мазепа» и «анархистскую» — «Махно», читать которую публично ему запретили. Но этим дело и ограничилось. Ибо в высших сферах поэта считали не политическим противником, а человеком с неуравновешенной психикой — немножко не в себе. Глухие упоминания об этом публиковались даже в советские времена. Тот же Смолыч в вышедших ограниченным тиражом в 1972 году воспоминаниях писал: «Сосюра був тяжко хворий — це також відомо всім... Час од часу, не так, на щастя, часто, нервова недуга загострювалась, і Володі доводилося навіть лягати до клінік».

ПАЦИЕНТ САБУРОВОЙ ДАЧИ ЗАЕХАЛ МЕЖДУ НОГ САНИТАРУ

■ В молодые годы его туда запирали насильно. В 1934 году в столице Советской Украины Харькове популярный поэт высочил на балкон кооперативного писательского дома, где жил, и на всю улицу стал орать: «Я чорний демон — дух вигнання». Выглядел он при этом настолько возбужденным, что прямо с «концерта» его увезли в главную «дурку» республики — на Сабурову дачу. Для этой цели был даже выделен дефицитный в те времена автомобиль. Его специально дал нарком образования УССР Владимир Затонский.

В лечебнице Сосюра сразу же устроил скандал, обзавав ассистентку завпсихиатрическим отделением «блядь», и попытался рубануть ее ребром ладони по горлу. Как вспоминал впоследствии об этом приключении сам «демон»: «В ту мить, коли я на півдорозі спинив руку, вона очима дала знак, і на мене моторошним градом кинулися ззаду і з боків санітари... Того, що кинувся на мене спереду, я одкинув ударом ноги між ноги нижче живота, але це йому не дуже зашкодило, бо він був у шкіряному фартуці. Як розп'ятому, руки мені витягли в сторони і зробили укол, я став весь, як холодець, безвольний і покірний, і чомусь в мені воск-

Харьковская больница. Из этого уютного места Сосюра сбежал, обманув свою поклонницу-санитарку

Социалистический Харьков. В 30-е годы столица УССР приобрела ультрамодерный вид

ресло дитяче... я плакав і просився: «Дядя, я більше не буду!»

Драчуна притащили в отделение для буйных и голого бросили на железную кровать. Вокруг был настоящий дурдом! Один больной кричал, что горит и тонет. Другой — просил закурить и щипал обессиленного после укола поэта ногтями за лицо. А третий бежал в одном белье вокруг кровати и цитировал самого Сосюру: «Цвіте червона Україна!» Это неожиданно воодушевило вальявшегося, как труп, автора: «Я подумав, що раз мене і божевільні знають, чого ж я буду боятися?»

Из Сабуровой дачи будущий классик украинской литературы сбежал, обманув одну из санитарок — студентку-медичку. Она оказалась поклонницей его поэтического таланта и разрешила прогуляться во дворе без присмотра. Санитар настиг его уже дома. Тогда беглец взял чугунную подставку для утюга и заявил, что расколел его «тупую голову», если тот сделает еще хоть шаг. Так они и сидели, по рассказу Сосюры, в полутьме друг против друга — «волохатий гігант, більше схожий на троглодита», и поэт, с трудом сдерживавший себя, чтобы не ударить его чугунной чушкой так, «щоб угрузла в його ненависний череп».

ПРООБРАЗ ИВАНА БЕЗДОМНОГО

■ Побег Сосюры вызвал настоящий переполох в партийной верхушке украинской столицы. Поэт упорно отказывался признать себя сумасшедшим, указывая на то, что псих не мог только что написать поэму «ГПУ», прославляющую советские органы госбезопасности. Он требовал отправить себя на обследование в Москву. И украинские партийцы сдались. Вскоре поезд увез «мнимого больного» в поношенном пиджаке и комнатных тапках вместо туфель прямо в сердце страны строящегося социализма.

В таком виде Сосюра появился и в Московском доме литераторов. Через много лет, став лауреатом Сталинской премии и дважды кавалером ордена Ленина, Сосюра так будет вспоминать о своих приключениях в столице СССР: «У Москві мене влаштували в санаторій для невротиків на Покровському-Стрешнево. Мені дозволяли, як я просив, бувати в місті».

Московский литературный бомонд шарахался от необычного гостя. Он подружился только с таджикским поэтом Абулькасимом Лахути, стихи которого как-то перевел на украинский. «Він не цурався мене, як божевільного, — писал Сосюра в мемуарах, — і при всіх ходив зі мною в приміщенні Спілки письменників, пригощав мене обідом у письменницьких клубах, давав мені гроші».

По-видимому, встречал необычного земляка с Украины в писательском ресторане и Михаил Булгаков, как раз писавший роман «Мастер и Маргарита». Не исключено, что Сосюра в тапках, которого принимали за сумасшедшего, подсказал ему образ Ивана Бездомного, пугавшего советских писателей речами о дьяволе: «Он был бос, в разодранной беловой толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколата бумажная иконка с изображением неизвестного святого, и в полосатых белых кальсонах. В руке Иван Николаевич нес зажженную венчальную свечу. Правая щека Ивана Николаевича была свежее изодрана... Послышались два голоса. Бас сказал безжалостно: «Готово дело. Белая горячка». А второй, женский, испуганный, произнес слова: «Как же милиция-то пропустила его по улицам в таком виде?»

Но самое удивительное, что в творчестве Сосюры, как и у Булгакова в «Мастере и Маргарите», тоже есть образ отрезанной головы! «Мені хочеться ходити з одрізаною головою Данте на руках», — писал он в юношеском стихотворении «Маки», навеянном воспоминаниями о гражданской войне. Как знать, может быть, и Булгаков слышал от него эти строки, которые вдохновят его чикнуть трамваем по шее Берлиоза?

Петлюровцы. Коллеги поэта по гражданской

1923 год. Сосюра с друзьями-литераторами

УЧАСТНИК ПЕТЛЮРОВСКИХ РАСПРАВ

■ Считается, что на психике Сосюры навсегда сказалось участие в расстрелах пленных, когда он служил в армии Петлюры. В воспоминаниях «Третья рота» поэт утверждал, что сам лично ни с кем не расправлялся — просто был очевидцем. Возможно, так и было. Но страшные сцены намертво врезались в его память. Это стало навязчивым видением. Сосюра описывал в мемуарах, как они расстреливали махновцев: «Нашій сотні було призначено їх розстрілювати... Це були звичайні селянські хлопці. Такі, як і я... Підвели їх до церкви і вистроїли в один шерг біля церковної огорожі... З хат повиходили баби, дівчата... дивляться... а махновців, по два, підводили призначені до огорожі, ставили навколішки спиною до нас і по команді: «По зрадникам... огонь!» — били їх огнями, і ті, як папірці, прибиті до дороги насподіваним вітром, мовчки, без крику падали... Потім по команді їх кололи штиками... Я стояв і дивився... Мені було солодко, і я не знаю, чи плакати, чи сміятися хотілося мені... Старшини ходили й добивали в голову».

После подобных сцен психика Сосюры и пошатнулась. Он тоже боялся, что его

расстреляют, если возьмут в плен с выстреленным гайдацким «оселедцем» на голове. Вспоминаая, как удирал от красных, поэт писал: «Шлика я зірвав... але оселедця зірвати не можна. А коли попадають в полон з оселедцями, то з ними не церемоняться... Смерть... А який я старий гайдамака? Червоні думають, що як з оселедцем, значить, і старий гайдамака».

Впрочем, Сосюре повезло тем, что в плен он попал не к красным, а к белым. Те не стали его расстреливать, хоть и отобрали гимнастерку и сапоги, выдав взамен старые английские ботинки. По-видимому, некоторое время он поболтался еще и в денкинской армии. И только от белых достался, по наследству» Красной армии в Одессе, где валялся в госпитале, выздоравливая от тифа.

Нет ничего странного, что его 110-летний юбилей прошел в Украине незамеченным. Ведь в мемуарах, опубликованных уже после смерти, свои приключения в петлюровском воинстве Сосюра назвал «жовто-блакитним пеклом, з якого я ледве вирвався».

Бездомный и Азазелло. Образ первого из них Булгакову, возможно, навеял Сосюра

субботные истории для взрослых от Олеси Бузины

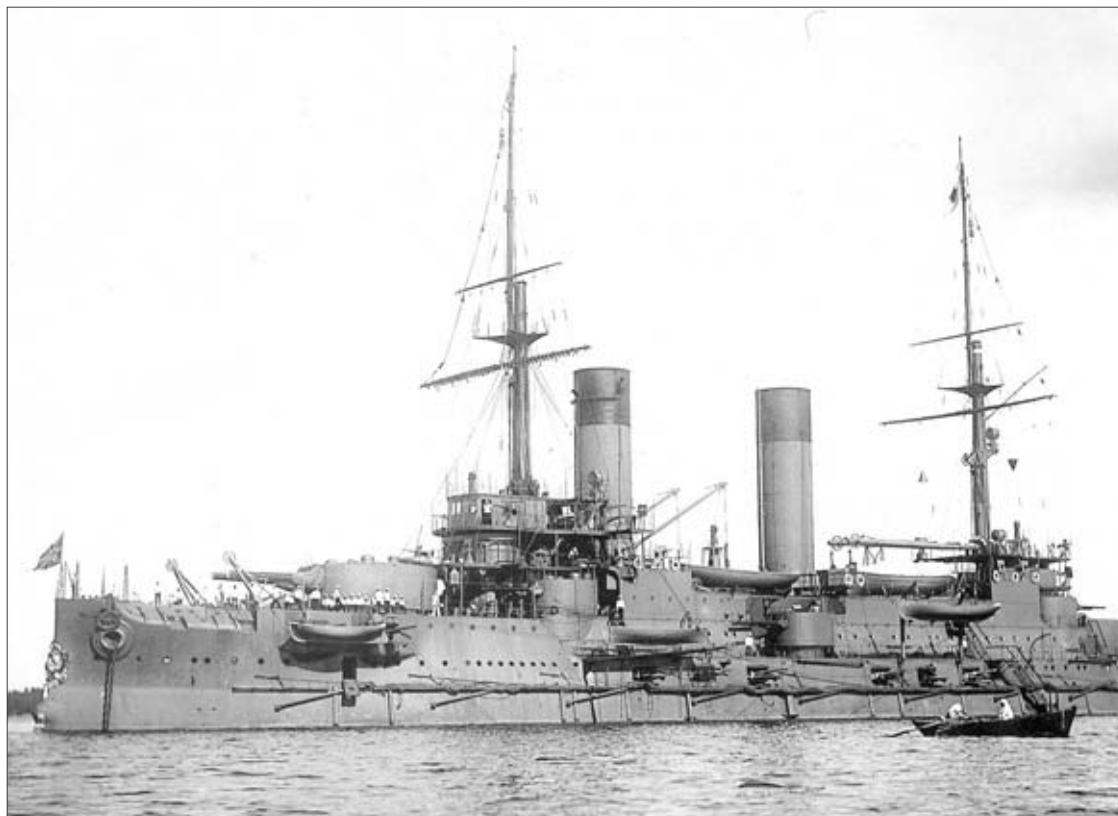
Киноблюдо ■ Фильм «Адмиралъ», если верить рекламе, бьет рекорды по посещаемости. Но большинство зрителей не подозревают, что это не кино, а блюдо. Причем из ненатуральных продуктов

АДМИРАЛ КОЛЧАК ПОД КЛЮКВЕННЫМ СОУСОМ

О художественных достоинствах этого «шедевра» можно мало чего сказать. Крепкого сценария, по сути, нет. Как и хорошо сыгранных ролей. Константин Хабенский играет не Колчака, а Хабенского, переодевающегося по ходу действия в различные военные мундиры — иногда очень похожие на настоящие, а иногда совсем не похожие — как тот, что придумали ему для 1917 года. Тогда Временное правительство отменило для морских офицеров погоны. Но кино-Колчаку их почему-то оставили, причем очень странного, никогда не существовавшего в природе вида. Эту деталь можно объяснить только тем, что «герой» такого масштаба должен выглядеть для зрителя эффектно, хотя есть фотография настоящего адмирала Колчака именно этого периода. И именно в той форме, что надо, но, естественно, без погон.

Высосано из пальца и большинство подвигов, которые совершает на экране герой Хабенского. Фильм «Адмиралъ» начинается эпизодом постановки мин эсминцем «Сибирский стрелок» на Балтийском море в 1916 году. Эсминец настигает немецкий броненосный крейсер «Фридрих Карл» (в реальной истории крейсер подорвался на русской мине годом раньше безо всякого боя) и вступает с ним в перестрелку. Капитан первого ранга Колчак лично становится к орудию и попадает точь-в-точь в «ходовую рубку» крейсера, чем якобы временно выводит его из строя и вызывает восхищение всей команды.

Но подобного эпизода не могло быть в принципе. Ибо поединок броненосного крейсера и устаревшего эсминца вроде «Сибирского стрелка» — это то же самое, что противоборство мухи с мухобойкой, где в роли мухи выступал бы именно эсминец. Кроме того, даже теоретическое попадание в ходовую рубку крейсера 45-миллиметрового снаряда никак не сказалось бы на его управляемости, так как руководство кораблем в бою происходило не из ходовой, а из боевой рубки, прикрытой толстой броней. Ходовая же рубка — это, по сути, легкая «будочка» с хорошим остеклением, которой пользовались в спокойной обстановке, чтобы не утомлять офицеров бессмысленным сидением в бронированном бункере с узкими смотровыми щелями. За всю историю Первой мировой войны нет ни одного примера атаки русского эсминца на немецкий броненосный крейсер. Реальные, а не киношные моряки знали, что это атака не на цель, а прямо на тот свет.

Линкор «Слава». В фильме его «разжаловали» в крейсеры и отдали под команду Колчаку, хотя он на нем не воевал

Придумана от начала и до конца и батальная сцена прибытия Колчака в район Риги на «крейсере» (так он назван в фильме) «Слава» в том же 1916-м. Во-первых, такого крейсера не существовало в природе. В составе Балтийского флота числился не крейсер, а линейный корабль «Слава», на который и смахивает тот муляж, который активно палит в фильме. В июле 1916-го настоящая «Слава» действительно выходила к рижскому побережью поддерживать артиллерию северный фланг русского фронта. Но Колчака на борту «Славы» быть не могло, так как в этот период он официально числился начальником минной дивизии Балтийского флота и участвовал совсем в других операциях. Кстати, без малейшего успеха.

Бой настоящей «Славы» под Ригой в действительности выглядел совсем не эффектно. Как пишет современный русский историк С.Виноградов в книге «Линейный корабль «Слава», «...ни одного прямого попадания линкор не получил, на палубе впоследствии обнаружили несколько осколков разорвавшихся неподалеку снарядов».

Если бы режиссер Андрей Кравчук снимал фильм о настоящих приключениях Колчака в этот период, то ему пришлось бы запечатлеть не оторванные матросские ноги, а сплошные комические эпизоды, от-

ции с грузом железной руды, но просто не смогли найти его из-за... тумана. Кроме того, один из эсминцев сломался и был вынужден уйти в порт. Потом попытку повторили, но тоже с плачевным результатом. Как командующий Колчак действовал шаблонно, ввязался в бессмысленную перестрелку с тихоходными немецкими сторожевиками, хотя имел преимущество в скорости, и проворонил транспорт, укрывшийся в шведских территориальных водах.

Единственной жертвой адмирала Колчака в этом бою оказался крошечный немецкий угольщик «Германн». Его долго расстреливали торпедами в упор с расстояния меньше кабельтового — то есть ближе чем с двухсот метров. Одна торпеда с эсминца «Новик» не попала, вторая — не взорвалась. Колчак приказал лупить по «Германну» еще и эсминцу «Гром». Тот всадил в беззащитную неподвижную лохань еще две торпеды, но они тоже не взорвались! И только пятая торпеда русских эсминцев подорвала угольщик. Но, словно издеваясь над качеством русского оружия, немецкое суденышко не спешило идти на дно, так как было загружено пустыми бочками, действовавшими как поплавки.

Для 1917 года
Хабенскому-Колчаку
придумали
фантастическую
форму с погонами

ОТКАЗАЛСЯ СПАСАТЬ ТОНУЩИХ НЕМЦЕВ

► Взбешенный Колчак запретил поднимать на борт немецких моряков, которые, по словам одного из русских офицеров, «плавали вокруг нас на различных обломках, разбитых шлюпках и просто в воде, неистово взывая о помощи». Своим поведением Колчак нарушил кодекс морской чести и законы ведения войны. Одни историки объясняли это тем, что он боялся немецких подводных лодок и торопился уйти с места стычки. Но Д. Козлов — автор недавно вышедшей в Москве книги «Цель — шведская руда», озвучил версию, что это, мягко говоря, нерыцарское поведение было связано «с особенностями психотипа А.В. Колчака». По его словам, сослуживцы Александра Васильевича не раз обращали внимание на «совершенно неприличное состояние нервов» и «бешеную вспыльчивость» будущего верховного правителя, а также на его «жестокое обращение с командой» (попросту говоря, мордобойство), когда тот служил еще младшим офицером. Один из участников Первой мировой войны контр-адмирал Пилкин в мемуарах справедливо заподозрил Колчака, отказавшегося спасти экипаж «Германна», в военном преступлении и добавил, что «из песни слова не выкинешь». Но вместо этого неприглядного эпизода Колчак из фильма «Адмиралъ» совершает анекдотические богатырские подвиги. Выдающимся флотоводцем Колчак никогда не был. Сослуживец адмирала по штабу Балтийского флота А. Сакович отметил у него задатки военного человека и тут же добавил, что Колчак — «не творец военной идеи, а только частный начальник-исполнитель». В полной мере эта особенность будущего верховного правителя белой России проявилась в годы гражданской войны. Она же предопределила и ее печальный для адмирала исход.

ПРОВАЛ: ФИАСКО СУХОПУТНОГО ФЛОТОВОДЦА НА УРАЛЕ

■ Из фильма «Адмирал» не ясно, почему такие отважные и благородные белые проиграли красным, появляющимся в этой кинокартине только в образе темной бандитской силы. А причина была до неприличия проста. Колчак пришел к власти в Омске в ноябре 1918 года, свергнув антибольшевистское правительство сибирской Директории, состоявшее в основном из эсеров. Кстати, в этом опереточном государственном формировании сам адмирал до переворота числился военным министром. В сухопутных делах он совершенно не разбирался и командовать армией лично не мог. Но по воспоминаниям современников, адмирал стеснялся этого и старался подбирать помощников не из профессионалов, а из лично преданных ему людей. Так, в должности его начальника штаба оказался генерал Дмитрий Лебедев, активно участвовавший в перевороте, который привел Колчака к власти. Энергичный, оптимистически настроенный, он очень импонировал адмиралу своим задором и стремлением немедленно переходить в наступление на Москву. Сибирская армия провела мобилизацию. Разложенных революционной пропагандой ветеранов Первой мировой решили не трогать. Под штыки призвали совсем молодых 18—20-летних парней. Но колчаковское правительство, в отличие от красных, опиравшихся на центральный промышленный район вокруг Москвы, почти не имело военной индустрии. У белых не хватало патронов. Некоторые части прибывали на фронт с одежами вместо шинелей. Кроме того, сибирские крестьяне, еще не знакомые с большевизмом на практике, не горели желанием воевать. Один из колчаковских генералов Павел Петров так описал в мемуарах эту ситуацию: «Сибирь, стоявшая далеко от фронта, была настроена вовсе не воинственно, мобилизованные если и являлись по призыву, так это не значит, что шли охотно против большевиков». Правда, он тут же доба-

Стратегическая ошибка. Вместо Царицына Колчак пошел на Москву и проиграл

Героизм на экране. Подвиг Матросова режиссер заставил совершить всех

вил, что и у красных «все висело на волоске; и у них были люди раздеты, а пополнения брались прямо в ряды из деревень насильно». Но коммунисты ввели институт комиссаров и заградотряды, расстреливавшие красноармейцев при попытке к бегству. «Теперь их войска состояли не из сброда рабочих, — вспоминал генерал-лейтенант Филатов, — а из мобилизованных солдат старой армии, которых они не боялись ставить в строй, потому что во второй линии находились коммунисты с пулеметами для удержания бегущих». Белые до такого радикального средства повышения боевого духа до конца войны так и не додумались. Кроме того, они наделали больше военных ошибок. Не обладавший полководческими талантами начштаба Колчака генерал Лебедев расплыл войска по расходящимся направлениям. Образно говоря, вместо того чтобы лупить кулаком, тыкал растопыренными пальцами. Самым уязвимым местом обороны Красной армии была нижняя Волга — район Царицына — будущего Сталинграда. Именно сюда наступали с Северного Кавказа другие белогвардейцы — Добровольческая армия генерала Деникина. Соединившись с ней, можно было образовать общий фронт против большевиков. Но сибирские полководцы хотели войти в Москву раньше, чем их конкуренты-деникинцы. И это несмотря на то, что Деникин официально признал Колчака верховным правителем России! Колчаковцы перевалили через Уральский хребет и даже захватили несколько крупных городов — в том числе Екатеринбург и Уфу. Дальше их веерообразное наступление выдохлось. Кроме того, по словам того же Филатова, дореволюционные царские генералы, которых Троцкий призвал в Красную армию в качестве военспецов, быстро сообразили, что «сибирские войска разбросаны на широком фронте и их легко бить по частям». Начался откат колчаковцев за Урал.

РАССЕЯННОСТЬ: ЗАБЫЛ, ЧТО РЕКИ ЗАМЕРЗАЮТ

■ Второй раз неумение Колчака воевать сыграло с ним злую шутку в конце лета 1919 г. Самые проницательные советники сухопутного адмирала рекомендовали ему начать эвакуацию Омска и перенести столицу на восток, в Иркутск. Но Колчак боялся потерять лицо в глазах англичан и французов и понадеялся удержаться в Омске, используя реку Иртыш как рубеж обороны. «Гениальному» флотоводцу не пришло в голову, что реки имеют вредную привычку замерзать с наступлением холодов. Зимы в Сибири наступают рано. Уже в сентябре Иртыш покрылся ль-

дом. Пришлось драпать по Транссибирской магистрали все в тот же Иркутск. Но время было потеряно, а единственная в Сибири железная дорога забита отступающими войсками. В результате Колчак попал в плен к красным и был расстрелян в Иркутске. Переводя на современный язык, это был провал менеджера, переоценившего свои способности. Но нельзя не упомянуть, что Колчак отличался личной храбростью, не раз выезжал на фронт, а в тюрьме вел себя очень достойно. Беда его была в другом — он не умел командовать и подбирать кадры.

СТРАСТИ-МОРДАСТИ: ЛЮБОВЬ К ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЕ С РЕБЕНКОМ

■ По большому счету, перевран в «Адмирале» и последний роман Колчака с женой его флотского сослуживца Анной Тимиревой. В кино это идеализированные бесплотные отношения, напоминающие любовь импотента. В жизни все было иначе. Анна Тимирева никогда не работала в белогвардейском госпитале, как в фильме, а играла при адмирале роль личной секретарши. Морально-бытовое разложение адмирала на фоне всеобщего белогвардейского «разврата» не представляло ничего исключительного. Генерал Филатов с иронией вспоминает в Сибирской армии «многочисленные штабы с их тучей переписчиц, при которых нередко возились в обозе и их родители». В 1919 г. у 25-летней Тимиревой уже был маленький сын от официального мужа. Но на экран этот карапуз не попал. То ли сценаристы не знали о его существовании, то ли хотели максимально романтизировать сюжет.

Явная ложь, что после смерти Колчака Анна провела 37 лет в большевистских лагерях, как сказано в фильме. В начале 20-х годов она приехала в Москву и вышла замуж за некоего инженера Книпера. Устроилась работать

Реальная Анна Тимирева после Колчака вышла замуж за инженера Книпера, а не сидела 37 лет в тюрьме

в Русско-Канадское пароходное агентство архивариусом. НКВД подозревало в этой конторе «крышу» для западного шпионажа. Агентство прикрыли, а Книпер-Тимиреву в админпорядке выслали из столицы на три года в

провинцию. В заключении она провела не тридцать семь, а, если быть точным, двенадцать лет, попав под каток репрессий в 1938-м. Потом вернулась в Москву и даже снималась в массовке фильма «Война и мир». В «Адмирале» трусливые перестраховщики не дают ей сниматься. В реальности сама Анна Васильевна вспоминала, что «Мосфильм» поставил ее на учет: «Когда в массовых сценах нужны «благородные старухи», мне звонят, я сажусь на трамвай и несусь... Помните, бал Наташи? Крупным планом княгиня с лорнетом — это я! Хватает на Таганку, на томик Окуджавы, иногда на консерваторию»...

Вообще же, посмотрев «Адмирал», я с удивлением обнаружил, что даже советские фильмы вроде «Чапаева» отличались большей объективностью. Большевики выглядят в новой киноподделке даже не красными, а черными. А ведь расстреливать пленных во время Гражданской войны умели все. К примеру, спешивший на выручку Колчаку отряд генерала Войцеховского, захватив деревню Черемхово под Иркутском, тут же расстрелял местный ревком. Но в «Адмирале» беззащитных жертв «мочат» только красные. Так, словно, это какой-то триллер о молчании белых ягнят.

Исход. Отступление колчаковцев превратилось в позорное бегство

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Делу венец ■ 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу на востоке Франции Германия заключила перемирие со странами Антанты, признав поражение в Первой мировой. Удивительно, но в этот момент немецкие солдаты еще находились на французской земле!

ВОЙНА, КОТОРУЮ ПРОИГРАЛИ ВСЕ

Странное дипломатическое соглашение породит впоследствии миф о «предательском ударе в спину», который в 20-е годы будет проповедовать Адольф Гитлер. В момент заключения перемирия будущий фюрер лежал после отравления газами в тыловом госпитале. Ему, как и множеству других простых немцев, все случившееся казалось чудовищным бредом. Всего за год до этого, после победоносного наступления германской армии на востоке и Октябрьской революции, из войны вышла Россия. На протяжении всего лета 1918-го немцы продолжали наступать на Западном фронте, почти дойдя до Парижа. Стойко сражались их союзники австро-венгры на итальянском фронте. Германские газеты до последнего момента продолжали поддерживать у нации убежденность в ее непобедимости, прославляя таких воздушных асов, как барон Рихтгофен и его сослуживец Герман Геринг. Железных крестов было выдано столько, что даже сейчас любой из них стоит не дороже 100 долларов. Немцы чувствовали себя героями. Казалось, еще усилие и желанная победа будет вырвана из рук врага. И вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучало страшное слово — Компьен!

У нас, в России и Украине, любят бить себя в грудь, по-мазохистски упиваясь позором былых поражений. Но то, что случилось тогда с Германией, было во сто крат позорнее любой Цусимы. Германия обязывалась вывести войска из захваченной Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии и тех французских территорий, которые еще продолжала контролировать, сдать союзникам две с половиной тысячи тяжелых пушек, 25 тысяч пулеметов, практически всю авиацию, подводный флот и транспорт, включая 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовых автомобилей. Огромный немецкий военно-морской флот подлежал разоружению и интернированию на британской базе в Скапа-Флоу.

Трагедия русского Черноморского флота, оказавшегося весной 1918 года под угрозой захвата немцами и потопившего часть своих кораблей, включая один линкор, хорошо известна. Но то, что случилось всего через несколько месяцев с германским флотом Отк-

рытого моря, у нас знают куда хуже. Точнее, вообще не знают. 21 октября 1918 года его командующий адмирал Шеер приказал привести корабли в боевую готовность. Втайне даже от кайзера он запланировал выманить английский флот из базы, выслав в устье Темзы, то есть буквально под Лондон, стаю эсминцев. По изысканному замыслу адмирала она должна была навести британские корабли на основные силы немцев у голландского побережья. Там на увлекшиеся погоней силы «владычицы морей» должны были наброситься 25 подводных лодок, притаившихся в засаде, а потом ошеломленного противника должен был добить немецкий линейный флот.

Если бы этот смелый план удался, Первая мировая война могла бы закончиться совершенно иначе. Но через неделю, вечером 29 октября, взбунтовались команды трех немецких линкоров — «Кронпринца Вильгельма», «Маркграфа» и «Кенига». Это произошло ровно за два часа до назначенного выхода в море. В полночь отказались выполнять приказы матросы еще трех дредноутов. Кочегары угрожали погасить топки, если командование прикажет сниматься с якоря. Вместо того чтобы отправиться на охоту за англичанами, немецкие моряки ударились в настоящий саботаж. Правда, до избивания офицеров, как в русском Кронштадте во время фев-

ральской революции, дело не дошло. Команды линкоров «Тюринген» и «Гельголанд» ограничились тем, что сломали брашпиль (приспособление для подъема якоря) и залили уголь водой. Бунт пришлось усмирять высадкой на корабли морской пехоты, сохранившей верность присяге, и выдвижением на дистанцию торпедного залпа эсминцев и подводной лодки. Был момент, когда разделившиеся в политических симпатиях корабли немецкого флота были готовы перестрелять друг друга. Больше тысячи человек из экипажей пришлось арестовать, а линкоры рассредоточить по различным базам.

Но и это не спасло положения! 3 ноября взбунтовалась дивизия линкоров, которую направили в порт Киль. Двадцать тысяч матросов под красными флагами бросились в город и после короткой перестрелки захватили его. Через несколько дней восстание охвати-

Французский солдат. Охраняет угольные брикеты, которыми немцы платили контрибуцию союзникам за проигранную Мировую войну

Немецкая матросня. Так выглядел бунт на кайзеровском военном флоте

ло другие базы — Гамбург, Любек, Росток, Вильгельмсгафен... Кайзер Вильгельм II впал в отчаяние, узнав о предательстве своих матросов. Он был инициатором создания германского океанского флота. Он вел войну за господство на морях. И теперь именно с флота начался развал его империи! 9 ноября император отрекся от престола, подобно своему русскому коллеге Николаю II, и тайно направился к границе нейтральной Голландии, чтобы прожить еще 23 года «на пенсии» и умереть буквально накануне вторжения Гитлера в СССР.

Всех этих закулисных нюансов большинство немцев еще не понимало. Они жили в дотелевизионную, доинтернетовскую эпоху. Военная цензура контролировала все газеты. Информацию заменяли слухи. У обывателя голова шла кругом от того, что кайзер исчез, а какой-то малоизвестный генерал Винтерфельд заключил в Компьенском лесу предательское перемирие, несмотря на то, что германская армия продолжала находиться на французской земле. Откуда было этому среднему немцу знать, что еще с 1916 года в Германии фактически существовала военная диктатура во главе с начальником генерального штаба фельдмаршалом Гинденбургом, что кайзер — не более чем «перо» для подписи документов в руках военных специалистов и что теперь эти профессионалы пришли к выводу: война проиграна и ее пора кончать.

Оставшись за кулисами, Гинденбург сумел сохранить незапятнанную репутацию полководцев и поддержать у своих соотечественников иллюзию непобедимости немецкой армии. Немцы продолжали верить, что их победили не в честном бою, а выпустив из недр Рейхстага продажных «демократических» политиков, сдавшихся Западу.

Но и англичане с французами испытывали чувство разочарования. Это была какая-то победа без победы. Враг сдавал оружие, но не сдавался. Не было толп пленных. По условиям перемирия, нельзя было оккупировать немецкие земли. Британские офицеры флота искренне сожалели, что судьба не позволила устроить им «новый Трафальгар» — на сей раз над немцами. Психологи еще не придумали для этого состояния название. Оно появится чуть позже — в 20-е годы и будет называться «незавершенный гештальт» — то есть психический процесс, который не дошел до логического конца. Убив и искалечив около 10 млн человек, европейцы спрашивали себя: так за что ж мы воевали?

Узнав о бунте на своем флоте, Вильгельм II плюнул на все и уехал в Голландию

ПОЧЕМУ СЛОМАЛАСЬ ЛУЧШАЯ В МИРЕ ВОЕННАЯ МАШИНКА

■ Благодаря фильмам у большинства из нас до сих пор сидит образ немца как некоего лишнего существа. Но это миф. Под маской строгого германского офицера и бравого пруссак-солдата скрывался такой же человек, как француз или русский. Немцы скрывали свои эмоции под нарочитой грубостью и армейской брутальностью. Но это не означало, что они были их лишены. Первая мировая война была проиграна Германией именно из-за эмоциональности ее высшего армейского руководства. Причем даже не в 1918-м, а четырьмя годами раньше — в первый же месяц боевых действий.

Немецкий генеральный штаб изначально осознавал, что будет вынужден вести войну на два фронта — против Франции на западе и России на востоке. Из-за менее развитой железнодорожной сети Россия заканчивала мобилизацию войск позже, чем немцы. Поэтому выдающийся германский генштабист генерал Шлиффен еще в 1905 году разработал план ведения войны против двух противников сразу. Согласно ему, основной удар немцы наносили на Париж через нейтральную Бельгию. То, что таким образом нарушалось международное право, не смущало кайзеровских военных. Международные нормы прино-

сились в жертву военной целесообразности. Зато достигалась полная внезапность. Главное было выдержать темп наступления по дням до тех пор, пока на восточную границу Рейха не надвигнется медлительный русский «паровой каток». Но в августе 1914 года Россия так быстро бросилась в наступление в Восточной Пруссии силами двух армий (1-я генерала Ренненка-

мпа и 2-я генерала Самсонова) и так лихо потрепала немцев во встречном сражении под Гумбином, что нервы немецких генштабистов не выдержали. Большинство высших военных Германии происходили родом из Восточной Пруссии. Когда они представили, что сделают с их поместьями и уютными домиками «дикие казаки», блестящий план Шлиффена был подвергнут корректировке. С Запад-

ного фронта срочно сняли два корпуса и начали перебрасывать их на восток. Это оказалось совершенно излишним. Принявший командование в Восточной Пруссии генерал Гинденбург сумел окружить 2-ю русскую армию до прибытия двух корпусов из Франции. Но их не оказалось и под Парижем. Темп наступления на западе дал сбой. Война из расчитанной всего на полгода красивой штабной игры превратилась в затяжную вялотекущую бойню. Прусские офицеры не сумели «пожертвовать» своими поместьями, как пешками, и в результате проиграли партию.

РОЖДЕНИЕ ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ

■ За четыре года войны ее участники поставили под ружье по всему миру 72 млн человек. Больше всех мобилизовала Россия. По разным оценкам — от 12 до 13 миллионов. Но в процентном соотношении самые высокие потери понесли французы. Первая мировая навсегда подорвала их боевой дух. На фронте погибли самые храбрые и склонные к самопожертвованию носители генов. Если вы спросите меня, почему в Париже сегодня так много негритянских лиц, я отвечу: потому что прадедушки этих цветных «новых парижан» тогда еще охотились друг на друга с копиями, а не ходили на пулеметы целыми дивизиями. На Первую мировую французская конница выехала в парадной форме и в кирасах, как во времена Наполеона. Но против немецкой тяжелой артиллерии эти панцири оказались слабой защитой. «На германской войне только пушки в цене, — спел уже в 70-е московский бард Булат Окуджава. Это касалось и русской армии. В августе

1914-го в Восточной Пруссии эскадрон лейб-гвардии Конного полка под командованием барона Врангеля — будущего белого вождя — сходил в лобовую атаку на немецкую батарею, выполняя приказ командира бригады — будущего гетмана Украины Павла Скоропадского. Положили полэскадрона. Но пушки взяли. Сохранилась фотография Врангеля после этой атаки — глаза безумные, как будто черта увидел. Вскоре в такие атаки русская кавалерия уже не ходила — просто подходящих людей не осталось. Выбили. А остальные научились воевать иначе.

На западе Первая мировая война породила литературу так называемого «потерянного поколения» — Ричарда Олдингтона в Англии, Хемингуэя — в США, Эриха Ремарка и Эрнста Юнгера — в Германии. России повезло меньше. Подробно Первую мировую станет описывать в романах только Александр Солженицын в начале 70-х. Самый известный его роман на эту тему — «Август 14-го».

**Во время
Первой мировой
воюющие страны
призвали
72 млн человек**

Инфляция. Немецкая карикатура на реалии жизни после проигранной войны

Письмо домой. Никто не знает, дожил ли этот француз-пехотинец до мира

Евросервис 90-летней давности. Так выглядел типичный вход в блиндаж

РОК НЕВЕЗУЧЕЙ РОССИИ

■ Уинстон Черчилль — в пору Первой мировой британский морской министр — заметил, что наиболее несправедливо судьба обошлась с Россией: «Она пошла на дно, как корабль, уже почти добравшийся до гавани». Революция и Брестский мир вывели страну из войны всего за полгода до того, как сами немцы ее проиграют. Все надежды, с которыми империя вступала в войну в 1914 году, остались неосуществленными. Николай II мечтал получить Константинополь после расчленения Турции. Но так как за всю войну русские так и не решились на десантную операцию в районе турецкой столицы, то вряд ли они получили бы ее по результатам мира. Первой этому воспротивилась бы Великобритания, не желавшая, чтобы на Средиземном море вместо слабосильной Турции появилась еще одна крупная морская держава. Единственное, что могла получить Россия, это Галичину со Львовом от разделенной Австро-Венгрии. Приобретение небольшое, если учесть миллион убитых и 3—4 миллиона раненых русских солдат в Первой мировой.

По сути, Россия вела войну за чужие интересы. Взяв кредиты у французов для возрождения армии после русско-японской войны, пришлось их отрабатывать кровью в Восточной Пруссии и Галиции. Впрочем, и Германия, и Австро-Венгрия вели себя не менее глупо. Результатом столкновения трех империй стало их крушение и гибель дворянской цивилизации XIX века. На смену им пришли националистические и тоталитарные режимы. Не исключено, что во Второй мировой войне Россия, не переживи она революцию, могла бы оказаться союзницей Германии, как это случилось с «обиженной» Италией, которую союзники не смогли удовлетворить «по заслугам» после Первой мировой.

субботные истории для взрослых от Олеси Бузины

Поминки ■ 13 ноября нас ожидают привычные в последнее время кладбищенские празднования. Будут отмечать 300-летие сдачи Батурина, взятого трусливыми драгунами бездарного генерала Меньшикова у бесстрашных вояк гениального полководца Мазепы

БАТУРИНСКОЕ ПОЗОРИЩЕ

Уже предвижу, как это будет. Естественно, сюжеты за-унывного содержания по всем телеканалам. В очередной раз напомним о «зверствах москалей».

И непременно покажут стройку, затеянную Виктором Андреевичем на месте сожженного мазепинского замка. (Отличная, кстати, идея: выстрогать что-то «псевдоисторическое» в этой глухомани — сколько денег можно отмыть на одних частоколах!)

Из исторического события Батурин давно превратился в миф, на котором можно цинично зарабатывать. В этот день от нации требуется, чтобы она не думала, почему и по чьей вине случилась батуринская катастрофа, а отдавала свою энергию в виде слез и соплей на алтарь официальной идеологии, которую впаривают нам вчерашние члены КПСС, уже почти два десятилетия выдающие себя за «украинских буржуазных националистов».

А что же случилось на самом деле в Батурине в начале ноября 1708 года? Почему пала всего после нескольких дней осады «першокласна фортеця», вооруженная аж 315 орудиями и защищенная «высокоидейным» гарнизоном из мазепинских гвардейцев-сердюков? Как могло случиться такое при их высочайшей дисциплине и безупречно организованной караульной службе? Тем более что батуринский гарнизон сидел в месте своей постоянной дислокации годами. Он до мелочей должен был изучить подходы к крепости — все ее сильные и слабые точки.

Приличный кафтан
можно нацепить
на любого
исторического
мерзавца

А генерал Меньшиков оказался в этих местах впервые в жизни. У него совсем не было пушек. Не то что осадных, а вообще никаких! Потому что командовал он кавалерийским корпусом, состоявшим из одних драгун — солдат, которые могли при необходимости спешиваться, но преимущественно действовали в конном строю. Да и вообще 36-летний фаворит Петра I не умел читать и писать! Как же мог этот темный «московит» победить передовых «европейцев» — элитные части, собранные Мазепой отовсюду в свою неприступную столицу? Просто диво какое-то!

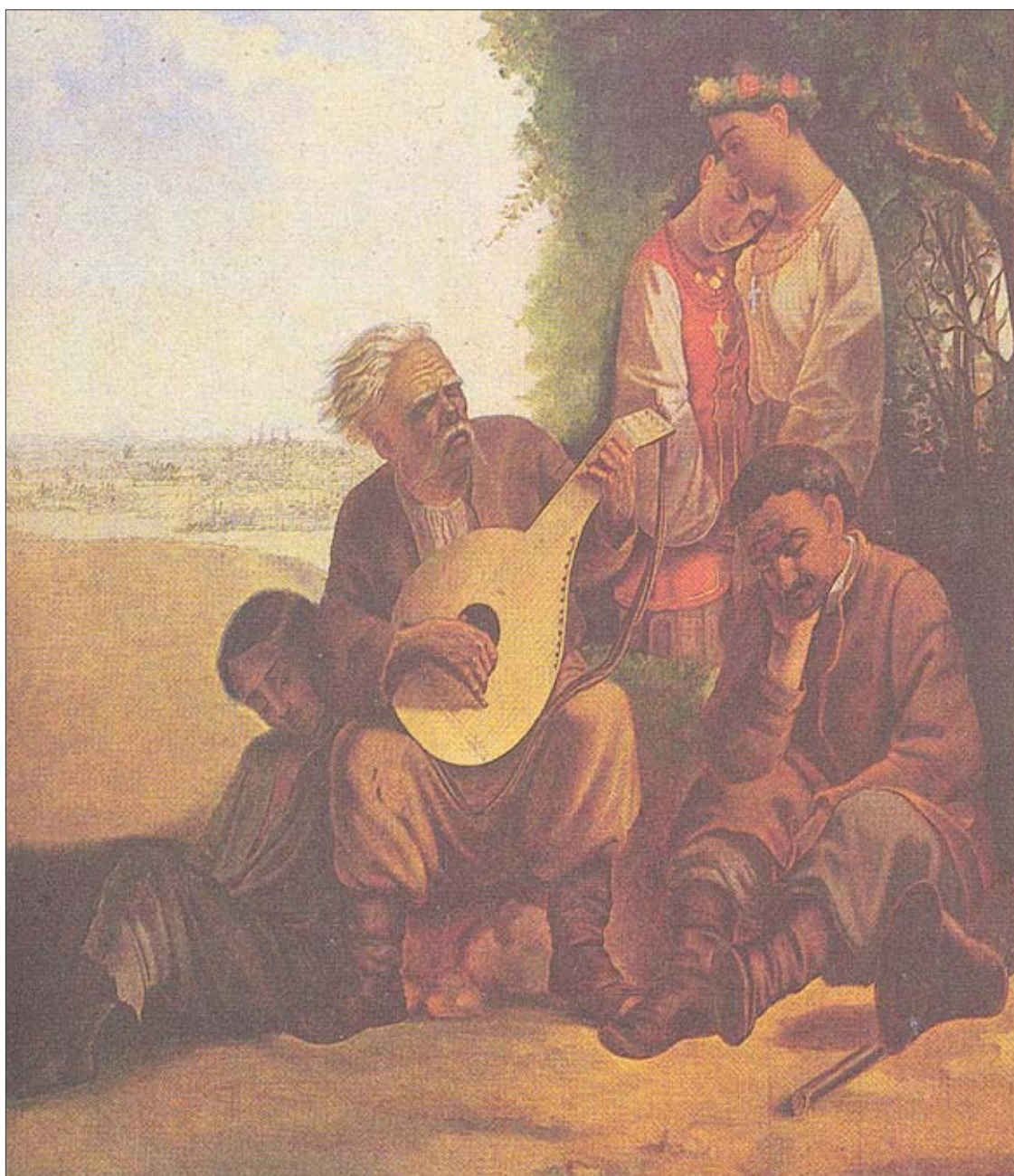
Мне приходилось бывать в Батурине. Сейчас это тихое заштатное местечко — поселок городского типа, в котором проживают чуть больше 3 тысяч человек. Он стоит на высоком берегу Сейма и со стороны реки защищен болотистой заплавой. Идти тут в

атаку невозможно ни в конном, ни в пешем строю — увязнешь в грязи по уши. Особенно в ноябре после осенних дождей. Более-менее пригодной для штурма была только противоположная от реки сторона. Но ее должны были защищать валы, дубовые стены и сторожевые башни — для кавалерии явно непреодолимое препятствие. Разве что число пушек, которые обычно приводят историки — 315 — показалось мне преувеличенным. Обойдя место, где некогда стоял замок, я пришел к выводу, что такую уйму артиллерии тут было просто негде расположить. Цифра эта появилась впервые во второй половине XVIII столетия, то есть больше чем через полвека после описываемых событий — в анонимной книге, которую называют «Историей русов» и обычно приписывают малороссийскому дворянину Григорию Полетике, тратившему свой помещичий досуг на литературные упражнения.

Перечитав тексты различных современных историков, живописующих Батуринскую резню в научных трудах и школьных учебниках, я понял, что все они черпают в основном из одного источника — все той же «Истории русов». Григорий Полетика писал о времени своих дедов. Он многое мог слышать из фамильных преданий, ходивших в кругу украинской казачьей старшины, к которой принадлежал и его предки. Но как всякий устный рассказ, эти байки тоже обрастали фантастическими подробностями, хотя в них и можно

вычленить фактическое ядро.

«Из Белоруссии, — пишет автор «Истории русов», — командирован Меньшиков с корпусом его и казаками в Малороссию для предупреждения армии короля шведского и истребления резиденции гетманской города Батурина, яко хранилища многих запасов и арсеналов национальных. Он поспешил туда в последних числах октября и принял отважное намерение взять его приступом, и для того повел зараз войска свои на городские укрепления. Войска Мазепины, называемые сердюки, составленные из вольницы, а больше из украинских поляков и волохов, и державшие гарнизон в городе, зная также, чего им ожидать должно от войск царских, защищали город и его укрепления с примерною храбростию и отвагою. Осаждающие отбиваемы были несколько раз от городских ва-

Бандурист. Как ни странно, ни одна украинская народная дума не отразила трагедию взятия Батурина

Меньшиков. Не умел писать, но оказался талантливым полководцем

лов, рвы городские наполнялись трупами убитых с обеих сторон, но битва еще продолжалась около города во всех местах. Наконец наступившая ночь и темнота развели бьющихся, и россияне отступили от города и перешли реку Сейм для обратного похода».

Но, как показывают архивы царской ставки и служебная переписка самого Меньшикова (писать он не умел, но секретарю диктовал весьма толково), никакого штурма не было вообще. Решение взять Батурина было принято 30 октября, по старому стилю, после того, как Петр I узнал о переходе Мазепы к шведам. На следующий день Меньшиков был уже под стенами гетманской столицы.

Сначала он вступил в переговоры с оставленными Мазепой в городе сердюками. Те тянули время, прикидывались дураками, говоря, что ничего об измене не знают и что гетмана нет в Батурине, а открывать без него ворота не велено. «Ни малейшей склонности к добру у них не является», — сообщал Меньшиков в донесении царю вечером 31 октября.

ПОЛГОРОДА СОЖГЛИ САМИ БАТУРИНЦЫ

► Меньшиков был, что бы о нем ни говорили, опытным способным генералом, только что одержавшим победу над шведами при деревушке Лесной, неоднократно громившим их в Польше и не собиравшимся попусту тратить своих солдат. Раскопки в Батурине не показывают никаких следов яростного штурма и больших потерь осаждавших, о которых так живописно рассказывал сочинитель «Истории русов». Если бы они были, в Батурине осталось бы много трупов, которые легко опознаются по остаткам форменной обуви, прекрасно сохраняющейся в болотистом грунте, медным пуговицам, русским нательным крестам и оружейному лому. Но никаких братских могил солдат Меньшикова под крепостью не обнаружено до сих пор. Ничего не писал о штурме Петру I и сам генерал. На следующий день утром гарнизон поджег дома вокруг крепостной стены. «Это показывало, что, собираясь защищаться и согнав жителей в замок, — писал историк Костомаров, — мазепинцы готовы стоять до последней капли крови и истребляют жилища около замка, чтобы не дать своим неприятелям там пристанища». Посланного в Батурин парламентаря едва не разорвали. Единственной стычкой этого дня стала перебранка между батуринцами и царскими солдатами. Из замка выдвинули к реке шесть пушек, чтобы помешать Меньшикову переправляться. Человек пять мазепинцев кричали через реку: «Не ходите, а если пойдете силою, то станем вас бить». В ответ на это Меньшиков приказал высадить на двух лодках полсотни солдат. Увидев этот маневр, батуринские герои бросились наутек, а царская армия навела мосты и спокойно переправилась на городской берег.

План Батурина времен Мазепы. На реконструкции видно, что такую крепость без артиллерии не возьмешь

Лето 2008-го. Современные раскопки так и не обнаружили большого количества погибших

СЕРДЮК ПЬЕТ, А СЛУЖБА ИДЕТ!

■ Но единоклассники среди защитников не было. «Истории русов» можно верить в одном — большинство солдат батуринского гарнизона составляли не украинцы, а поляки и молдаване (их называли валахами). А командовал ими немец из Саксонии Кенигсен. Эти солдаты удали на службе у Мазепы согнали жителей в крепость насильно. Там же оказались и казаки Прилуцкого полка. Но их полковник Иван Нос, по словам «Истории русов», «гнушался вероломством Мазепы».

Наемники-сердюки удержали его людей в крепости, когда те хотели уйти. В отличие от сердюков, связанных с Мазепой сугубо денежным интересом, казаки были свободными людьми. Они понимали, что гетман нарушил присягу. А, кроме того, владели в Украине недвижимым имуществом — своими домами и землями — и не хотели терять их из-за эгоистического гетманского «выбрыка».

Ночью Иван Нос связался с Меньшиковым и указал ему калитку в крепостном частоколе. Через нее русские солдаты проникли в крепость. Теперь запылала та половина города, которую не подожгли батуринцы. «Меньшиков, — пишет «История русов», — приступил к городу и вошел в него на рассвете со всею тихостью и когда сердюки, поводом вчерашней их виктории, напились до пьяна и были в глубоком сне». Сложно сказать, что можно считать их «викторией» (победой), ведь настоящего сражения не было! Но в то, что повод напиться нашелся, лично я охотно верю.

Отсутствие дисциплины и элементарной сторожевой службы сделало Батурин легкой добычей. Гетманская столица пала, как Троя. Только почти без боя. Мораль — не пей на службе!

ГУЛЬНУЛИ: ЖЕСТОКОСТЬ В ПРЕДЕЛАХ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ЭПОХИ

■ В отличие от поздней «Истории русов», написанной в куда более гуманные времена Екатерины II, современники батуринских событий не видели в них ничего исключительного. Конечно, во время штурма были убитые, а сама деревянная крепость сгорела. Но часть ее гарнизона оказалась на стороне русской армии и, естественно, не пострадала. А неоднократно упоминаемая историками опись Батурина 1726 года показывает, что через восемнадцать лет после «полного уничтожения» батуринцев многие горожане по-прежнему жили в нем еще со времен Мазепы. Если кто и подвергся полному уничтожению, так это сердюки. Но они были так ненавистны украинскому народу и так чужды ему по этническому происхождению, что о них никто не жалел.

Чтобы читатель имел представление о том, как тогда

Мазепа. Портрет проигравшего

обычно вели себя любые «защитники отечества», приведу пример из книги Костомарова «Мазепа». Вот как он описывает поведение украинских казаков за несколько лет до батуринских событий в Польше: «Эти люди не встречали неприятеля, зато всякого мирного жителя обдирали, не разбирая звания. Они забирали пивные и горелчаные котлы, выдирали пчел в пасеках и обваривали их кипятком, зажигали хаты без всякого повода, истребляли скот поголовно. Везде, где эти казаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба в полях. Невозможно было от них ни отпро-

ситься, ни откупиться, и, многих поселян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех, которые показывали намерение сопротивляться или убегать от них, забивали до смерти; если бы при этих казаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины».

Историк Костомаров:
«Казаки выдирали пчел в пасеках и обваривали их кипятком»

Главная вина за батуринский погром лежит на Мазепе. Вместо того чтобы лично возглавить оборону крепости, гетман предательски бежал из города к Карлу XII. Он оказался дважды предателем — и Петра I, которому присягал на верность, и батуринцев, которых бросил, переметнувшись на сторону шведов. В очередной раз руко-

водство Украины проявило не только вероломство, но и трусость. Присутствие Мазепы в своей столице показывало бы горожанам, что гетман считает свое дело правым и готов стоять за него до смерти. Но он поступил, как старый шкодливый кот — напакостил и отбежал в сторонку. Мол, выстоят — хорошо. А пропадут — тоже не велика потеря.

И, наконец, о последнем мифе. Якобы Меньшиков, взяв Батурин, приказал установить на плотах виселицы и пустить их по течению Сейма с болтающимися пленными, дабы устрашить украинский народ. Сочинители этой байки забывают, что Сейм течет по довольно глухим местам, где пугать в общем-то некого, а потом впадает в Десну. Ближайшей крепостью на Десне был Чернигов. В нем стоял русский гарнизон. Какая надобность была Меньшикову его «устрашать»?

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Крутой поворот ■ 11 ноября 1918 года Германия признала свое поражение в Первой мировой войне. А всего через три дня ее украинский союзник гетман Скоропадский провозгласил очередное воссоединение Украины с Россией

1918 год. Гетман Скоропадский с офицерами своего штаба тревожно всматривается в неизвестное будущее Украины

1917 год. Русский генерал Скоропадский

ГЕТМАН СКОРОПАДСКИЙ: «МЫ ВСЕ РУССКИЕ ЛЮДИ!»

Сображал гетман очень оперативно. Грамота к украинскому народу, в которой он объяснял крутой разворот во внешней политике, появилась в киевской прессе 14 ноября. Но подписал ее Павел Петрович еще 13-го. Всего двух дней хватило бывшему генерал-лейтенанту русской императорской армии, а ныне правителю «самостийной державы», чтобы понять: немцам — каюк, союзу с ними — тоже, значит, нужно выкручиваться собственными силами, надеясь только на Бога и политическую сноровку.

Но главная пикантность ситуации состояла в том, что гетманская грамота провозглашала федерацию с Россией, которой, по сути... не существовало. Как некий духовный идеал она, конечно же, была. Однако по факту на конец 1918 года по соседству со «Скоропадией», как часто в шутку называли государство гетмана, имелось сразу две России, находившиеся друг с другом в состоянии непримиримой войны. Красная — со столицей в московском Кремле. И белая, состоявшая из самостийного Всевеликого Войска Донского во главе с атаманом Красновым и Добровольческой армии генерала Деникина, дислоцировавшейся на Кубани.

Эта вторая белая Россия, с которой решил объединяться Скоропадский, тоже не отличалась единством. Деникин стойко держался ориентации на страны Антанты. А атаман Краснов, напротив, придерживался во внешней политике прогерманской линии. Но оба они воевали с

красными, хоть и неодобрительно поглядывали друг на друга. Донской атаман даже с согласия немцев, закрывавших на это глаза, поставлял боеприпасы деникинцам. Поэтому, когда те упрекали донцов за измену идеалам верности союзникам и даже называли донских правителей «проституткой, зарабатывающей на немецкой постели», те не без ехидства отвечали: «Если правительство Дона — проститутка, то Добровольческая армия — кот, живущий на средства этой проститутки».

Естественно, Скоропадскому было проще договориться с

**Скоропадский
генералу Краснову:
«Как бывший флигель-
адъютант я не могу быть
щирым украинцем»**

гибким Красновым, чем с твердолобым Деникиным. Не стоит думать, что грамота от 14 ноября появилась спонтанно. Съездив в Берлин и предчувствуя скорое падение «большого германского друга», гетман на протяжении всей осени перебирал различные варианты своего выживания в будущей политике. С одной стороны, он вел тайные консультации с киевскими националистами во главе с бывшим премьер-министром Центральной Рады Владимиром Винниченко. С другой — еще 1 ноября (почти за две недели до краха немцев на западном фронте) лично встре-

тился с атаманом Красновым. Естественно, тоже секретно.

Рандеву двух «самостийных» правителей произошло на станции Скороходо-между Полтавой и Харьковом. Краснов в мемуарах изысканно называет это событие «политическим свиданием». Действительно, как его иначе определишь? Это не был официальный государственный визит, о котором с подобающей этикетной помпой трубят в газетах. Просто два генерала тайком от всех решили повидаться в тихом уютном местечке. Гетман прибыл на личном поезде. Его сопровождали военный министр полковник Сливинский, многочисленная свита, караул из бывших царских офицеров и, на всякий случай, германский конвой. Так как время было беспокойное, а вокруг железной дороги пошаливали банды, то немецкая подмога не была лишней.

Тогда же на поезде явился и генерал Краснов в сопровождении немецкого представителя майора Кокенхаузена, адъютантов и своего конвоя, одетого, как не без гордости отметил донской атаман, «в прежнюю, 1914 года казачью форму». Краснов считал себя более серьезным правителем, чем Скоропадский. Разодевшись по новой украинской моде в кафтаны с гусарскими шнурами свита гетмана даже вызвала у него легкую иронию.

Но аппетиту договаривающихся сторон эти мелкие декоративные детали ничуть не мешали. Сначала гетман и атаман позавтракали в салоне поезда Скоропадского как «принимающей стороны», а потом остались

«МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ИЗМЕННИКОМ»

► Гетман жаловался Краснову на деникинскую прессу, травившую его. Особенно возмущали Скоропадского статьи бывшего редактора газеты «Киевлянин» Василия Шульгина, выпускавшего теперь ежедневный белогвардейский листок в Екатеринодаре. Видно, Шульгин здорово-таки достал гетмана, бичуя его за берлинский визит к кайзеру Вильгельму: «Пишет Бог знает какие статьи про меня. Называет меня изменником. И к нему пристала вся интеллигенция, все те общественные деятели, которых я спас от большевистской петли!» Гетман никогда не сердился на карикатуры на себя в большевистских газетах. Красные психологически были для него врагами. То, что они травили его, Павел Петрович считал само собой разумеющимся. Но выпады из среды «друзей» вызывали у него детскую обиду. Ведь и Шульгин, и другие «общественные деятели» попали к Деникину из красной России через гетманский Киев. Именно Павел Петрович создал тот режим, который позволил им свободно просочиться на Дон и Кубань. Официально тысячи шульгиных ехали к родственникам в Украину, но все знали, что гетман их покрывает и свободно пропускает на территорию, подконтрольную белогвардейцам.

наедине. Тут гетман разоткровенничался. «Вы, конечно, понимаете, — сказал он, — что я, флигель-адъютант и генерал свиты Его Величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я благодаря своей близости к государю должен сказать, что он сам погубил дело империи и сам виноват в своем падении».

Этот экскурс в недавнюю историю вызвал полное понимание у Краснова. А Скоропадский продолжал, перейдя к насущным проблемам: «Не может быть и речи о возвращении к империи и восстановлении императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь».

Практическим результатом этой встречи «в подполье» на высшем уровне стало решение, что Краснов договорится с генералом Деникиным о совместных переговорах с гетманцами. «Я прошу вас быть посредником между мною, Деникиным, кубанцами, Грузией и Крымом, — произнес Скоропадский историческую фразу, — чтобы составить общий союз против большевиков. Мы все русские люди, и нам надо спасти Россию, и спасти ее мы можем только сами».

БЕСПОЛЕЗНАЯ ПОПЫТКА: КРАСНОВ ПРОБУЕТ УГОВОРИТЬ ДЕНИКИНА

■ Атаман Краснов расстался со Скоропадским 1 ноября около 6-ти вечера. На следующий день он уже был в своей столице Новочеркасске, что доказывает: не все поезда ходили в революционные времена, как черепахи. Сразу же после возвращения Краснов отправил письмо генералу Лукомскому, отвечавшему в окружении Деникина за политические вопросы. «Я вчера виделся с гетманом Скоропадским, — писал донской атаман. — Цель нашего свидания — установление более дружеских отношений, слияние отдельных частей раздробившейся России, объединение для общей борьбы с большевизмом... Вы отлично понимаете, что гетман не может громко говорить о борьбе с большевиками, потому что он не имеет для этого армии и вынужден «играть в мир» с Советской республикой. Но тайно и он, и те русские люди, которые его

окружают, хотят и готовы помогать и Войску Донскому, и Добровольческой армии, и Кубани в этом общем нашем деле... Гетман готов делиться со всеми нами имуществом складов, патронами, снарядами и т.п., готов помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и Добро-

вольческой армии». Краснов писал, что не стоит надеяться на союзников, что эти иллюзии только расслабляют белые войска, что две трети донских казаков «не имеют сносных сапог», а одна треть — вообще их не име-

ют: «обуты в лапти, даже офицеры». Отказываться в такой ситуации от материальной помощи, предложенной гетманом, глупо. Склады в Украине действительно ломились от шинелей, обуви, боеприпасов и даже касок, оставшихся от бывшей императорской армии. Все это имущество, заготовленное еще в пору Мировой войны, можно было те-

Генерал Краснов
Деникину:
«Гетман
готов делиться
с нами»

Генерал Краснов. Любил и умел писать, но Деникина так и не убедил

перь бросить против красных. И если гетман предлагает собрать общий съезд представителей Добровольческой армии, Крыма, где существовало отдельное правительство, Кубани и Дона, то нужно пойти ему навстречу и создать общий политический союз. «Нельзя делить шкуру медведя, не убивши самого медведя, — зывал к Деникину Краснов. — Убить этого медведя каждому из нас порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться».

Но Деникин считал, что только он имеет право на истину. Ему, бывшему выпускнику Киевского пехотного училища, к тому же наполовину поляку по матери, хотелось быть в глазах своего окружения вдвойне русским. Да и психологически бывшему киевскому юнкеру казалась оскорбительной сама мысль о какой-то отдельной, даже полунезависимой Украине в составе белой Российской Федерации. «Протянутые гетманом и атаманом руки, — печально констатировал Краснов, — остались не принятыми».

Допетлюровский Киев. Хранил облик царского стольного града

БЛЕФ ПОСЛЕДНЕГО ГЕТМАНА

■ У гетмана был еще один шанс сохраниться во власти хоть и, как он вспоминал, в «общипанном» виде. Для этого он должен был согласиться на созыв 17 ноября Украинского национального союза, что предлагали «Винниченко и компания». Но Скоропадскому справедливо казалось, что этот «собр» различных националистических партий — просто закамуфлированная попытка отобрать у него власть.

Гетман решился на импровизацию. Хотя Деникин и не поддерживал его, а Краснов сам нуждался в помощи, Павел Петрович сочинил грамоту к украинскому народу и провозгласил федерацию с «виртуальной» Россией, которая сама его не призна-

вала. Это был пропагандистский шаг, который должен был дать гетману добровольцев из числа демобилизованных после Первой мировой русских офицеров, которые переполнили Киев. По некоторым данным, в столице Украины их насчитывалось до 15 тысяч человек.

В газетах опубликовали призывы вступать в добровольческие дружины полковника Святополк-Мирского и генерала Кирпичева. Их члены тут же украсили левый рукав своих шинелей трехцветным бело-синим-красным шевроном — точь-в-точь, как в деникинской армии. Это и был самый боеспособный контингент в войсках неожиданно «побелевшего» гетмана.

НА КИЕВ С ТРЕЗУБЦЕМ И КРАСНЫМ ФЛАГОМ

■ Зато мало кто знает, что часть армии Петлюры, двинувшейся против гетмана сразу же после объявления «федерации» с Россией, шла на Киев не под желто-синими, а под красными флагами. Эти петлюровцы дрались не так за независимость Украины, как против буржуев и «ахвицеров». Решение об антигетманском восстании было принято еще вечером 13 ноября — буквально за несколько часов до появления в газетах грамоты. Те историки, которые утверждали, что петлюровское восстание было спонтанным и вызванным только «предательством» Скоропадского интересов Украины, говорят неправду. Оно готовилось задолго до пророссийского маневра последнего гетмана. И даже если бы Павел

Петрович остался «самостийником», а не федералистом, Винниченко и Петлюра все равно бросились бы свергать его. Им хотелось власти. Верность же идее Украины была для всех участников этого противостояния прежде всего ритуальной формулой. Ведь очень скоро после победы над гетманом Винниченко займет позицию федералиста по отношению к красной России, а Петлюра легко расплатится с Западной Украиной за неравноправный союз с Польшей.

Да и о подготовке антигетманского восстания большевики не только знали. Они прямо содействовали ему. Ведь было очень выгодно повалить Украину украинскими руками. В Киеве осенью 1918 года совершенно открыто

действовала дипломатическая миссия красной России во главе с украинским коммунистом Мануильским. Он вел переговоры с будущими петлюровцами и даже обещал денежную поддержку из Москвы в обмен на разрешение в победившей петлюровской Украине коммунистической партии. Украинские источники не отрицают факт таких переговоров, хотя и утверждают, что все ограничилось устными договоренностями и без финансовых вливаний. Тем не менее Совнарком в Москве знал, что Петлюра собирается «валить» Скоропадского. Это позволило красным подготовиться к свержению самого Петлюры, используя месяц очередной внутриукраинской борьбы за власть.

«УСС на варті». Сечевые стрелцы стали основной силой антигетманского переворота в конце 1918 г.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

22 ноября 2004 года ■ Крещатик стал заполняться людьми и палатками. Одни ехали сами. Других организовано доставляли автобусами. Началось то, что назовут «помаранчевой революцией»

Городок в центре города. То, что происходило в конце 2004 г. на Крещатике, одновременно напоминало пикник на асфальте, концерт и казачий табор времен гетманщины

«**Н**а майдані коло церкви революція іде. «Хай чабан! — усі гукнули. — За отамана буде!» — эти хрестоматийные строки поэта большинство из нас помнит со школьных времен. Правда, для смеха и улучшения рифмы ученики их немножко, как сказали бы теперь, «тюнинговали». Говорили: «На майдані коло бані». И даже не подозревали, что, внося это минимальное изменение, делали посвященное далекой гражданской войне стихотворение про-роческим.

Ведь «оранжевая революция» действительно произошла «на майдані коло бані». Бана там до сих пор есть — на одной из улочек, поднимающихся от Майдана Незалежности к Михайловскому монастырю. Сам же Майдан до того, как получить это название в 1991 году, был поочередно, если путешествовать в прошлое, Площадью Жовтневой революции (в советские времена), Думской площадью — в начале XX века и просто Козьим болотом в середине XIX-го, когда там на самой окраине Киева снимал среди зарослей осок домишко Тарас Шевченко. Так что история явно готовила сцену перед тем, как выпустить на нее новых «чабанов» — пастухов «оранжевых» масс.

Революция получилась очень национальная по форме. Проводя исторические параллели в глубь времен, легко заметить, что точно так же воевали запорожские казаки. Они вылезали

из Сечи вместе с пшеном и самогоном, по дороге обрастали гулящими девками и «политологами» — то есть бабами-ворожками, толковавшими туманное будущее, и, выбрав подходящий лужок, становились на нем табором. Напротив вырос-тал другой табор — польский или еще один казачий — если война была гражданская за то, кто станет новым гетманом. Обе армии крыли друг друга матом, пели военные песни, жрали от пуза. Каждая коварно выжидала — у кого пшена, водки и баб хватит на дольше.

В ноябре 2004-го случилось то же самое. Один табор стоял на Крещатике под оранжевыми стягами, а второй — защищал администрацию президента. При этом воевать не желали ни те, ни другие. «Оранжевые» не спешили брать администрацию, а «бело-синие» — разгонять Майдан. Баб-ворожек в это время, как водится, посещали видения. Так, например Юля «узрела» однажды во

дворе администрации целую банду русского спецназа. Трудно сказать, что это было. Может быть, православные Божьи ангелы, которые прилетели из Кремля, чтобы разить копьями «помаранчевого» супостата, а может, просто сексуальная фантазия политической амазонки, жаждущей вступить в поединок с целым батальоном Георгиев Победоносцев в бронежилетах.

Но все закончилось боевой ничьей — кресло для Ющенко обменяли на конституционную реформу.

**В такие дни
низы еще
не знают,
что верхи
с ними сделают**

ЧЕРНАЯ РАДА — ТАБОРОМ НА ТАБОР

■ Первые майданы всеукраинского значения, очень напоминающие события осени 2004 года, возникли в Нежине в 1663 году. Сейчас Нежин — тихий уютный город в полутора часах езды от Киева, извест-ный своими церквями, сохранившейся с прошлого века почтовой станцией и педагогическим институтом, в здании которого учился Гоголь, когда там размещалась гимназия высших наук графа Безбородько. А в XVII веке никакими науками в этих местах не пахло. Зато дух демократии буквально носился по окрестностям, перерождаясь все на своем пути. Выбирали нового гетмана, который должен был заменить не справившегося с обязанностями правителя Украины сына Богдана Хмельницкого — Юрася. Претендентов было двое. Один — от «олигархов». Его звали Яким Сомко. Другой — от недовольных социальной политики старшины «народных масс». Ивашко Брюховецкий — таково было имя этого кандидата. Брюховецкого выдвинула Запорожская Сечь, до этого державшаяся от большой политики в стороне, а теперь попытавшаяся захватить власть во всей Украине. Устоявшей столицы у страны еще не было. Ставку первых гетманов — Чигирин — захватили поляки. Торговый Киев был самоуправляемым городом, где казаков недолюбливали и считали разбойниками. Поэтому местом выборов определили Нежин. «Майдан», поддерживавший Сомка, устроился перед городскими воротами прямо на

Киновоскрешение. Кадр из фильма «Черная рада» о выборах—1663

лугу. А конкурирующая группировка расположилась точно таким же порядком с другой стороны Нежина. И там, и там вели горячую предвыборную агитацию. Обожатели Брюховецкого кричали, какой из него был хороший на Сечи кошевой, горой стоявший за бедноту. А куда более спокойные сторонники Сомка напоминали о его заслугах в разгроме поляков и изменника Выговского. Как и в 2004 году, пришлось немножко менять избирательное законодательство — расширить круг участвующих в голосовании. До этого в процедуре участвовали в основном заслуженные авторитетные казаки. Но под давлением общественности теперь допустили к урнам «черный народ» — представителей самых низов общества. Впрочем, избирательных урн еще не было. Победителя определяли громким криком и мордобоем. А так как народ был погорячее, чем сегодня, и при оружии, то мордобоем на этот раз не ограни-

чились — дошло даже до душегубства. Причем, как в 2004-м орали по слогам: «Ю-щен-ко!», так тогда выкрикивали: «Брю-хо-вец-кий!», что звучало более угрожающе, чем короткое: «Сомко!» Победила партия «бешеных» — то есть Брюховецкого. Програвшего кандидата на радостях казнили, чтобы он не подвергал сомнению законность процедуры. И тут же в лучших украинских традициях начался переход вчерашних сторонников Сомка к победителю Ивашке! Происходили сцены вроде той, которую можно было наблюдать в Верховной Раде сразу после «оранжевой революции». Помнится, как ярый «яну-чар» Степан Гавриш, во время выборов бывший представителем Виктора Федоровича в Верховном суде, с трибуны публично обращался к новому президенту с дрожью в голосе, прося обратить внимание на опытные кадры. И ведь обратили! Недавно тот же Гавриш уже писал проект Конституции для Ющенко!

СТУДЕНЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1990-ГО

■ Большинство приемов, которые были применены во время «великого майданного сидения 2004-го» были опробованы еще осенью 1990-го во время так называемой «студенческой революции». Сейчас эти события забыты. А тогда они стали сенсацией для еще застойного Киева, только-только распробовавшего, что такое горбачевская «перестройка». В это время я учился в Киевском университете. У меня было много знакомых среди «революционеров». Поэтому описываю закулисную сторону тогдашнего Майдана как очевидец.

Небольшой лагерь манифестантов находился справа от колонны, на которой теперь красуется «Баба с шашлыком», символизирующая Украину. Место действия еще называлось Площадью Жовтневой революции. Организатором выступления была УСС — «Українська студентська спілка». А лозунгом: «Геть Масола і Кравчука!» Кравчук был тогда еще главой украинской компартии, а не националистом, а Масол — премьер-министром УССР.

Драться с властью, естественно, никто не собирался. Основой майданной тактики было психологическое давление — показушная демонстрация голодовки. На раскладушках, укрытых матрасами, валялись плохо побритые личности с повязками на голове или руке: «Голодую». Расчет был, что добрый партийный дядечка Масол не захо-

Майдан-90. Так проходили обкатку политтехнологии будущего

чет, чтобы из-за него умирал такой «цвет нации» и уйдет сам. Но умирать от голода никто не собирался.

Любопытные зеваки, ходившие смотреть на лагерь и сочувствовать «бедняжкам», не подозревали, что внутри там есть четкая организация. Олесь Доний (на самом деле — Александр), еще по школьному прозвищу «Шкиля» (теперь он депутатствует от НУНС) был, как бы

мы сказали, «фронтменом» акции, ходившим «в телевизор». А за кулисами имелись: информационно-пропагандистский отдел, ведавший речовками и печатанием листовок, отдел обслуживания голодающих, отдел питания, медпункт и отдел охраны. В последнем служили те участники акции, которые ни на что другое были не способны по причине своей ограниченности.

ЛИСТОВКИ ПЕЧАТАЛИ В НАРОДНОМ РУХЕ, А ОТЛИВАЛИ В ТУАЛЕТЕ НА ШАРУ

► Листовки печатать бегали в здание Руха по соседству — в Музейный переулок. Там была многительная техника. Отдел питания снабжал участников акции харчами — колбасой, консервами и батонами. Ведь голодали далеко не все. А те, кто голодал, делали это строго по науке, отнюдь не собираясь расставаться с жизнью — пили воду, а кому было рекомендовано докторами, то и воду с сахаром. На таком продукте долго можно было «диетить»! Большинство голодающих были студентами львовского медицинского института — они знали, как не нанести ущерб своему здоровью. Прием завозить в Киев для массовых акций народ из Западной Украины был впервые опробован именно во время «студенческой революции». Любопытно и то, что с владельцами кооперативных туалетов в переходе станции метро «Крещатик» существовала договоренность, что «голодающие» из лагеря будут бесплатно посещать уборную. Имелся даже бухгалтер лагеря, сразу после оконча-

ния акции неожиданно «поднявшийся» и открывший свой бизнес во Львове. Потом он, кстати, стал даже депутатом. А таких героев оранжевого Майдана, как Тарас Стецькив, можно было встретить в лагере на Крещатике уже тогда. Масола заставили уйти в отставку. Рух укрепил позиции. Но болезненная привычка всех наших «революционеров» драться между собой после победы тоже проявилась в те времена! Сразу после успеха акции от УСС отпочковалась конкурирующая СУС — «Спілка українського студентства». И обе конторы благополучно захлебнулись во взаимной «любви» друг к другу. Виталий Масол отомстил частично уже в 1994 году, когда снова стал премьер-министром. Матрасы для «голодантов» выделил ректор Политехнического института Петр Таланчук, ставший на революционной волне первым министром образования независимой Украины. Масол вспомнил ему пресловутые матрасы и сразу же после возвращения во власть уволил с должности министра.

КАК ПОБЕДИТЬ МАЙДАН, ИЛИ ПРОВАЛ «УКРАИНЫ БЕЗ КУЧМЫ»

■ Ярким примером провалившегося Майдана стала акция «Украина без Кучмы» зимой 2001 года. Во-первых, она началась, не будучи толком подготовленной. Во-вторых, не очень поддерживалась общественностью, еще не разогретой пропагандой. И, в-третьих (что самое главное), власть знала, с чем борется и умела с этим бороться — обладала политической волей и технологиями ее применения. Точно так же, как есть герои майданов, есть и герои контрmaidанов. В данном случае таким оказался покойный министр внутренних дел Кравченко.

Недовольство глухо назревало еще в январе. Тогда манифестанты установили жидкий ряд палаток на тротуаре вдоль Крещатика. Замкнуть круг у них не хватило ресурсов. Да и большинство участников представляли маргинальные ультра-националистические организации. Кроме того, даже со стороны было заметно, что в верхах умело работают с недовольными. Арестовав Юлию Тимошенко, органы внутренних дел на время вывели из игры самого активного оппозиционного лидера. Виктор Ющенко, занимавший пост премьера, сразу испугался и публично заявил о своей лояльности президенту Кучме. Революция лишилась «голов» — одну упрятали на Лукьяновку. Другая — сама спряталась в песок.

И все пошло насмарку. В «шевченковский» день 9 марта, когда Майдан пошел маршем от памятника Тарасу к администрации президента, попытавшись захватить ее, фаланга милиционеров профессионально остановила толпу во главе с экстремистами-заводидами. Не помог-

Поражение. Профессионализм милиции времен Кравченко делал невозможным победу даже атакующих майданов

Две палатки «без Кучмы» — круто!

«Матерый человечеще». Ради него не щадил себя Юрий Кравченко

ли ни сверкающие очки Юрия Луценко, ни сvezенные из Львова студенты. Вечером на вокзале сотрудники МВД уже арестовывали их. Значит, правоохранители имели в среде «революционеров» секретных информаторов.

Самые проницательные из потенциальных участников этих событий уже понимали, что будет горячо, и отказались от участия в акции. Так поступил, например «Щит батькившину» Корчинского, который, по логике, должен был защищать «Батькившину» Юлии Тимошенко. Но там поняли, что на сей раз будут не играть, как в 90-м, а сажать, и на улицу не пошли. Те же, кто поверил тогда будущим «оранжевым», крепко просчитался, не получив ничего, кроме нескольких лет тюрьмы. Исключением стал только Андрей Шкиль, соскочивший с нар благодаря депутатству. Но его товарищи отсидели по полной во имя того, чтобы некий гражданин Ющенко, публично осудивший акцию «Украина без Кучмы», потом подался в оппозицию и сам стал организовывать майданы. Спрашивается, оно того стоило?

Тем позорнее была плата, которой отблагодарил Кучма за профессионализм Юрия Кравченко. Сразу после успеха контрреволюции министр был уволен под давлением оппозиции в парламенте и только через некоторое время, как утешительный приз, получил пост губернатора в далекой провинции.

Это лишний раз доказало: служить можно царю, как это делали офицеры Семеновского полка, разогнав «майдан» на Красной Пресне зимой 1905-го, но не украинскому президенту — все равно не оценит.

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Из пропасти вверх ■ Кризис — это не только боль. Это еще и надежда на выздоровление. Поворотная точка, достигнув которой, человечество хоронило старую эпоху и начинало новую

БРАВО, КРИЗИС!

То, что происходит сейчас, у большинства наших граждан вызывает ужас. За последние пять-шесть лет мы привыкли к твердой гривне и экономическому росту. К тому, что получить кредит на автомобиль было так же легко, как выкурить пачку сигарет. К отдыху в Турции и Египте, а, кому повезет, то и в Таиланде или на Канарах. К уродливым жилым домам, росшим в центре Киева, как поганки после дождя. К агрессивной рекламе, требовавшей купить все и немедленно. Многие даже не задумывались, нужно ли им это ВСЕ. Например, мобилки за тысячу долларов, которыми грезит нынешнее поколение тинейджеров.

Казалось, катастрофические времена начала 90-х закончились навсегда. Украина настолько привыкла к мысли: «завтра будет лучше», что даже позволила себе безответственную забаву в «оранжевую революцию» и бездарное правительство Тимошенко, паразитировавшее на экономическом подъеме, к которому оно не имело ни малейшего отношения. Эта компания во главе с бывшей соратницей незабвенного панамского гражданина Паши Лазаренко «прогуляла» «Криворожесталь», раздала страждущим по тысяче и не ударила палец о палец, чтобы смягчить то, что всегда, согласно законам экономики, следует за подъемом — спад.

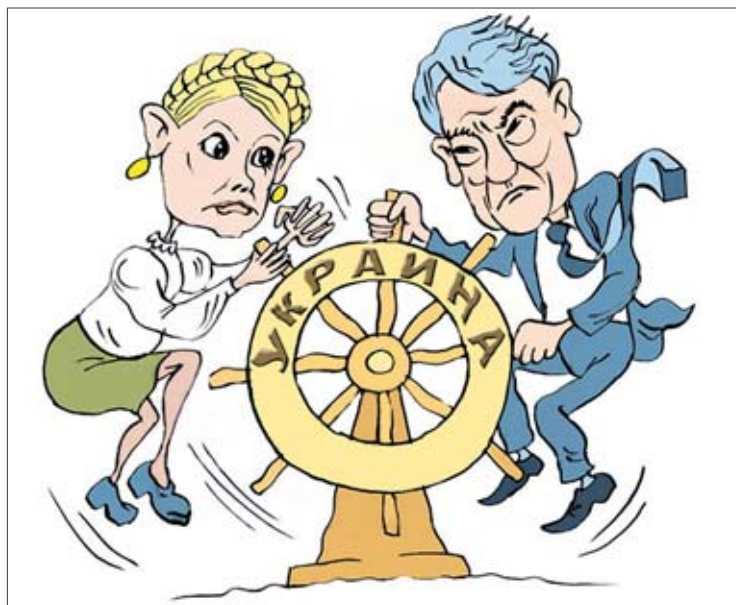
Еще летом, будучи в Москве, я обратил внимание: дорогих иномарок в Киеве стало больше, чем в бывшей столице СССР. Это никоим образом не свидетельствовало, что наша экономика обогнала российскую, а лишь служило наглядным подтверждением раскрученности маховика потребительских кредитов в Украине. Если мы и обгоняли в чем-то северную соседку, то только в масштабах рекламы жадности.

Рано или поздно это безобразие должно было закончиться. В основе кондового российского бюджета все-таки лежат реальные вещи, нужные миру — энергоресурсы. По недавним словам первого зампреда комиссии Европарламента по энергетике, промышленности и инновациям Милошавы Рансдорфа, «две трети газа, одну треть нефти и одну треть ядерных концентратов страны Евросоюза получают из России». Это позволит Москве довольно уверенно пережить кризис. По крайней мере, валюту в киосках, в отличие от Киева, там можно сейчас купить без проблем, в чем я лично убедился на днях.

И напрасно критики говорят, что русским просто повезло, что у них так много «черного золота». Дело не просто в везении, а в том, что предыдущие поколения россиян приложили массу усилий для территориального расшире-

И это только начало! Что думает этот украинский гражданин, пересчитывая свои кровные у пункта обмена валют?

Соратники. Вырывая оранжевый штурвал, доругались до кризиса

ния своего государства, захватив огромные территории с полезными ископаемыми, а нынешнее — сумело это наследие удержать. Даже в безумные ельцинские времена Россия сумела усмирить Чечню, предотвратив изменения маршрутов нефтепотоков и собственный распад, а при Путине частично прижала к ногтю олигархов и вернула госконтроль над энергетическим сектором.

Ничем подобным мы похвастаться не мо-

жем. Разве что гениальным решением «огрызковского» МИДа передать вопрос о статусе острова Змеиный в голландский суд, поставив под сомнение принадлежность Украине гигантских запасов нефти и газа на черноморском шельфе. Наш государственный бюджет во многом держался за счет экспорта донецкого металла. Стоило упасть спросу на сталь за рубежом и подтянуться Китаю, обновившему свои металлургические заводы

и снизившему затраты на производство, как стало окончательно ясно: эта фишка нашей промышленности тоже осталась в прошлом. А те деньги, которые могли пойти на инвестирование в высокотехнологичные украинские отрасли, утекли на бесконечные выборы. Пиарщики распухли от жира. Зато промышленность и сельское хозяйство, если и поднимались в последние годы, то, как говорится, на последнем дыхании. Животноводство, к примеру, было просто прикончено, как старая корова. Стоит проехаться по бывшим колхозам с фермами-развалахами, чтобы убедиться в этом.

Еще одним фактором, подорвавшим финансовую уверенность наших граждан в завтрашнем дне, стал Нацбанк, дважды за последние годы запускавший свою державную лапу в долларевые заначки «маленького украинца», о котором так обещал заботиться Виктор Ющенко. Курс доллара искусственно занижали в 2005-м и начале 2008-го — сразу же после того, как к власти приходил Кабмин во главе с Леди Ю. Различные «эксперты» убеждали народ хранить деньги только в гривнях и, желательно, на счетах в банках, а не в банке. Граждане верили: уж на этот раз не обманут! Ведь не коммунисты же к власти пришли! Но ажиотажный спрос на доллар и евро в последний месяц вызван как раз тем, что персональные «стабилизационные фонды» под подушкой у большинства были исчерпаны. А ведь в масштабе страны это была сумма

в несколько миллиардов! Все это позволяет предположить: несмотря на показушную политическую войну между премьер-министром и президентом, контролировавшим Нацбанк через своего ставленника Стельмаха, в Украине проворачивалась широкоформатная афера по перекачиванию «зеленого» из маленьких карманов в несколько больших «кишень», близких к самым верхам.

И, наконец, пресловутое вступление в ВТО. Правительство хвасталось им как своим небывалым успехом, который удалось проташить через непокорный парламент. Но экономических последствий этого шага на самом деле никто не просчитывал. Депутатов вынудили проголосовать за ВТО вслепую. Знакомые парламентарии рассуждали мне: сколько они ни просили у Кабмина получить перед голосованием расчет с конкретными цифрами положительных и отрицательных последствий этого шага, их так и не предоставили. А раз не предоставили, значит, в окружении Юлии Владимировны или не ведали, что творят, или наоборот, прекрасно знали: негативных тенденций от ВТО для украинской промышленности будет больше. И, тем не менее, шли на это, ради пиара у ничего не понимающих граждан и оправдания курса Украины на Запад.

Кто виноват, ясно. Те, кто обещал в 2004-м на Майдане молочные реки и кисельные берега. Вопрос в другом: что теперь делать?

**Тимошенко и Ющенко
не сделали ничего,
чтобы смягчить
неизбежный спад
экономики**

РУЗВЕЛТ ЗАКРЫЛ БАНКИ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ ВЕЛИКУЮ ДЕПРЕССИЮ

■ Ничто не ново под луной. Нынешний мировой кризис начался в США. Там же грянул и его самый знаменитый аналог — Великая депрессия 30-х годов. А ведь ей предшествовали «безумные 20-е» — времена экономического процветания с золотым долларом, автомобилем чуть ли не в каждой семье, Голливудом и полутолыми девицами, плясавшими под джаз. Все закончилось в «Черный четверг» 24 октября 1929 года обвальным падением акций, а потом продолжилось 28 октября в «Черный понедельник» и 29 октября в «Черный вторник». В этот день наступил полный биржевой крах Уолл-Стрит — акции обесценились на 40 миллиардов долларов. В два раза упало промышленное производство, в пять — выпуск автомобилей, разорились миллионы фермеров, которые не смогли выплатить кредиты из-за падения спроса на сельхозпродукцию. Урожай снизились в два раза — никто не хотел ни сеять, ни убирать. По улицам слонялись 15 миллионов безработных, рывшихся в мусорных баках. Чулки для большинства женщин стали роскошью. Упали даже цены на то, что не падало никогда — на недвижимость в крупных городах. Существует множество объяснений случившегося. От традиционной марксистской трактовки Великой депрессии как классического кризиса перепроизводства до оригинальных буржуазных концепций, утверждавших, что

всему виной была... нехватка денежной массы. Якобы производство товаров и их ассортимент резко выросли за первую четверть XX века — появились легковые автомобили, радиоприемники, патефоны, а количество долларов, привязанных к ограниченному золотому запасу США, не увеличивалось. Вот народу и не было на что покупать эту «роскошь».

Но все это ерунда. Если денег кому и не хватало, так это финансовым спекулянтам с Уолл-Стрит.

Навыпуская ничего не стоящих акций и раскрутив биржевую пирамиду, эти жулики вымыли с рынка реальные деньги. У американских граждан и жившего в кредит реального сектора экономики их не осталось. Зато у тогдашних соросов от золотых баксов буквально ломились закрома. Налицо была обычная афера («кидалово» — на нынешнем языке) в масштабах самой развитой страны мира. Лучше всех это понимал Франклин Рузвельт, пришедший к власти после выборов 1933 года и начавший расхлебывать последствия политики предшественников, устранивших влияние государства от экономики.

Он начал бороться с тем, что и породило Депрессию — банками. Сейчас мало кто помнит, что этот президент приостановил деятельность всех банков в Соединенных Штатах. Было объявлено чрезвычайное финансовое положение. У населения изыали все золото, находившееся на руках. Подчеркиваю

Рузвельт
прикрыл банки
и одновременно
отобрал золото
у народа

Погуляли. Великой депрессии в США предшествовали «безумные 20-е»

— все! И это в самой «демократической» стране, какую только можно представить, и руками президента-демократа! Законопослушные трусливые американские обыватели несли золотишко из заначек в госрезерв, боясь, что иначе собственные соседи сдадут их в полицию.

Франклин Рузвельт — не был однозначно позитивным президентом. Выводя страну из кризиса, он пытался умерить аппетиты финансовых воротил. Но одновременно избавил американский народ от реальных ценностей. Теперь обывателю предлагали только нечто эфемерное — домик в кредит, который развалится через шестьдесят лет, автомобиль, который станет ржавой банкой через два десятилетия, шмотки, но не золото! Экономике словно обнулили по принципу: давайте забудем то, что было вчера, и начнем сначала. Америка избежала революции. А те, кто устроил «черные» четверги и вторники и должны были бы болтаться на фонарных столбах, счастливо избежали расплаты по долгам перед нацией. В общем, все прославляли мудрого, доброго папашу Рузвельта, передвигавшегося на инвалидной коляске и доводившего публику до слез своими речами.

Однако побороть депрессию ему удалось социалистическими методами государственного вмешательства в экономику. В те времена, когда в СССР возник ГУЛАГ, в США появилась Администрация общественных работ. А когда ее стало не хватать, то еще и Администрация гражданских работ. Под их эгидой на строительстве каналов, дорог и мостов в маярийных болотах южных штатов трудились 3,5 миллиона бывших безработных — практически за одну харчи и пару джинсов.

Глазам не верю! После Первой мировой была купюра в два миллиона марок

Немецкие дети. Получают бесплатный суп во время кризиса начала 20-х

КАК БОРОЛСЯ С КРИЗИСОМ ГИТЛЕР

■ Еще более тяжелая ситуация сложилась тогда в Германии. Проиграв Первую мировую, она переживала нечто подобное тому, что выпало для стран бывшего СССР после поражения холодной войне. Инфляция зашкаливала. В обращении появились купюры в два миллиона марок.

Зарплату выдавали несколько раз в день, чтобы немцы успели добежать до магазинов и что-то купить, пока она не обесценилась. Герой романа Ремарка о том времени «Черный обелиск» прикуривает от банкноты в 1000 марок, так как ни на что другое она уже не годится. Главной причиной кризиса стали гигантские репарации, которые по условиям Версальского мира 1919 года Германия выплачивала Франции и Британии. В Берлине фактически сидело карманное псевдodemократическое правительство, которое занималось вымыванием финансовых средств из страны за рубеж — к тем, кто его поставил. Немцы разочаровались в либеральной республике и на очередных выборах проголосовали за национал-социалистов Адольфа Гитлера.

Тот сразу же создал единый центр управления экономикой — Главный хозяйственный совет, маневрировавший финан-

совыми и людскими ресурсами. Началась «аризация» предприятий — конфискация их у лиц негерманского происхождения и передача в руки государства. Закон об организации национального труда позволил создать точно так же, как в США, трудовые армии, работавшие на строительстве автобанов и новых заводов. Удивительно, но с кризисом в тяжелой промышленности национал-социалистам удалось справиться уже к 1934 году. Начался взлет производства.

Адольф
победил гиперинфляцию
всего за год, но увлекся
внешнеполитическими
авантюрами

Тут бы Гитлеру и остановиться. Но Адольфа понесло. Началось головокружение от успехов, внешнеполитические авантюры, война против половины мира и крах в 1945 году.

Тем не менее опыт борьбы с Великой депрессией 30-х показывает, что выйти из нее можно было только благодаря глубокому вмешательству государства в экономические процессы и прекращению

биржевых спекуляций. И демократы в Штатах, и нацисты в Германии фактически проводили одинаковую экономическую политику. Просто одна страна выиграла мировую войну, а другая — проиграла.

Крайним проявлением тех же тенденций стала и сталинская индустриализация в СССР. Коммунисты покончили с НЭПом, то есть советским капитализмом, в том же 1929-м, когда в США началась Великая депрессия. Сегодня на новом витке придется возвращаться к этому опыту тяжелых 30-х. Страна, где такой эксперимент проводится уже давно, находится буквально рядом с нами. Это Лукашенковская Белоруссия. Ее можно сколько угодно (и, помоему, справедливо) критиковать за отсутствие свободы слова.

Но фактом остается то, что батьке — единственному на просторах распавшейся советской империи — удалось сохранить отечественную электронику (белорусские микросхемы идут на экспорт), производство телевизоров, легпром и машиностроение. Белазовские самосвалы продают даже в Японию. Почему бы не перенять этот опыт в Украине, сохранив свойственные нам демократические свободы?

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Конъюнктура ■ Нынешние политпропагандисты любят вспоминать Круты. Но совершенно забыли о том, как в конце 1918 года была потеряна столица ЗУНР — Западно-Украинской Народной Республики

КАК ГАЛИЧАНЕ СДАЛИ ПОЛЯКАМ ЛЬВОВ

Под занавес 1918 года почти одновременно произошло два трагических события. Симон Петлюра, подняв восстание против Павла Скоропадского, захватил Киев и разрушил гетманскую Украинскую державу, открыв дорогу большевикам из Москвы. А меньше чем за месяц до этого — 21 ноября — военные формирования Западно-Украинской Народной Республики после бесполовых уличных боев с польскими отрядами очистили столицу Галичины — Львов.

Как ни странно, между этими событиями существовала теснейшая связь. Гетман Скоропадский собрался напрямую помочь галицким украинцам отстоять независимость. Но неожиданное выступление петлюровских национал-радикалов и начатая ими украинская гражданская война связали ему руки. И, кроме того, самые боеспособные из галицких армейских частей — сечевые стрельцы, вместо того, чтобы защищать от поляков родной Львов, двинулись отвоевывать у гетмана Киев. В очередной раз ситуацию в украинской истории можно было описать словами Ивана Мазепы: «Самі себе звоювали».

Львов часто называют столицей «украинского Пьемонта», сравнивая Галичину с тем королевством, которое в XIX веке сыграло решающую роль в объединении Италии. Но не так было всего сто лет назад. Назвать Львов украинским в то время невозможно было даже с большой натяжкой. Это был типичный польский город, входивший в Австро-Венгерскую империю. По переписи 1900 года в нем проживало 84 тыс. поляков, 45 тыс. евреев, 5 тыс. немцев и 34 тыс. украинцев, которых, впрочем, официально называли не украинцами, а русинами.

Как видно из этих цифр, украинцы составляли только треть по численности народность среди львовян. По политическим взглядам они делились на две части. Одних, втайне симпатизировавших России, называли «москвофилами». Они считали себя частью единого русского народа, оторванной от единого целого. Их политическим идеалом было возвращение в состав Руси, под которой они подразумевали Российскую империю.

Другая часть украиноязычных галичан, наоборот, признавала себя патриотами Австро-Венгрии. Втайне они, конечно, мечтали о великой и самостийной Украине «од Сяну до Дону» как некоем далеком идеале, но как люди практичные, не забывали делать

Площадь Рынок. С 1915 года, когда был сделан этот снимок, дома в центре Львова практически не изменились, в отличие от горожан

официальную карьеру в империи Габсбургов. По крайней мере, ту, что эта династия им позволяла.

Австрийцы считали выгодным поддерживать эту этническую группу, так как местная власть в Галичине, по сути, принадлежала полякам. Не будучи самими многочисленными среди сельского населения провинции, они преобладали среди помещиков, горожан и деятелей культуры, претендуя на особую миссию «цивилизаторского» элемента. К примеру, даже классик украинской литературы Иван Франко вынужден был работать корректором в одной из польских газет во Львове. И именно из аристократов-поляков венское правительство по традиции назначало очередного наместника Галичины. Но как противовес им — чтобы не зазнавались — подкармливало и «укаинофильское» направление, выдавая субсидии местному Научному обществу им. Шевченко.

В 1914 году австрийские власти существенно «почистили» среди львовян группировку москвофилов — около двух тысяч из них сразу же после начала Первой мировой войны были арестованы и отправлены в концентрационный лагерь — не за то, что успели что-то совершить против Австрии, а за одну только любовь к России.

Мировая война заставила австрийцев начать формирова-

ние национальных полков в своей армии. Украинцам позволили создать легион сечевых стрельцов. Еще больше подобных частей дали Австро-Венгрии поляки, рассчитывавшие, что после войны будет восста-

Пулеметчик легиона сечевых стрельцов тренируется сбивать воздушные цели на учениях

новлена если не независимость, то хотя бы широкая автономия Польши, разделенной еще в XVIII веке между Германией, Австрией и Россией.

В тяжелый для Вены 1916 год, памятный Брусиловским наступ-

лением, старый кайзер Франц Иосиф даже подписал специальную грамоту, в которой пообещал создать после войны Польское королевство в составе своей обновленной империи и присоединить к нему Восточную Галичину со Львовом.

Но в марте 1918 года при заключении Брестского мира с украинской Центральной Радой особым секретным пунктом оговаривалось совершенно противоположное обещание. Австрийцы брали на себя обязательство создать к осени на той же территории уже... западно-украинскую автономию. В такой ситуации, имея на руках два совершенно взаимоисключающих и еще не выданных политических кредита, империя вступила в последнюю фазу своего существования. А осенью она просто посыпалась, как Российская империя за год до этого, не выдержав боев на итальянском фронте и нарастающего с каждым днем экономического кризиса.

Поляки и украинцы Галичины оказались наедине друг с другом без отеческого внимания Вены и тут же начали выяснять отношения. Первыми подсуетились украинцы. Ранним утром 1 ноября на стенах львовских домов появились обращения некой Украинской Национальной Рады. В них говорилось: «До населения міста Львова! Волею українського народу утворилася на українських

землях Австро-Угорської монархії Українська держава. Найвищою властю Української держави є Українська Національна Рада. З нинішнім днем Українська Національна Рада обняла власть в столичнім місті Львові і на цілій території Української держави... Закликається населення до спокою і послуху».

Но так как «населения» Львова состояло в основном из поляков, то этот документ оно восприняло примерно так же, как декларацию вторгшихся инопланетян. Какая-то национальная рада? Да кто слышал о ней и кто ее собирался слушаться?

Правда, в число сторонников Нацрады можно было зачислить львовский гарнизон. Среди его солдат насчитывалось две тысячи четыреста украинцев. Однако это были тыловые части. Почти половину их личного состава заполняли люди, как сказали бы мы, предпенсионного возраста — в районе пятидесяти лет. Особого рвения воевать за украинскую независимость эти простые сельские вуйки не проявляли. Поэтому почти сразу же после захвата власти Национальная Рада издала приказ двинуться во Львов легиону сечевых стрельцов — самой знаменитой и идеологически подкованной украинской части, насчитывавшей чуть больше тысячи солдат и офицеров и расположенному в Черновцах.

ОТВЕТ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

■ Но вместо того, чтобы немедленно грузиться по вагонам и двигаться на Львов, до которого было всего несколько часов езды, стрелцы не торопились. Как писал один из участников львовских событий доктор Цегельский: «Коли хто завинив у тому, що українці втратили Львів, то це були саме січові стрільці. Оцей промах галицьких СС-ів був першим проявом отаманщини і політиканства, чим вони заразились у час свого перебування на Великій Україні. Замість того, що виконати наказ Укрази та зайняти без бою Львів 1 листопада, вони політукували на Буковині. В результаті втрачено Львів».

Иными словами, сами сечевики решали: признавать ли им Национальную Раду и что они смогут у нее выторговать?

А во Львове уже на следующий день началось антиукраинское восстание. В городе действовало несколько польских военных организаций. Сразу же после появления воззваний Нацрады поляки сформировали собственный Польский народный комитет, где собрались представители всех их политических партий, и поставили во главе боевых групп двух инициативных энергичных офицеров — сотников Татар-Тшесловского и Мончинского.

Магазины. В начале XX века Львов был городом польских вывесок

На службе. Польский легион в австрийской армии по численности в несколько раз превосходил украинский

ВОССТАНИЕ ПОДНЯЛИ МАЛЬЧИШКИ

■ Главной силой их импровизированной армии стали польские гимназисты и студенты. Ведь участвовать в уличных боях куда интереснее, чем учиться. В отличие от пожилых украинских солдат, им хотелось повоевать с молодым задором. Среди поляков были даже совсем мальчишки — например, самый юный в истории Польши кавалер ордена Виртути Милитари («Военные Заслуги») Антось Петрикевич, которому едва исполнилось тринадцать, или двенадцатилетний Янек Дуфрат. Оба они погибли в уличных боях и похоронены во Львове на так называемом Мемориале Орлят.

Всего же во время львовского противостояния, по польским данным, было убито около двух сотен польских подростков, сражавшихся за свой Львов. Впрочем, некоторые историки считают эту цифру сильно преувеличенной. Кто прав, трудно разобраться. Но для Польши эти

молодые люди стали таким же национальным мифом, как для Украины студенты, погибшие под Крутами.

Поляки сразу же грамотно выбрали направление главного удара — вокзал. Захватив его, они могли бы беспрепятственно получать подмогу из Польши через Перемышль по единственной в этих местах железнодорожной ветке. Кроме того, там находились главные в городе склады военного имущества. Штурм вокзала удалось осуществить без особых проблем — по безопасности его почти не охраняли.

Когда же легион сечевых стрелцов, наконец-то, прибыл из Черновцов, украинское командование распорядилось им крайне неудачно. Сечевиков использовали, раздробив на мелкие отряды, вместо того, чтобы собрать в мощный кулак. Разуверившись в победе, Национальная Рада решила просить подмоги у гетмана Скоропадского. Для этой цели

в Киев командировали двух делегатов — инженера Шухевича и доктора Назарука. В Белой Церкви, на территории подконтрольной гетману, в это время находился еще один отряд сечевых стрелцов, в составе двух батальонов, конной разведки и одной артиллерийской батареи. Его сформировал из числа бывших военнопленных-галичан Евгений Коновалец — в прошлом офицер австрийской армии, тоже оказавшийся в русском плену во время Первой мировой. Именно этих храбрых хлопцев должны были упротить прийти на помощь украинцам во Львове посланцы Нацрады.

Скоропадский с радостью был готов их отпустить. Заодно он пообещал правительству Галичины авиаэскадрилью, батарею гаубиц, два броневика, несколько вагонов с боеприпасами и сколько угодно сапог и шинелей со складов, оставшихся от царской армии.

СЕЧЕВЫЕ СТРЕЛЬЦЫ ОТКАЗАЛИСЬ ВЕРНУТЬСЯ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ

■ Проблема была в одном — сечевики Коновальца не хотели ехать в родную Галичину. Им очень понравилось на Восточной Украине, где почти не было поляков. Кроме того, они впутались в местные политические интриги и уже договорились с Петлюрой и Владимиром Винниченко, что поднимут восстание против гетмана и двинутся на Киев. В Белой Церкви состоялась стрелецкая рада, где было принято решение: «Київ важливіший за Львів».

Львовские делегаты тоже оказались довольно странными людьми. Осип Назарук вместо того, чтобы проводить в жизнь решение правительства, пославшего его, согласился с мнением стрелцеского «схода» и остался участвовать в антигетманском восстании (видимо, очень хотел прокатиться туристом в Киев), а Шухевич вернулся домой ни с чем.

В результате Киев взяли, но только для того, чтобы через пять недель отдать его крас-

ным. А Львов пришлось поспешно очистить еще раньше — 21 ноября, оставив Западно-Украинскую Народную Республику без столицы, а только с гербом в виде золотого льва на синем щите.

Лучше всего по этому поводу высказался украинский историк-эмигрант доктор Исидор Нагаевский, заметивший, что без участия сечевых стрелцов Петлюра не решился бы начинать антигетманский бунт, а это дало бы «можливість порозуміння між партіями і гетьманом в останні хвилини, коли більшовики посунулися на Україну. Дуже часто буває, що від однієї малозначної події залежить довгий ланцюг трагічних подій. Такою подією можна було б вважати відмову СС-ів їхати під Львів».

Мне же остается только присоединиться к этому хоть и коряво выраженному, но по сути верному выводу убежденного националиста. Что тут еще добавит?

Этого храброго
сечевика
очень не хватало
во Львове
осенью 1918-го

Награда от кайзера. Последний австрийский император Карл I инспектирует легион сечевых стрелцов

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Классика ■ 14 декабря — 90-я годовщина взятия Киева войсками Петлюры. Не бог весть, какое великое событие. Но именно оно породило один из самых известных романов о гражданской войне

ПО СЛЕДАМ «БЕЛОЙ ГВАРДИИ»

Отчетливо помню день, когда впервые прочитал «Белую гвардию». Это был 1983 год. Зима. Наверное, январь или февраль. Книгу мне дали на несколько дней. По большому благу. В андроповском СССР она была жутким дефицитом. За киевским окном шел снег. По улице медленно пробирался трамвай. А я стоял у окна, и в голове моей еще крутились петлюровцы, гетман, «гусарский зигзаг» на плече полковника Най-Турса, потемневшая от холода кокарда на фуражке Мышляевского и бессмертная фраза на печке: «Бей Петлюру!»

Мне было четырнадцать. И я жалел об одном: что не родился в те времена и не могу, следовательно, быть юнкером или звенящим шпорами поручиком в кавалерийской шинели до пят. История, казалось, прошла мимо. Потом, уже в безалаберно-свободные перестроечные времена, я написал по «Белой гвардии» дипломную работу в университете и пришел к выводу, что, на самом деле, это приключенческий роман. Хотя и очень талантливый. Исторической правды в нем не больше, чем в любой подобной книге — например, у Дюма. Я понимаю, как будут расстроены те читатели, которые привыкли воспринимать «Бе-

Военный быт. Фуражка с той самой потемневшей кокардой, погоны ротмистра, георгиевский крест

лую гвардию» как библию, на которую нужно только молиться. Но, подходя строго к националистическим выдумкам, я не могу быть необъективным и к тем мифам, которые мне духовно близки. Белогвардейцы — симпатичнейшие ребята. Булгаков описал многое. Но не все. И часто совсем не так, как это происходило в действительности. Он не участвовал в почти месячных боях за Киев между гетманцами и петлюровцами. Никогда не служил в выдуманном им «студенческом» артиллерийском дивизионе. И ничего не знал о закулисных интригах при гетманском дворе, хотя и сделал одного из персонажей своего романа — Шервинского — адъютантом Скоропадского.

Более того, Михаил Афанасьевич даже толком не представлял, как эти адъютанты выглядели. Киевские газеты начала XX века не печатали фотографий гетманского конвоя. Поэтому белая черкеска Шервинского из пьесы «Дни Турбиных» по мотивам романа — чистая выдумка Булгакова. Его можно понять — зрителя нужно ослеплять элегантностью. На самом же деле, в декабре 1918-го гетманская свита шеголяла в украинизированных жупанниках, в которых не героевлюбников играть, а малоросийскую комедию.

БЕЛОЕ ПЯТНО: ЗАБЫТЫЙ БОЙ ПОД МОТОВИЛОВКОЙ

■ Увы, не уличные бои, которых, кстати, почти не было, решили судьбу гетманского Киева, а забытый ныне бой под станцией Мотовиловка 18 ноября. Это была первая неделя антигетманского восстания, когда у Петлюры еще почти не было сил — только отряд сечевых стрельцов, первыми перебежавших на его сторону. Бунт можно было задушить в зародыше. Скоропадский направил против сечевиков сердюцкий полк (своих гвардейцев) и офицерскую дружину князя Святополк-Мирского, сформированную из добровольцев.

Описание этого боя со стороны гетманцев отсутствует. Петлюровцы хвастливо утверждали, что офицеры наступали несколькими цепями, но не смогли про-

бить вражескую оборону. А сердюки вообще отказались атаковать и залегли. Результат поединка решила техника — единственный петлюровский броневик, который выполз в поле, и «вогнем скорострѣлів сів смерть в ворожих лавах». По утверждению победителей, на месте боя осталось 600 трупов в кожаных куртках и золотых погонах. Цифра эта, скорее всего, хвастливо преувеличена. Вся дружина насчитывала, по самым оптимистическим подсчетам, всего восемьсот человек. Но Святополк-Мирскому пришлось оттянуться к Киеву, а Петлюра занял городок Васильков. Первая неудача подняла дух повстанцев. На их сторону стали переходить украинские части гетманской армии.

Монтаж. В романе вместо боя под Мотовиловкой много застолий

РАЗДРАЙ В ГЕТМАНСКОМ ОКРУЖЕНИИ

■ На следующий день после мотовиловского конфуза Скоропадский назначил главнокомандующим Федора Келлера — прославленного кавалерийского генерала Первой мировой, по случайности находившегося в Киеве. Он стал прототипом булгаковского полковника Най-Турса. Писатель придал ему даже внешние черты генерала — плохо поворачивающуюся после ранения голову и легкую картавость.

Это был очень удачный выбор. Гетманская армия состояла из двух частей — украинской, не хотевшей воевать, и русской, которую составляли офицерские отряды, недолюбливавшие гетмана, но еще больше ненавидевшие Петлюру. Популярный среди офицеров генерал сразу же остановил петлюровцев на подступах к столице. Он даже лично подогнал в атаку гетманских сердюков, набранных из хулиганов в киевских предместьях.

Офицерские дружины Келлера при поддержке артиллерии отбили Петлюру. Тут бы гетману держаться за генерала, как утопающему за соломинку. Но он боялся, что Келлер сбросит его с трона, и... отправил в отставку. Теперь толком не хотели воевать не только сердюки, но и офицеры-белогвардейцы, лишившиеся популярного лидера и не понимавшие, зачем им спасать какого-то Скоропадского, пусть и объявившего себя в федерации с белой Россией?

В дни Турбиных. Гетман больше переживал за семью, чем за державу

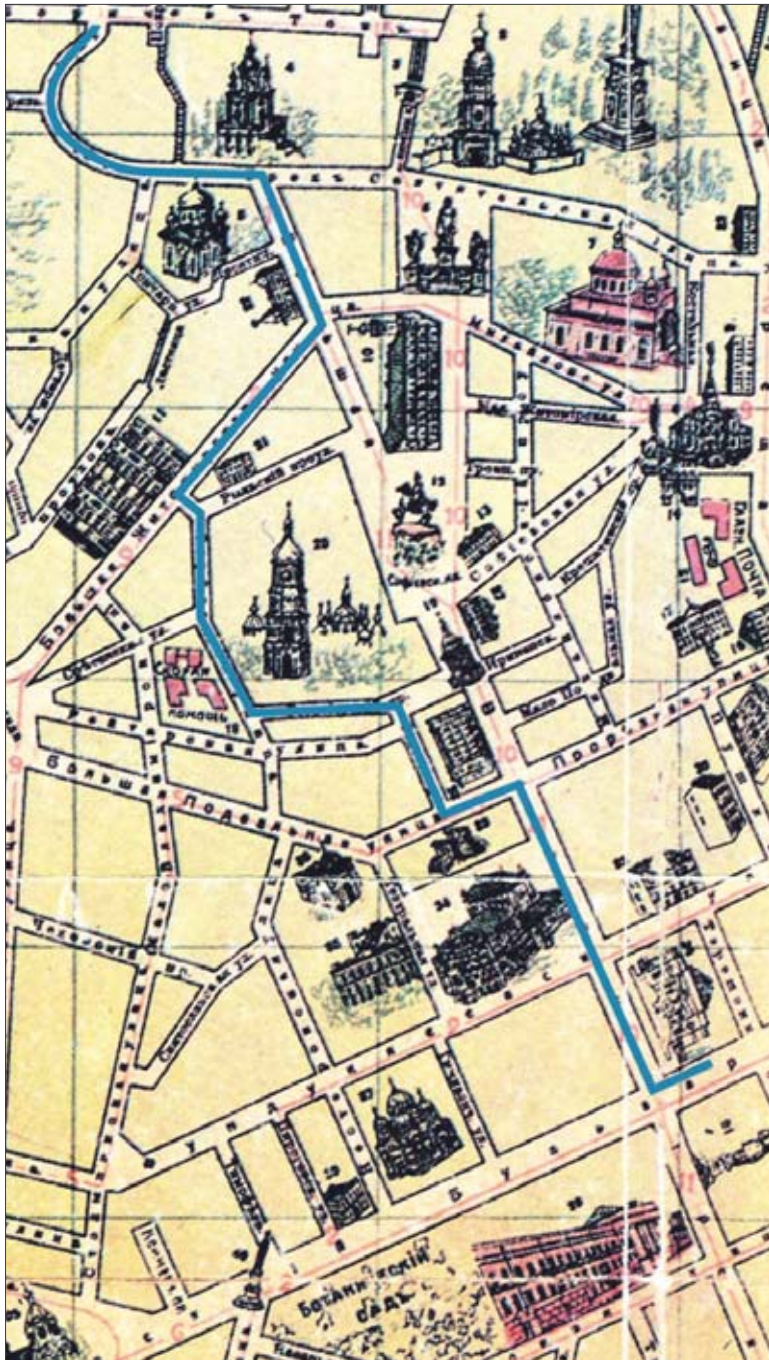
ВЫМЫШЛЕННЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ДИВИЗИОН

► О боях под Киевом Михаил Булгаков знал только со слов своих друзей-офицеров. Не служил он и в «студенческом» артиллерийском дивизионе, якобы располагавшемся в здании Первой киевской гимназии на Бибиковском бульваре. Как профессиональный врач Михаил Афанасьевич хорошо понимал, чем может закончиться встреча с шальной

Булгаков. Студент-медик

пулей, и всегда отличался разумной осторожностью. По адресу, указанному в романе, квартировало совсем другое киевское формирование — дружина бойскаутов (аналог более поздних советских пионеров). Она состояла из мальчишек и предназначалась для поддержания порядка внутри города. На фронт ее никто даже не собирался отправлять! Именно в это героическое подразделение поступил добровольцем бесстрашный доктор Булгаков. Впоследствии ему было стыдно признаваться, что он воевал в «пионерском отряде». Поэтому киевские подростки превратились под его пером в юнкеров и студентов. А как же тогда у писателя так реалистично получились сцены уличных боев, в которых он тоже не участвовал? А что вы удивляетесь? В «Мастере и Маргарите» Булгаков тоже ведь не присутствовал при распятии Христа, а как убедительно описал! На то он и талант! Зато маршрут бегства доктора Турбина из гимназии описан явно по личным впечатлениям. С перекрестка у Золотых ворот на улице Прорезной доктор видит фигурки поднимающихся петлюровцев. Булгакову тут пришлось поддаться ходу на Подол. Жена вспоминала, что домой на Андреевский спуск, 13, он вернулся крепко испуганным. В романе доктора Турбина пришлось спасти приемом, позаимствованным у Дюма. Перед ним внезапно открывается спасительная дверь в домике прекрасной женщины Юлии Рейс. Точно так же в «Графине де Монсоро» спасается от преследователей Бюсси. Домик Юлии Булгаковеды ищут до сих пор. Моя версия — Булгаков просто вспомнил о квартире своей любовницы, у которой прятался от жены. Но точный адрес как человек благородный, естественно, не указал.

Из гимназии на Подол. Маршрут Булгакова и доктора Турбина

ДЕТАЛИ: ГУСАРСКИЙ ЗИГЗАГ И САПОГИ С ПРЯЖКАМИ

■ Михаил Булгаков был модником, тщательно следившим за одеждой. Один из мемуаристов вспоминает, как в 20-е годы, разбогатев после постановки «Дней Турбиных» во МХАТе и заказав себе новый костюм, писатель отворачивал штанину и хвастался ему шелковой подкладкой на брюках. Конечно, это моветон, очень напоминающий хвастовство модными лейблами некоторых современных персонажей.

Форсить в эпоху Первой мировой и гражданской войн у Булгакова возможности не было. На пике моды в это время была офицерская форма. Но Михаил Афанасьевич был всего лишь армейским лекарем. Ему полагались не широкие офицерские, а узкие медицинские погоны и круглая, а не овальная кокарда, сразу выдававшая в нем так называемого «военного чиновника». Впрочем, многие представители этой категории старались нарушать форму одежды и первым долгом меняли «неполноценные» круглые кокарды на офицерские. Начальство обычно смотрело на это сквозь пальцы.

Детали разнородностей офицерских униформ описаны Булгаковым с той подчеркнутой внимательностью, которая свойственна тем, кто хотел бы, но не мог их носить. К примеру, в самом начале романа писатель дважды отмечает так называемые сапоги «с пряжками» — на Ни-

колке и на Мышлаевском, ввалившемся прямо из окопов под Киевом в уютную квартиру Турбиных. «Турбин и Николка, — пишет автор, — стягивали с Мышлаевского узкие шегольские сапоги с пряжками на икрах».

Такие сапоги вошли в моду с 1915 года. Именно в это время они появляются на фотографиях. Их любили носить и офицеры, и нижние чины, которые могли пошить себе обувь на заказ. Маленькая пряжка в самом верху голенища позволяла регулировать его ширину и удобно фиксировать на ноге.

А почему кокарда Мышлаевского, по словам Булгакова, «потемневшая»? Кокарды той эпохи были двух типов: дорогие из белого фарфора, которые обычно носили только на парадных фуражках, и штампованные из металла для обычного употребления. Эти последние, естественно, слегка окислялись и приобретали темный «боевой» оттенок. Булгаков хочет подчеркнуть боевитость Мышлаевского — то, что он не в тылу зад протирал.

А что такое «гусарский зигзаг», который видит юнкер Турбин на плече у полковника Най-Турса в момент, когда того сражает петлюровская пуля? Булгаковским современникам эта деталь была понятна и не нуждалась в комментариях. А для нас требует объяснений.

Круче, чем от-кутор.

Так выглядел полковничий гусарский погон в начале XX века

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ: ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР ПОГИБ, КАК ПОЛКОВНИК НАЙ-ТУРС

■ Но описанный в романе эпизод, когда Най-Турс приказывает юнкерам разойтись («Слушай мою команду: сгивай пагоны, кокагды, подсумки, бгосай огу-же! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Подол!»), действительно имел место. Только произошел он все с тем же генералом Келлером. Получив отставку, Федор Артурович остался в Киеве. В день взятия города офицеры, брошенные гетманом, предложили ему снова принять командование. Келлер тут же отозвался и прибыл к штабу на Псковскую улицу, где находилась рота Киевского кадетского корпуса. Оттуда он на автомобиле пробыл на Александровскую улицу, где, как ему сказали, собралось около тысячи офицеров, готовых ехать на Дон. По дороге генералу пришлось отстреливаться от петлюровцев. Но на Александровской осталось к тому времени не больше трех сотен офицеров. «При таких условиях мысль графа Келлера о движе-

нии на соединение с армией генерала Деникина оказалась неосуществимой, — вспоминал его бывший сослуживец по гвардии и бывший киевский губернатор Федор Безак. — И ему пришлось распустить последних оставшихся офицеров. Сам же он вместе со своим ординарцем направился в Михайловский монастырь».

Через день петлюровцы арестовали Келлера и расстреляли возле памятника Богдану Хмельницкому. По стечению обстоятельств тогда на этом монументе еще красовались слова: «Единая неделимая Россия» — тот самый лозунг, которому искренне служил граф. Характерно, что он был одним из тех двух генералов, которые отказались в 1917 году принять отречение

Николая II. Удивительно, но виновные в его гибели Петлюра и командир сечевых стрельцов Коновалец оба погибнут насильственной смертью от рук киллеров. Не хочешь, а пове-ришь в закон возмездия.

Федор Келлер
до конца
остался
верным своим
убеждениям

Офицерские погоны гусар в Российской империи были не просто из золотого или серебряного галуна, как обычные, но еще и декорировались зигзагообразной вышивкой из та-ких же нитей.

Булгаков придумал Най-Турсу службу в никогда не существовавшем Белградском гусарском полку, как выдумал для Киева Алексеевский спуск вместо Андреевского. Среди двадцати гусарских полков, существовавших в империи на момент ее развала (восемнадцать армейских и двух гвардейских), Белградского не было и не могло быть. В России полки никогда не называли по именам заграничных городов. Но числился полк с похожим названием — правда, уланский, а не гусарский — 12-й Белгородский.

Его отличала, кстати, очень «националистическая» по расцветке сине-желтая парадная форма и такая же фуражка. Как видим, никто желто-синее цветосочетание в царской России не запрещал, как иногда утверждают. Более того! В составе императорской армии кубанские казацкие части носили названия бывших куреней Запорожской Сечи, а один из гусарских полков вообще назывался 15-м Украинским! Это специально для тех, кто утверждает, будто само слово Украина якобы находилось под запретом. Учите историю, господа!

субботние истории для взрослых от Олеся Бузины

130 лет ■ Что бы ни говорили об этом человеке, но забыть его роль в нашем прошлом невозможно. И как ни парадоксально, но без Сталина не было бы современной Украины, а значит, всех нас

Жилой дом на Крещатике. Центральная улица Киева — блестящий пример сталинского стиля в архитектуре

Генералиссимус. Вождь и учитель на пике славы и могущества

ДНИ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА

Советские времена официальной датой рождения Сталина считалось 21 декабря 1879 года. Но запись о рождении в Успенской церкви городка Гори и документы Санкт-Петербургского жандармского управления дают другое число — 18 декабря 1878-го. Почему так — не известно. Но даже в этом проявилась двойная сущность будущего вождя — как говорили в старину, «дважды рожденного».

К Сталину невозможно относиться однозначно. В нем видят разрушителя дореволюционной России и — восстановителя империи, при котором она достигла наивысшей мощи. Его упрекают за попустительство антирелигиозной политике в 20-е годы, когда священники репрессировались, а церкви почти поголовно закрывались, и тут же прославляют как восстановителя православия, в годы войны снова разрешившего избрать патриарха. Выигранная Великая Отечественная и миллионы жертв, ГУЛАГ и возможность государственной карьеры для вчерашних рабочих и крестьян, цензура и поголовная грамотность впервые в истории России, кирзовый сапог и ядерное оружие — все это Сталин! О себе самом он говорил: «На

мою могилу нанесут гору мусора, но ветер истории развевает ее».

В годы перестройки общественному сознанию навязывался образ Сталина-недоумка — необразованного тупого тирана, страдавшего паранойей. Кибернетику не оценил, генетику запретил, нападение Гитлера проворонил... Разве может такой человек быть гением? Даже истоки его жестокости искали в патологическом характере личности, забывая, что Сталин боролся с бесчисленными маленькими сталинами вокруг себя. Проманхнул он, «недорезь» — и победил бы Троцкий, Тухачевский или еще кто-нибудь, кого до недавних пор записывали в «жертвы режима», забывая о тысячах людей, которых эти «агнцы» отправили на тот свет.

Но лидер не может действовать в пустоте. Не он определяет характер времени, в котором живет, а люди, населяющие пространство вокруг него. Если они жестоки, если идеалом для них становятся атаманы, вроде Махно или батьки Ангела, то усмирить их можно только такими же сильнейшими средствами. В эпоху бандитов настоящим вождем может стать только сверхбандит. Иосиф Джугашвили, начинавший политическую карьеру с грабежа для

партии банковских контор, изучивший простого человека в тюрьме и ссылке, не страдал русскими интеллигентскими комплексами, и очень реально (возможно, даже чересчур) смотрел на то, что сам называл народными массами.

Конечно, жаль, что он так промахнулся с кибернетикой. Но что

Иосиф Сталин:
«На мою могилу
нанесут гору мусора,
но ветер истории
развевает ее»

мешало развивать ее тому же Горбачеву? Или теперь Ющенко с Тимошенко? Не мог же Сталин сделать все за политических менеджеров будущего, оставив им только возможность кататься на лыжах в Буковеле и бродить по бутикам в Милане?

Миф о сталинской необразованности разбивается о факты. Иосиф Виссарионович прослушал полный курс семинарии. Его отчислили только перед выпускными экзаменами. По одной версии — за марксистскую пропаганду. По другой, которой я больше доверяю, — за непокорство преподавателям. Гордый честолюбивый молодой человек плохо подчинялся строгим семинарским распорядкам, за что и потерпел.

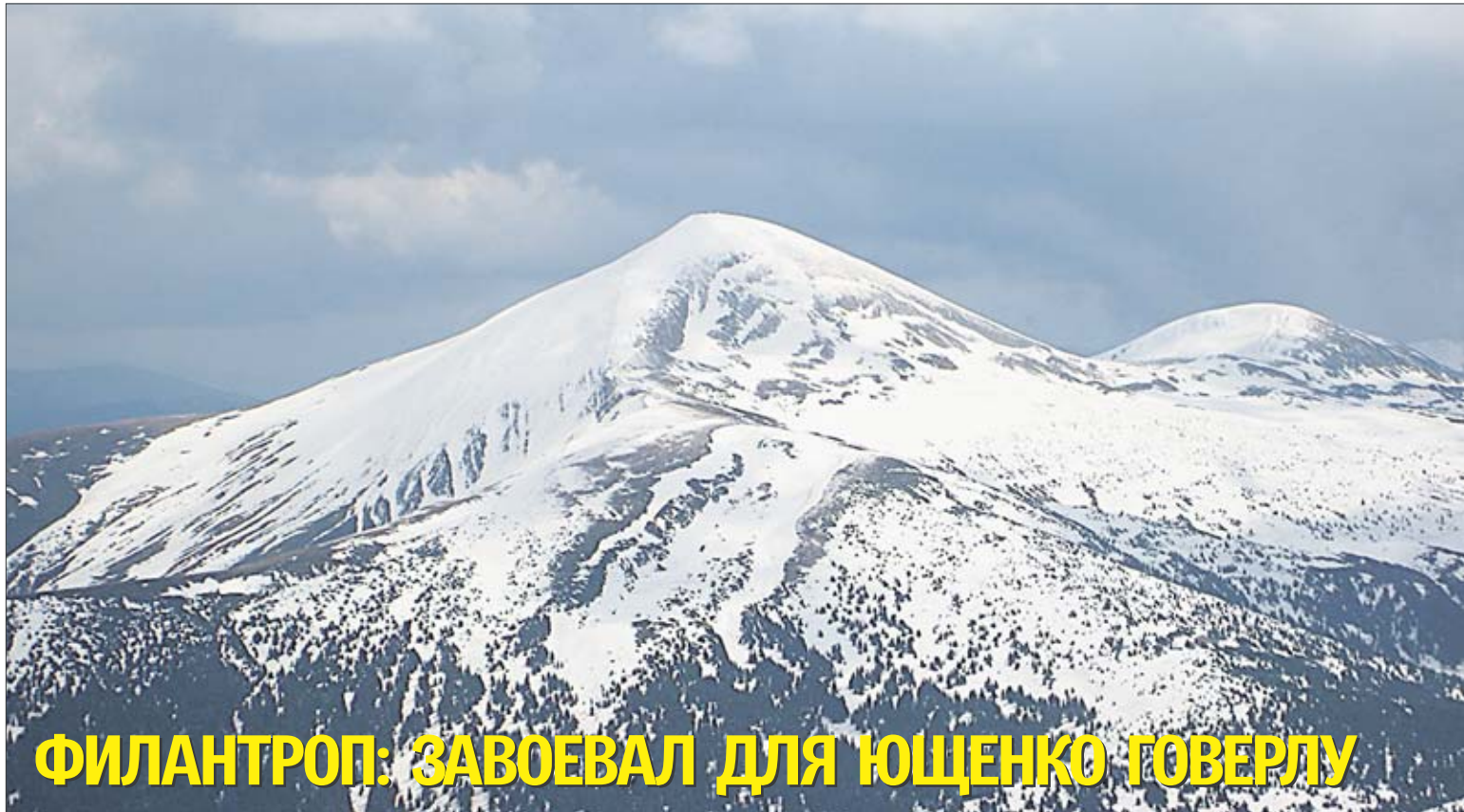
Но гуманитарную подготовку семинария давала прекрасную. Сталин куда лучше, чем любой из нас, ориентировался в богословских вопросах, изучал древние языки, историю. И прилежно изучал! Сохранилась табель Иосифа Джугашвили времен его учебы в Горьком духовном училище. Там почти одни пятерки — даже по чистописанию и русскому языку. Четверки только — по арифметике и греческому. Никакого блага у сына сапожника не было. Если

бы он плохо учился, то в Тбилисскую семинарию после училища просто бы не поступил. Значит, был из лучших учеников.

СОВЕТСКИЙ ЭСТЕТ. У Сталина был прекрасный художественный вкус. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по Крещатику и сравнить построенные при генералиссимусе здания с «какофонией» Майдана Незалежности. Московские высотки — последний взлет архитектуры на территории СССР, а «сталинки» — до сих пор самые надежные жилые дома в наших краях.

Среди своих современников вождь предпочитал писателей, которые стали общепризнанными классиками — Булгакова и Алексея Толстого. А один из его любимцев — Шолохов — даже получил Нобелевскую премию.

Благодаря Сталину, в 1934 году советская школа вернулась к принципам дореволюционной гимназии. По сути, каждому советскому ребенку давали то же образование, которое до революции могли получать только дети из верхов общества. И этот список можно продолжать и продолжать... Как и вклад, который сделал товарищ Сталин не только в общесоюзную, но и в украинскую историю.

ФИЛАНТРОП: ЗАВОЕВАЛ ДЛЯ ЮЩЕНКО ГОВЕРЛУ

■ По официальной версии, Сталин любил детей. Есть много фотографий, где он держит на руках пионеров. Но, наверное, больше всех он любил еще не родившегося тогда маленького пионера Витю Ющенко. Для этого мальчика Иосиф Виссарионович провидчески присоединил к Украине все его любимые места — Галичину со Львовом, Карпаты с Говерлой, Волынь, откуда завелась УПА, и даже Закарпатье, где родился глава президентского Секретариата Виктор Балаго. Так что, не будет преувеличением сказать: не было бы Сталина, не было бы и Ющенко. Преступление это перед человечеством или еще одна заслуга вождя всех времен и народов, пусть решают потомки. Несом-

ненно другое: ни Степан Бандера, ни Симон Петлюра, ни даже сам великий обманщик Петра I гетман Мазепа, вместе взятые, не сделали для Украины столько территориальных приобретений, сколько совершил их залитый кровью «красный диктатор».

Только от воли Сталина зависело, где проляжет западная граница УССР в 1939 и 1945 годах. Будь генералиссимус настоящим украинофобом, он никогда бы не отобрал у Речи Посполитой «кресы всходни» (восточное пограничье), как до сих пор называют эти места поляки. Весьма спорная территория, где среди городского населения западные украинцы отнюдь не составляли большинство, была украинизирована

только благодаря Сталину. Причем насильственно!

После 1944 года, когда во Львов вошла Красная армия, поляки-львовяне почти в полном составе были выселены из этого города, а польские школы закрыты. Это было такое же варварское переселение народов, как послевоенная польская акция «Висла», когда свою историческую родину потеряли бойки и лемки.

Практически забыто и то, что накануне Великой Отечественной войны в 1940 году, благодаря политическому решению Сталина, у Румынии была аннексирована Буковина. Эти земли со смешанным украинско-румынским населением стали еще одним кирпичиком в фундамент будущей независимой Украины.

Но и Волынь до 1939 года официально не была украинской! По договору 1920 года после проигранной советско-польской войны бывшая Волынская губерния Российской империи отошла под контроль Варшавы.

Только реваншист Сталин, заключив с Гитлером пакт Молотова-Риббентропа, так проклинаемый прогрессивной западной общественностью, отдал эту территорию советской Украине. Видимо, он любил еще одного маленького мальчика — Леню Кравчука, жившего в этих местах и мечтавшего о карьере советского бюрократа и «першого президента». Чего не сделаешь ради такого чудо-ребенка?

ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНЕДЖЕР УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

■ Сейчас о роли Иосифа Виссарионовича в создании украиноязычного культурного пространства на официальном уровне не говорят ни одного доброго слова. А роль эта поистине велика! На протяжении всех 20-х годов Сталин официально поддерживал советскую политику украинизации. Партийных чиновников заставляли учить «мову», газеты и журналы массово переводили на украинский язык, еще немые фильмы сопровождали соответствующими субтитрами.

Эта политика достигла пика в 1933 году. К этой дате украинизировали все, что смогли. Не желавшее украинизоваться, как Катаев, Бабель, Булгаков или Багрицкий, просто сбежало в Москву. Зато на свободном месте расцвели «подлинно украинские» таланты — Тычина, Сосюра, Иван Ле, и другие.

Население городов все равно оставалось русскоязычным. От новой литературы плевались. Назначенные партией украинские «классики» в быту преимущественно общались по-русски, а потом, как за станок, садились за стол и изображали из себя «українських радянських письменників». Это шутовство хорошо

оплачивалось. Памятником ему в Киеве до сих пор стоят два дома, «обклеенные» бюстами писателей, которые в них жили. Один — в самом начале улицы Красноармейской. Другой — на перекрестке в конце улицы Ленина (теперь Богдана Хмельницкого).

О качестве последнего строения говорит тот факт, что в нем не погнушался поселиться вице-премьер тимошенковского правительства Алек-

сандр Турчинов. Оказывается, квартиры сталинских литераторов — самое подходящее место для проживания новых «демократов».

Сталин лично помогал Довженко снимать фильм «Щорс». И хорошо помогал! Без него тот снял бы что-нибудь такое же малосмотрительное, как забытый ныне «Аэроград», о котором большинство читателей даже не слышали. Иосиф Виссарионович поработал у Довженко соавтором сценария, о чем теперь предпочитают не вспоминать.

Любимым сталинским украинским драматургом был Александр Корнейчук. Его карьера лишняя раз доказывает, что у главы СССР было чутье на литературные таланты. Когда после перестройки подняли из-под спуда творения запрещенных драматургов 20-х, вроде Миколы Кулиша с его «Миной Мазайлом», оказалось, что корнейчуковские «В степях Украины» — все равно на две головы выше. Корнейчук остался непревзойденным мастером драматургической техники и юмора. В годы Великой Отечественной войны Сталин отметил премией имени себя его пьесу «Фронт» — о

конflikте «старого и нового» в среде советских генералов.

Маршал Тимошенко узнал в главном отрицательном герое пьесы туповатом «кавалеристе» генерале Горлове себя и попросил у Сталина запретить «Фронт» как вредное произведение. Но Иосиф Виссарионович ответил отказом, заметив, что пьеса будет иметь «большое воспитательное значение для Красной армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки».

Этот конфликт показывает, что иногда вождю приходилось вставать на защиту «свободы слова». Сам же Корнейчук в 1944 году даже стал первым министром иностранных дел УССР — сразу после того, как Украина получила это ведомство. О психическом спокойствии творца Сталин очень беспокоился. Когда он решил перевести Корнейчука на должность главы комитета по делам искусств при Совнарком УССР, то лично просил Хрущева, возглавлявшего украинскую компартию, успокоить драматурга — чтобы он воспринял такое перемещение нормально, а не как знак опалы. Беседа была проведена, и ценный кадр не утратил творческий потенциал.

УСАТЫЙ НАСАДИТЕЛЬ КОБЗАРЕМАНИИ

► И наконец, именно Сталин являлся главным установителем культа Тараса Шевченко в Украине. При нем биографию поэта существенно подчистили, убрав из нее все неприглядные детали. Запретили писать о том, что Тарас болел гонореей, каялся перед царской властью, извратили подробности его следственного дела и полностью убрали любые упоминания о безалаберной личной жизни «радетеля за народ». Высшим проявлением этой тенденции в 1939 году стал сборник статей к 125-летию со дня рождения поэта «Памяти Т. Г. Шевченко». Он узаконил то, как и что отныне нужно писать о Кобзаре.

В том же году со всесоюзным размахом был отмечен день рождения Тараса Григорьевича. В Киеве и Каневе ему установили совершенно одинаковые памятники. Творческие вечера заставили провести не только в Москве и Ленинграде, но даже в Казахстане, где именем поэта был назван один из рыбколхозов. А биографии «гения» к этой дате написали даже Михаил Зощенко и Константин Паустовский. Если бы Тарас не обзавелся такой «рукой Кремля», как Сталин, никогда бы его культ не достиг тех абсурдных пределов, которые мы наблюдаем. По сути памятник Кобзарю отлил Иосиф Виссарионович. Независимая Украина только переокрасила его в желто-синий цвет.

Кобзарь. «Верный сталинец»

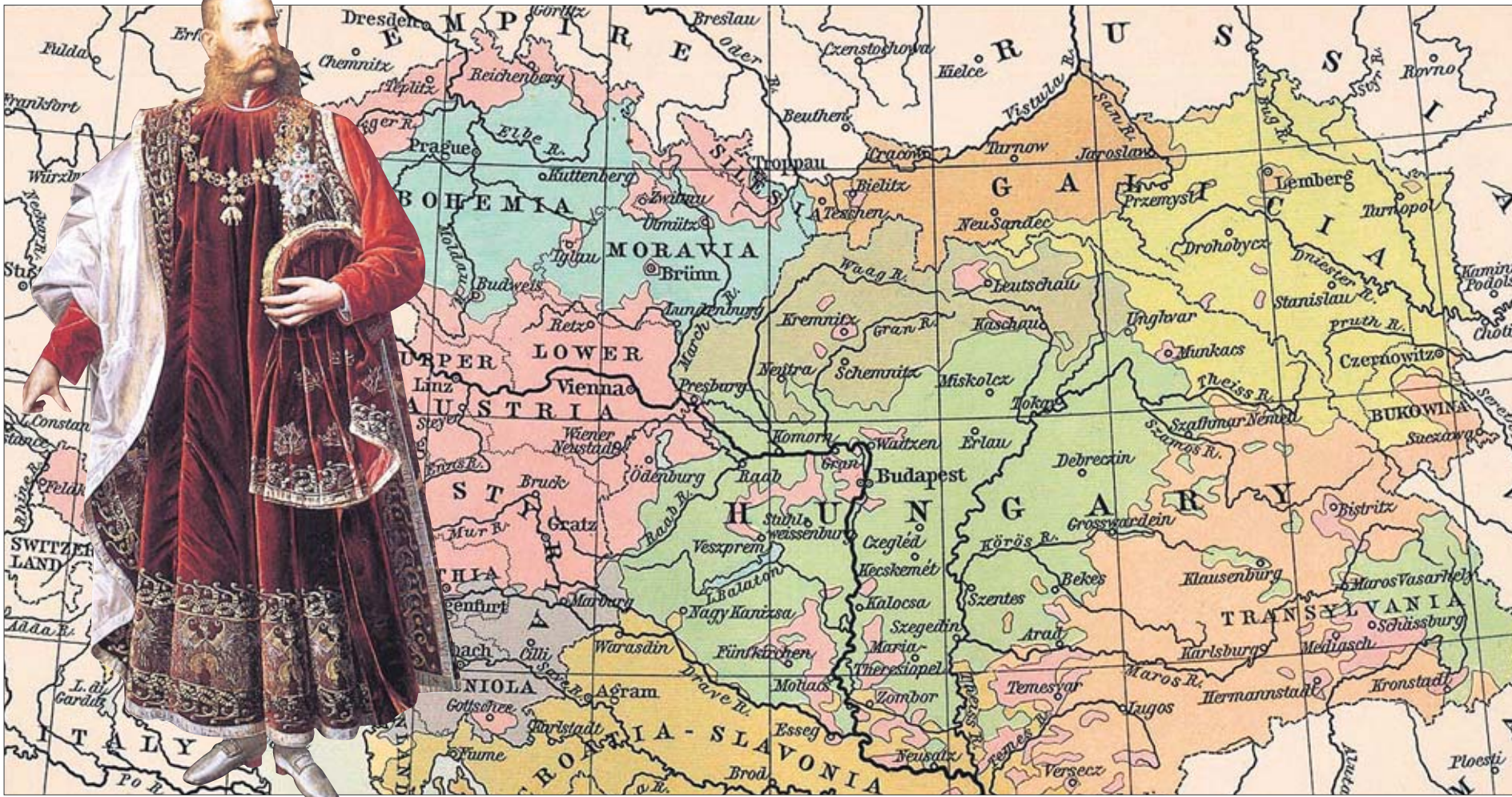

Своим любимцам
Довженко и Корнейчуку
вождь даже
подбрасывал ценные
творческие идеи

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Опыт прошлого ■ Одной из двух империй, породивших Украину, была распавшаяся в 1918 году Австро-Венгрия. Но в некоторых вопросах эта монархия была прогрессивнее нашей демократической республики

Франц Иосиф. Создатель двуединой монархии на фоне карты своей, как шутили, «лоскутной» империи, в которую входили больше десятка европейских народов

РЕКВИЕМ ПО АВСТРО-ВЕНГРИИ

Новый 1919 год Европа встретила без своей самой большой страны — Австро-Венгрии. Она «почила в Бозе» после многомесячной агонии, успев выиграть войну у России и тут же распавшись на куски от разрывавших ее многочисленных «национализмов». Навсегда ушла в прошлое элегантная, гремевшая венской опереттой и чардашами «Дунайская монархия».

В дореволюционной России и СССР к Австро-Венгрии было принято относиться иронично. Ее называли «лоскутной империей», намекая на то, что она состояла из огромного количества малых народов. Кто только не населял эту страну, кроме титульных австрийцев и венгров — словаки, чехи, поляки, боснийцы, русины, евреи. Это было самое многонациональное государство Европы — эдакий Евросоюз в миниатюре.

КОРОЛИ ГАЛИЧИНЫ. Но у нас его практически не знают, несмотря на то, что 4 миллиона прадедушек и прабабушек нынешних западных украинцев до 1918 года значились подданными последнего австрийского императора Карла I. Львов именовался на картах Лембергом, а территория Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей официально называлась «королевством Галиции и Лодомерии» — то есть Галичины и Владимирщины.

Украинский желто-синий флаг тоже возник на этой территории. Знамя именно этих цветов австрийское правительство вручило в 1848 году русинским стрелкам,

навербованным для подавления венгерского восстания, — оно передавало старинные цвета галицийского герба — желтый лев на голубом геральдическом щите.

Более того! Если в Украине когда-либо возникнет монархия, то самыми законными наследниками киевского престола из безработных европейских династий до сих пор числятся австрийские Габсбурги. Так, к примеру, еще несколько лет назад считал киевский писатель Густав Водичка. Один из Габсбургов — кронпринц Вильгельм даже собирался в 1918 году стать нашим королем. Ради этого он выучил украинский язык настолько хорошо, что писал на нем стихи (Юлии Тимошенко до такого уровня еще учиться и учиться) и обожал носить под мундиром вышиванку. Растроганные сечевые стрельцы, служившие под его командой, даже называли за это принца Василем Вышиваным. Жаль, что не стал! Много было в украинской истории комедий — только этой не хватало.

Но если без шуток, то у покойной деспотической Австро-Венгрии нынешней демократической Украине можно многое позаимствовать. Например, в языковой политике. Несмотря на то что европейская хартия о языках национальных меньшинств у нас уже несколько лет, как ратифицирована, вводить ее в действие никто не собирается. Сколько воплей в парламенте вызывает предложение предоставить русскому статус официального!

11 ОФИЦИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ. А в Австро-Венгрии официальными еще в XIX веке были признаны одиннадцать языков — немецкий, венгерский, чешский,

Шенбрун. Дворец австрийских кайзеров — и сегодня украшение Вены

ДИНАСТИЯ, КОТОРУЮ СПАС УКРАИНЕЦ

► Если не считать Великобританию, то Австро-Венгрия стала первой конституционной империей в континентальной Европе. Она возникла в результате компромисса между абсолютизмом и парламентаризмом, феодальным дворянством и буржуазией, национализмом и монархическим интернационализмом. Казалось, такое государство невозможно. И, тем не менее, оно состоялось. Причем во многом благодаря невероятно красивой императрице Елизавете — супруге императора Франца Иосифа.

Предшественницей двуединой монархии была Австрийская империя — классическое са-

модержавное государство. В XVII—XVIII веках оно сыграло такую же прогрессивную роль в борьбе с турецким нашествием, как и Российская империя. Именно австрийцы отвоевали у турок Венгрию с ее тогдашней столицей Будой — половиной нынешнего города Будапешт. Но в 1848 году венгры восстали уже против Австрии. Усмирить их удалось только благодаря вмешательству России и экспедиционной армии генерал-фельдмаршала Паскевича — украинца по происхождению, которого Николай I послал вместе с войсками своему союзнику Францу Иосифу для усмирения мятежа.

словацкий, польский, сербохорватский, словенский, румынский, украинский и даже итальянский. Наверное, признали бы официальным и еврейский. Предпоследний кайзер Франц Иосиф был добрым и еврейских банкиров просто обожал. Но так как евреи в Австро-Венгрии разговаривали на идише, а идиш был диалектом немецкого, то делать его официальным не имело смысла.

Даже в австро-венгерской армии существовал языковой плюрализм. Солдаты в частях комплектовались из одних и тех же областей. Главным служебным языком считался немецкий. Но, кроме него, функционировали еще несколько полковых языков, на которые переводились все служебные документы. Статус полкового язык получал, если на нем разговаривали не менее двадцати процентов военнослужащих части. Вот это демократизм, правда?

И ведь что странно: в наших школьных учебниках постоянно рассказывают о притеснении украинского языка в Российской империи и в противовес приводят положительный пример Австрии. Мол, во Львове, который принадлежал ей, украинская культура могла развиваться свободно, а язык там никто не запрещал. Но на практике современные «украинизаторы» следуют именно методам российской «тюрьмы народов» — изгоняют языки нацменьшинств отовсюду и даже на УТ-1 перекрывают русские синхроны с киевских улиц дубляжем. Нет чтобы поучиться у любимых Габсбургов!

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ИМПЕРИЯ КОНТИНЕНТА

► Франц Иосиф оказался неблагодарным человеком и всего через пять лет потребовал от России во время Крымской войны очистить дунайские княжества — территорию будущей Румынии. Русские ушли, напоследок оставив крылатую фразу своего посла в Вене: «Ваш молодой император делает большую ошибку». Так был завязан первый узелок будущей мировой войны. А Франц Иосиф уже в 1866 году проиграл войну Пруссии. После этого венгры опять потребовали расширения своих политических прав. Империя оказалась на грани развала. Но спасла ее молодая императрица Елизавета — Зисси, как сокращенно называли ее в императорской семье. Венгерским представителям удалось пробиться через нее к ее мужу и донести свои требования. Ни венгры, ни австрийцы, на самом деле, не хотели воевать всерьез между собой, помня развал 1848 года и понимая, что новая гражданская война погубит поднимающуюся экономику.

В результате, 29 марта 1867 г. была произведена реформа. Австрийская империя и Венгерское королевство стали союзом двух государств под властью одного монарха. Даже на пряжке их солдат одно время красовались два герба — двуглавый орел Габсбургов и венгерский щит с короной св. Стефана. К Австрии, кроме собственно австрийских земель, отошли еще и Чехия, а также Галиция. Венгрия получила Словакию, Хорватию и Словению, которые имели свои парламенты и автономию. Нынешнее украинское Закарпатье, называвшееся тогда Подкарпатской Русью, тоже относилось к венгерской части двуединой монархии. Накануне Первой мировой войны в Австро-Венгрии проживало около 52 млн человек. При этом она считалась самой большой по площади европейской страной, так как Российская империя, кроме Европы, занимала еще и значительную часть Азии. Это было очень высокоразвитое в промышленном отношении государство. К примеру, в 1914 году австрийский флот на Адриатическом море по количеству новейших кораблей превосходил Балтийский и Черноморские флоты России вместе взятые.

Веселая венская жизнь

ИМПЕРАТРИЦА ЗИССИ — ЛЕДИ ДИ XIX ВЕКА

Зисси. Портрет императрицы передает ее элегантность и шарм

■ Жизнь последних Габсбургов — блестящее подтверждение пословицы, что богатые тоже плачут. В XIX веке жена императора Франца Иосифа была так же скандально знаменита, как совсем недавно принцесса Диана. По рождению баварская принцесса, выросшая в очень мягкой семье, она плохо уживалась со строгим этикетом венского двора. Ее слишком глубокие декольте и нарушение церемониала становились предметом жарких конфликтов с матерью императора — Софией. Свекровь и невестка постоянно грызлись, а добродушный Франц Иосиф никак не мог помирить их.

Кроме того, Зисси частенько заводила романы на стороне, обожала езду верхом, а вторую половину жизни вообще провела в основном за границей — на многочисленных европейских курортах. Конец ее приключениям положил... напильник итальянского террориста Луиджи Луккени. На беду, в Австро-Венгрию входили еще и спорные земли между Северной Италией и Словенией. Итальянцы хотели присоединить их к себе, но так как большой войны не было, то

самые горячие головы из них решили прибегнуть к террору.

10 сентября 1898 года императрица Зисси прогуливалась в Швейцарии по набережной Женевы. Ее сопровождала только одна фрейлина. Совершенно неожиданно из празднично одетой публики вынырнул молодой человек и пырнул супругу императора Австро-Венгрии заточкой, сделанной из обычного напильника. Это «шило» пробilo корсет и вошло в сердце. Елизавета даже не поняла, что произошло.

**Итальянский
террорист убил
жену Франца
Иосифа обычным
напильником**

Поначалу она приняла нападавшего за обычного грабителя. Императрице даже хватило сил встать на ноги. Но потом она потеряла сознание и умерла.

За несколько лет до этого покончил самоубийством вместе с любовницей ее единственный сын наследник престола Рудольф. В Австрии до сих пор существует культ Зисси. О ней снято множество фильмов. Именно с роли Зисси начала карьеру самая известная из увлечений Алена Делона — Роми Шнайдер. Для нее эта роль тоже оказалась роковой. Фактически Роми повторила судьбу Зисси — ее сын тоже трагически погиб, а она преждевременно умерла в молодом возрасте.

Так увидел ее смерть современный голландский художник Эрвин Олаф

ДОБРЫЙ СЛАВЯНОФИЛ ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД

■ После смерти Рудольфа наследником стал эрцгерцог Франц Фердинанд — племянник императора Франца Иосифа. Он известен в основном благодаря фразе из романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»: «Убили, значит, Фердинанда-то нашего. Того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного...»

Убийство эрцгерцога сербскими террористами в 1914 году во время посещения Боснии вызвало Первую мировую войну. Но сербы стреляли не в того.

Новый наследник престола больше всего не хотел войны с Россией и понимал, что Австро-Венгрии нужно в очередной раз реформировать. В начале XX столетия больше половины ее населения составляли славяне — чехи, словаки, поляки, словенцы, хорваты. Некоторые из них, как хорваты, сохраняли верность империи. Другие — становились сепаратистами. Они хотели больше прав, логично считая: раз венграм можно, то чем мы хуже?

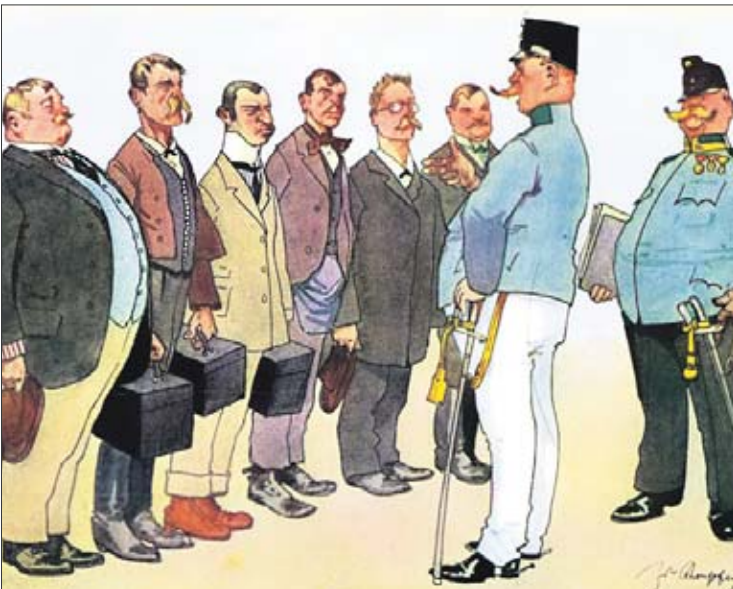
Франц Фердинанд был готов пойти этим недовольным навстречу. Чтобы предотвратить внутренний кризис, он предлагал превратить двуединую монархию в триединую — из австрийской, венгерской и славянской частей. Тем более что для симпатий к славянам у него были личные причины. Эрцгерцог был женат на графине-чешке, имел от нее детей и большую часть времени проводил в своем охотничьем замке в Чехии, о котором упоминает Гашек в своем романе.

Эрцгерцог был настоящим политическим пророком. Однажды он сказал:

«Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую

Эрцгерцог Франц Фердинанд. Еще не знает, что идет навстречу пуле

Карикатура. В Австро-Венгрии любили подшучивать над своей армией

всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий... Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими».

А начальнику австрийского генштаба фон Гётцендорфу, наследник престола заявил, что войны с Россией нужно избегать, так как от нее выиграет только Франция и французские масоны-антимонархисты, «которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Сложилась парадоксальная ситуация: приход Франца Фердинанда на смену Францу Иосифу, которому шел уже девятый десяток, мешал и венграм, не желавшим потерять Словакию и Хорватию, и сербским экстремистам, грезившим королевством южных славян, и французам, мечтавшим столкнуть Австрию с Россией. В убийстве эрцгерцога было слишком много заинтересованных. До конца истоки этого теракта не распутаны и сегодня.

Выстрел в Сараево положил начало Первой мировой и будущему распаду двуединой монархии. Нынешней Украине как некоторым образом наследнице этой гибели империи остался урок: многонациональная страна с внутренними межэтническими противоречиями должна быть очень осторожной во внешней политике и последовательно федеративной. Иначе она рискует повторить судьбу Австро-Венгрии.